

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

№ 1 (10) 2026

Журнал основан в 2023 году. Издается один раз в три месяца.

Периодическое печатное издание (журнал): «Право и государственность».

Учредитель: Шайхуллин Марат Селирович.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-86059 от 13.10.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Издатель: Шайхуллин Марат Селирович, адрес издателя: 450059, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Р. Зорге, д. 20, оф. 7.

Журнал издается при поддержке научно-издательской группы «ЮРКОМПАНИ».

Адрес типографии: 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ООО МедиаПринт, ул. 50 лет Октября, д. 20, тел.: +7 (347) 216-34-45, веб-сайт: <https://mdprint.ru>.

Дата выхода в свет: 16.03.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 6.08. Тираж 100 экз. Свободная цена.

E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Тел.:** +7-903-31-25-790. **Веб-сайт:** <https://lawstate-journal.ru>.

Журнал размещается в открытом доступе в Научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 10-01/2024.

Журнал индексируется в РИНЦ.

Подписной индекс издания 015490. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

LAW AND STATEHOOD

№ 1 (10) 2026

The magazine was founded in 2023. It is published once every three months.

Periodical print publication (magazine): «Law and Statehood»

Founder: Shaikhullin Marat Selirovich.

Registration body: Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: PI №. FS 77-86059 of 13.10.2023.

Address of the publisher and editorial office: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

Publisher: Shaikhullin Marat Selirovich, publisher address: 450059, Russian Federation, Ufa, st. R. Sorge, 20, of. 7.

The journal is published with the support of research and publishing group «YURKOMPANI».

Printing house address: 450005, Ufa, Russian Federation, ООО МедиаПринт, st. 50 years of October, 20, tel.: +7 (347) 216-34-45, website: <https://mdprint.ru>.

Release date: 16.03.2026. 62x84 1/8 format. Cond. pech. l. 6.08. Circulation of 100 copies. Free price.

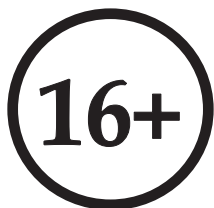
E-mail: pravoigosudarstvennost@mail.ru. **Tel.:** + 7-903-31-25-790. **Website:** <https://lawstate-journal.ru>.

The journal is publicly available in the Scientific Electronic Library of elibrary.ru under contract № 10-01/2024

The journal is indexed in the RSCI.

Subscription index 015490. Placement in electronic subscription catalogue

GC «Ural-Press» - on the website www.ural-press.ru.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала. При использовании материалов, содержащихся в журнале, вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на статьи и иные материалы, опубликованные в данном издании.

All rights reserved and protected by the copyright law of the Russian Federation. References to this edition are mandatory. The point of view of the authors of the materials published in the journal may not coincide with the point of view of the Editorial Board and the Editorial Board of the journal. When using the materials contained in the journal, you must provide an appropriate indication of authorship, provide a link to articles and other materials published in this edition.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, заведующий кафедрой административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии.

Члены редакционного совета

Белоусов Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Блинов Александр Георгиевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Малый Александр Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Казань);

Михеева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Йошкар-Ола);

Мохов Александр Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва);

Петров Дмитрий Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Покачалова Елена Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России (г. Уфа);

Соловых Светлана Жорисовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Туманов Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Филиппов Петр Мартынович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации;

Чаннов Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

Шапиро Людмила Геннадьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Саратов);

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, адвокат, главный редактор журнала «Право и государственность».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии

Станкин Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель главного редактора;

Николаева Татьяна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, ответственный секретарь;

Герасимов Александр Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;

Грудцына Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Колесников Евгений Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии;

Киреев Валерий Витальевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета;

Колесников Андрей Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина Саратовской государственной юридической академии;

Мионов Ринат Гаянович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академия ВЭГУ);

Миннигулова Динара Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России;

Остапович Игорь Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;

Хабибуллина Гульнара Рушановна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета;

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России;

Королёв Станислав Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке Саратовского филиала ИГП РАН;

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН;

Нырков Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии;

Сергеенко Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии;

Высоцкая Нателла Валерьевна – литературный редактор.

LAW AND STATEHOOD

Scientific and legal journal

EDITORIAL COUNCIL

Chairman

Sokolov Alexander Yuryevich – Doctor of Law, Professor, Director of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy.

Editorial Board Members

Belousov Sergey Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Blinov Alexander Georgievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Kozhevnikov Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg);

Levushkin Anatoly Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law University) (Moscow);

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Maly Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Kazan);

Mikheeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Mari State University, Honored Lawyer of the Russian Federation (Yoshkar-Ola);

Mokhov Alexander Anatolyevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Medical Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (Moscow);

Petrov Dmitry Evgenievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Pokachalova Elena Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa);

Solovykh Svetlana Zhorisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Tumanov Sergey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State History and Law of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Filippov Petr Martynovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation;

Channov Sergey Evgenievich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Saratov State Law Academy (Saratov);

Shapiro Lyudmila Gennadievna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Science of the Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov);

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, lawyer, editor-in-chief of the journal "Law and Statehood".

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor.

Editorial Board Members

Stankin Alexey Nikolaevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Chief Editor;

Nikolaeva Tatyana Viktorovna – Candidate of Law, Associate Professor, Executive Secretary;

Gerasimov Alexander Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal and Penal Law of the Saratov State Law Academy;

Grudtsyna Lyudmila Yurievna – Doctor of Law, Professor, Lawyer, Professor of the Department of Civil Law

Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Kolesnikov Evgeny Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy;

Kireev Valery Vitalievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Legal Disciplines of Chelyabinsk State University;

Kolesnikov Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin of the Saratov State Law Academy;

Mironov Rinat Gayanovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy (WESU Academy);

Minnigulova Dinara Borisovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Process of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ostapovich Igor Yuryevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev;

Khabibullina Gulnara Rushanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga) Federal University;

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Korolev Stanislav Yuryevich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Lakaev Oleg Anatolyevich – Candidate of Law, Senior Researcher of the Saratov Branch of the IGP RAS;

Nyrkov Vladimir Vladimirovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Theory and Law of the Saratov State Law Academy;

Sergeenko Yulia Sergeevna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law of the Saratov State Law Academy;

Vysotskaya Natella Valerievna – literary editor.

Содержание

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Самигуллин В.К.

Теория правового государства или правовая теория государства? 8

Осипян Б.А.

История, правовая сущность, элементы, формы разделения и функционального распределения единой государственной власти 17

Миннигулова А.Н.

Перспективы развития государственности в России 28

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Малый А.Ф.

Внесение изменений в устав общественной организации: некоторые особенности процедуры 36

Тришков А.Р.

Анализ хода муниципальной реформы в Республике Марий Эл в контексте интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти 42

Протасевич М.Г.

Местный референдум как инструмент демократизации муниципальной правотворческой деятельности 47

Краснова С.В.

Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений 52

Валишина Д.И.

Стимулирующие нормы в финансовом праве 57

Тухбатшина С.Р.

Особенности налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства 63

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Григорьева Н.В.

Алиментные обязательства: основные виды и их особенности 69

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Шайхуллин М.С.

О некоторых аспектах противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних 75

Мирхайдарова М.Ю.

Некоторые вопросы рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам опознаваемого лица 82

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 89

THEORY OF STATE AND LAW

Samigullin V.K.

Theory of the rule of law or the legal theory of the state? 8

Osipian B.A.

History, legal essence, elements, forms of separation and functional distribution of unified state power 17

Minnigulova A.N.

Prospects for the development of statehood in Russia 28

PUBLIC LAW SCIENCES

Malyi A.F.

Amendments to the Charter of a Non-Governmental Organization: Some Features of the Procedure 36

Trishkov A.R.

Analysis of the progress of municipal reform in the Republic of Mari El in the context of integrating local self-government into a unified system of public authority 42

Protasevich M.G.

Local referendum as a democratization tool municipal law-making activities 47

Krasnova S.V.

National projects in the system of legal regulation of public relations 52

Valishina D.I.

Incentive norms in financial law 57

Tukhbatshina S.R.

Features of taxation of small and medium-sized businesses 63

CIVIL LAW

Grigoreva N.V.

Alimony obligations: the main types and their features 69

CRIMINAL LAW SCIENCES

Shaikhullin M.S.

About some aspects of countering distribution alcohol among minors 75

Mirkhaydarova M.Yu.

On some issues of the working stage of presenting a person for identification by voice and speech characteristics of the identified person 82

INFORMATION FOR AUTHORS 89

Теория правового государства или правовая теория государства?

В.К. Самигуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

svenir@internet.ru

Аннотация. В статье в ключе с новейших веяний в теоретической и практической юриспруденции рассматривается вопрос о соотношении теории правового государства и правовой теории государства. На взгляд автора статьи, правовая теория государства имеет право на существование и развитие, поскольку строже и критичнее, чем теория правового государства или любая другая теория государства. В определенном смысле она может быть обозначена как инновационная. Она привлекательна тем, что открывает возможность обсуждать проблемы и вопросы государства в связке с гуманистическим правом. Иначе говоря, с точки зрения того, правильно или неправильно в плане количества и качества, гуманности и справедливости организовано общество в государственном отношении. Насколько успешно оно развивается в своей государственности в общем русле стихии социального развития, где право и неправое, безопасное и опасное, добро и зло, полезное и вредное представлены в различии и даны в определенных сочетаниях. В материале государство рассматривается как универсальная властно-управленческая структура, развивающаяся, подчиненная закону статике и динамики. Государство должно отвечать нравственным ценностям, принципам и нормам гуманистического права в самом высоком его предназначении. Государственность анализируется в аспекте отказа государства от идеи гуманистического развития, идеи правовой теории государства. Исследование различных аспектов развития государственности позволило сформулировать вывод о том, что на успех в реализации своих планов и проектов государство может рассчитывать лишь тогда, когда оно находит поддержку у населения. В научной статье формулируется позиция о необходимости диалога государства и общества, значимости взаимодействия государственных структур с населением, институтами общества, установления между их структурами партнерских отношений.

Ключевые слова: теория, право, государство, апологет, держава, государственность, движение, правовая теория государства, идея, концепция, понимание права.

Для цитирования: Самигуллин В.К. Теория правового государства или правовая теория государства? // Право и государственность, 2026. № 1 (10). С. 8–16.

Original article

Theory of the rule of law or the legal theory of the state?

V.K. Samigullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

svenir@internet.ru

Abstract. The article considers the correlation between the theory of the rule of law and the legal theory of the state. In the opinion of the author of the article, the legal theory of the state has the right to exist and develop, since it is stricter and more critical than the theory of the rule of law or any other theory of the state. In a certain sense, it can be designated as innovative. It is attractive in that it opens up the opportunity to discuss problems and issues of the state in conjunction with humanistic law. In other words, from the point of view of whether society is organized in a state attitude in terms of quantity and quality, humanity and justice. How successfully it develops in its statehood in the general direction of the element of social development, where law and wrong, safe and dangerous, good and evil, useful and harmful are presented in difference and given in certain combinations. In the material, the state is considered as a universal power-management structure, developing, subordinate to the law of statics and dynamics. The state must meet the moral values, principles and norms of humanistic law in its highest destiny. Statehood is analyzed in the aspect of the state's rejection of the idea of humanistic development, the idea of the legal theory of the state. A study of various aspects of the development of statehood made it possible to formulate the conclusion that the state can count on success in the implementation of its plans and projects only when it finds

support from the population. The scientific article formulates a position on the need for a dialogue between the state and society, the importance of the interaction of state structures with the population, institutions of society, and the establishment of partnerships between their structures.

Key words: theory, law, state, apologist, power, statehood, movement, legal theory of state, idea, concept, understanding of law.

For citation: Samigullin V.K. Theory of the rule of law or the legal theory of the state? // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 8–16.

Изучение литературы, – исторической, социологической, политологической, юридической и иной, – показывает, что существует значительное количество различных учений, в которых дается объяснение происхождения и развития государства, его сущности и предназначения, характеризуется организация государства, его функции, структуры. В ряде из них особое внимание уделяется анализу формы государства, взаимодействию общества и государства, взаимоотношениям человека (гражданина) и государства. Формируются концепции государства, принципиально отличающейся от подхода к пониманию государства, господствовавшей в советский период развития страны.

В действующей Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года с изменениями, внесенными в нее в 2020 году, закреплено, что Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое, социальное, светское государство с республиканской формой правления (статьи 1, 7, 14). Как видно из приведенной формулировки, Россия как государство представлено в разных измерениях, но в части научных кругов и среди политической элиты популярностью пользуется преимущественно идея правового государства, поскольку она получила конституционное признание и оформление. Идея правового государства получила отражение также в конституциях современных государств. Так, из государств ближнего зарубежья можно указать на Конституцию Казахстана (часть первая статья 1), на Конституцию Белоруссии (статья 1), из дальнего зарубежья – на Основной закон ФРГ (статья 23), на Конституцию Бразилии (статья 1), на Конституцию КНР (статья 5). Развивается также и идея социального государства, в варианте близкой к идее правового государства.

В философско-теоретическом отношении, интеллектуально, идея правового государства (нем. Rechtsstaat) аналог идеи господства права (англ. Rule of Law), и своими корнями она уходит в Древность, в Античность, но концептуально эта идея сформировалась в основном в Новое время. – приблизительно 200 лет тому назад в Германии. Эту идею персонально кому-то одному как первооткрывателю приписать затруднительно, потому что при погружении в ее происхождение выясняется, что целый ряд замечательных философов, ученых и специалистов обращались к ней, отстаивали и развивали ее в своих трудах. Из зарубежных авторов показательны труды И. Канта (1724 – 1804), Т. К. Велькера (1790 – 1869), Р. Фон-Моля (1799 – 1875). Некоторые авторы указывают еще на произведения Д. Локка (1632 – 1704) и Д. Юма (1711 – 1776). В дореволюционной России проблематикой правового государства увлеченно занимались, например, Б. Н. Чичерин (1828 – 1904), М. Гессен (1887 – 1950), П. И. Новгородцев (1866 – 1924) и др.

Отношение к идее правового государства не однозначное. Одни сторонники ее. Другие противники. Это особенно характерно для общественной мысли советского периода российского государства.

Так, в 1924 году А. Малицкий (? – ?) писал, что Советская республика есть государство правовое, осуществляющее свою деятельность в условиях правового режима, где каждый орган власти в исполнении своих общественных функций, своих должностных актов подчинен закону [1, с. 217 – 218].

А Л. Каганович (1893 – 1991), возражая такому пониманию природы Советской власти, говорил: «... мы отвергаем понятие правового государства... Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие «правового государ-

ства» к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»¹.

А. Е. Б. Пашуканис (1891 – 1937) утверждал: «Правовое государство – это мираж, но мираж весьма удобный для буржуазии, потому что он заменяет выветрившуюся религиозную идеологию, он заслоняет от масс факт господства буржуазии. Идеология правового государства удобней религиозной еще и потому, что она, не отражая полностью объективной действительности, все же опирается на нее. Власть, как «общая воля», как «власть права», поскольку реализуется в буржуазном обществе, поскольку последнее представляет собой рынок. С этой точки зрения и полицейский устав может выступать как воплощение идеи Канта о свободе, ограниченной свободой другого» [2, с. 93].

В современных условиях же в апологетах правового государства нет недостатка. Так, в Республике Башкортостан – крупном субъекте Российской Федерации – таковым являлся Раянов Ф. М. (1938 – 2024).

Он рассуждал следующим образом. «... нельзя придумывать отдельное понятие государства для француза или англичанина, для русского или американца. Понятие «государство», также как и понятие «стол» должно быть единое, понятное для всех людей, живущих на земле» [3, с. 12]. Выделяя четыре типа государства (ранний, классовый, политический, правовой), он представлял правовое государство как самостоятельный, более прогрессивный тип государства [3, с. 57]. «Ни один народ, ни одно государствообразующее общество не может изначально иметь правовое государство» [3, с. 57]. «Правовое государство, в отличие от многих других типов государства, формируется не силой, не в результате революций, а естественно-историческим путем, эволюционно, через осознание и осмысление его преимуществ перед другими исторически известными типами государств» [3, с. 83]. Он писал: «понятие правовое государство – это чисто европей-

ское, а, точнее, немецкое изобретение» [4, с. 23]. По его мнению, «как понятие правовое государство не является отражением конкретного государства. Оно скорее служит критерием для оценки конкретных государств и в то же время представляет собой результат осмысления практики организации и деятельности многих реальных государств» [4, с. 83]. Раянов Ф. М. полагал: «неправильно считать, что правовое государство – это государство, в котором есть право. Без права вообще нет государства. Правовым же считается такое, в котором власть и право опираются на общечеловеческую идеологию» [4, с. 83]. Что же значит общечеловеческая идеология? С его точки зрения, «общечеловеческая идеология не социальная, не национальная и даже не либеральная. Она представляет собой синтез всех позитивных идей, имеющих общемировое значение. Если же государство отдает предпочтение какой-либо одной идеологии, то оно не правовое, а классовое или политическое. Вот почему трудно согласиться с утверждением ряда советских авторов о том, что социализм порождает социалистическое правовое государство. Такого правового государства, как впрочем, и буржуазного, феодального, рабовладельческого правового государства быть не может» [4, с. 83 – 84]. По нему, главное то, что правовое государство «является продуктом цивилизованного общества» [4, с. 87]. «Правовое государство отличается от неправовых государств не признаками, ..., а принципами, то есть основными идеями, характерными чертами, определяющими сущность его деятельности. Среди них: верховенство в обществе легитимного закона; разделение власти; взаимопроникновение прав человека и гражданина; взаимответственность государства и гражданина; справедливая и эффективная правозащитная деятельность» [4, с. 88]. Раянов Ф. М. был убежден, что «альтернативы правовому государству нет» [5, с. 124], что «правовое государство – цель движения человеческого общества» [5, с. 123].

В 2005 году Раянов Ф. М. основал журнал «Правовое государство: теория и прак-

¹ Советское государство и революция права. 1930. № 1. С.9.

тика», который стал издаваться четыре раза в год, один номер в каждый квартал текущего года. На сегодня вышли в свет 82 номера этого журнала.

Однако не все столь ревностно и противоречиво отстаивают идею правового государства. Некоторые, несмотря даже на признание идеи правового государства конституционное в качестве важнейшей характеристики государственного устройства современного российского общества, идею о правовом государстве ставят под сомнение.

Так, С. Б. Поляков, ссылаясь на И. Бен-тама (1748 – 1832), считает, что связанность государства правом – фикция, т. е. заведомо ложное положение, на котором строится доказательство, как на истинном положении. Следовательно, фикция не может быть доводом [6, с. 32]. Этот автор убежден, что «... не может быть в природе человеческого общества надежных гарантий против произвола властей, не может быть связанности государства правом, точно так же, как не может быть вечного двигателя, волшебной палочки и прочих чудес, как бы нам их не хотелось» [6, с. 39].

Анализируя различные концепции государства, В. А. Четвернин пришел к выводу, что с точки зрения легистского понятия государства, невозможно объяснить, что такое правовое государство. Здесь понятие «правовое государство» становится бессмысленным, а сам этот термин представляет собой плеоназм, то есть речевое излишество, добавление ненужного слова [7, с. 104].

В системе функций любого государства, в том числе того, которое позиционирует себя как правовое, значительна роль охранительной функции¹, отсюда – в структуре его большое количество специфических правоохранительных органов, сотрудников, особенно полиции. Это привело к тому, что в среде исследователей правоохранительной деятельности государства сформировалось такое относительно самостоятельное направление исследований, которое

может быть обозначено как полициеведение. В ней существенную составляющую часть образует теория о полицейском государстве, по которой главная цель государства – достижение всеобщего счастья, в соответствии с которой задача полиции – обеспечение благополучия, удобства и спокойствия, увеличение совокупного достояния государства и счастья его жителей. Хотя в теоретическом отношении учение о полицейском государстве не лишена привлекательных сторон, на практике она была дискредитирована чрезмерным увлечением принудительными мерами в обеспечении публичной безопасности и общественного порядка лицами, осуществляющими полицейские функции, слабой эффективностью громоздкого полицейского и военно-полицейского аппарата. Получило распространение представление, по которому полицейское государство – это отсутствие правового государства, антипод его, репрессивное государство, использующее насилие в отношении тех, кто в оппозиции, и тотальный контроль за всеми во всех сферах жизни общества.

«Полицейское право», отстаиваемое полицистами, общественностью стало восприниматься как «не особенно приличное название» [8, с. 41]².

В этой связи стало развиваться административное право как альтернатива ему (полицейскому праву) и как наименование, более адекватное новым социальным явлениям и процессам. Однако и административное право подвергается критике, поскольку, на взгляд отдельных исследователей [9, 10], оно ведет к формированию административного (этатистского) общества и административного (бюрократического, аппаратного, командно-административного, менеджерского) государства, чуждых природе свободного человека и гражданина. Причем, подчас полицейское государство и административное государство отождествляются. Это особенно характерно для материалов публицистов.

Появились сторонники не столько те-

¹ В юридической литературе чаще ведут речь о правоохранительной функции государства. Вместе с тем обращается внимание также на его правообеспечительную и на правозащитительную функции.

² Цитируется по статье Н.С. Нижник [8, с. 41], она же относит цитату к работе Горбунова А.В., См.: Горбунов А. В. Курс лекций по полицейскому праву. Варшава, 1901.

ории правового государства, сколько правовой теории государства – концепции, выдвинутой еще, считается, Робертом фон Модем¹. В этом отношении показательны, к примеру, наработки последних лет ученых-юристов Екатеринбурга, Краснодара. Возникают и вопросы. Правовая теория государства – это новое учение о государстве или всего лишь иной формат концепции правового государства; перелицовка ее, используя несколько новеллизированную терминологию и в какой-то степени модернизированный понятийно-категориальный аппарат? Если теория правового государства есть новая теория, как она соотносится с теорией правового государства?

Трудные вопросы, потому что будь то правовая теория государства или теория правового государства, необходимо и важно определиться в термине правовая, правовое. Представляется, лучше всего смысловое содержание его усваивается тогда, когда этот термин рассматривается в связке с термином противоположным ему – неправовая, неправовое. В этом случае выясняется, что многозначны термины и правовое, и неправовое, как и понятия «право» и «неправо». Неправовое может пониматься, по меньшей мере, в двух смыслах: а) как то, что относится к природе, стихии; б) как то, что от людей, но произвольное, опасное. В этом случае правовое – это тоже то, что идет от людей. Но тех, которые, относясь сознательно и ответственно к окружающему миру и к своим проступкам, устанавливают в определенном порядке обращенные ко всем и к каждому обязательные к соблюдению разного типа и вида правила поведения. Отклонение от них признается ими правонарушением и даже преступлением, и при этом они (отклонения) оцениваются с использова-

нием специфических категорий, как-то: общественная опасность, противоправность, вина, риск и других, связанных с ними. В целях недопущения и пресечения отклонений от установленных правил поведения используются не только определенные меры юридической ответственности (наказания, санкции), но и меры поощрения². С этой точки зрения, правовое – это проявление культуры и образования, искусство; писанный разум, оформляющиеся в определенные формы, оцениваемые как информативные и императивные источники; права (свободы) и обязанности; добросовестность в отношениях; взаимодействие необходимое и выгодное сторонам. Актуализируется проблематика меры, как единства количественного и качественного начал, которая требует большего внимания и анализа, что сейчас.

Если следовать этой логике, то теория правового государства и правовая теория государства, несмотря на близость, могут быть разведены: правовая теория государства более строгая, чем теория о правовом государстве. Следовательно, правовая теория государства имеет право на существование и на развитие, но она должна, на наш взгляд, отвечать определенным условиям.

Это учение о государстве должно отвечать, прежде всего, требованию теоретичности. Правовая теория государства не может полностью освободиться от иных учений о государстве, которые с той или иной степенью достоверности характеризуют природу государства, его функциональные и структурные особенности как известной реальности, но в ней всегда должно быть в приоритете правовое начало. А это актуализирует проблемы и вопросы того, что есть право и неправо, право и закон, правовой закон.

¹ Роберт фон Модем родился в том же году, что и А.С. Пушкин (в 1799 году), но пережил его на 38 лет, то есть Модем прожил в два раза дольше Пушкина, умершего в 1837 году. И стал известен как ученый-юрист и политический деятель, оказавший значительное влияние на развитие германской государственности в направлении формирования правового и социального государства. В заслугу ему ставится то, что он отделил понятие о государстве от понятия об обществе, рассматривая его особое, как самостоятельный союз граждан, преследующих свои собственные, дозволенные законом цели. Он предпринял также попытку установить особый отдел общественных наук, стоящий между правом государственным и правом гражданским. Роберт фон Модем противопоставляет правовое государство античному государству и теократии. По его мнению, между государственным правом и политикой или государственным искусством должно стоять учение о государственной нравственности.

² Здесь хотелось бы обратить внимание, что не все отклонения от установленных правил являются негативом. Некоторые из них могут иметь позитивную направленность. Например, творческая деятельность изобретателя, ученого-новатора, выходящие за пределы понимания обычных людей, заурядных служивых.

В принципе, с точки зрения конструкта высокой идеи, критерию правовой теории государства отвечает в большей степени то учение о государстве, которое не только не абсолютизирует некритично закон в его формальном значении, а и не ориентируется на неопределенное право, право вообще. А развивается сообразно гуманистическому праву в глубинном смысле его. И в той степени конкретизированности и детализированности его, при которых учитываются, с одной стороны, наработки теории и практики специально-юридического регулирования общественных отношений, а с другой – непреходящие социальные ценности, принципы и нормы высокой общечеловеческой морали и культуры, а также достижения науки, техники, искусства¹.

Едва ли может быть положено в основу правовой теорией государства учение, которое рассматривает государство как фикцию. Для развития правовой теории государства в концептуальном отношении интереснее иные учения о государстве. Те, в которых государство есть реальная публичная власть; известная форма и специфический уровень ее; правильная организация определенного общества, которая обусловлена и связана повседневной жизненной необходимостью функционально решать задачи в интересах всего народа, образующего людской субстрат этого общества, прежде всего, в общем плане и в позитивном ключе. На первом плане – позитив, социально-полезное, затем и вместе с тем охрана, противостояние неправовому, противоправности в принятом в соответствующем обществе и его государственности смысле, а также в конвенциональном праве всего международного сообщества государств. Однако это не значит, что охранительная функция государства должна принижаться. В осуществлении своих функций – смысл деятельности государства. Д. В. Пожарский – исследователь государства, особенно российского государства, как социально-политического института – справедливо пишет, что «в глобальном контексте система функций государства претерпевает существенные из-

менения, что требует серьезного и своевременного научного осмысления, в том числе объективной оценки результативности каждой из них, а также выработки концептуальных основ взаимодействия» [11, с. 3]. Функции государства – «это имманентные направления и виды субъектно-публичной деятельности государства, обусловленные целями и задачами, выражающими его сущность и ценности» [11, с. 9]. «Охранительная функция государства представляет важнейшую, сущностную функцию государства, выполняющую роль гаранта безопасности, целостности и непрерывного развития российского общества» [12, с. 285]

Правовая теория государства, несмотря на то, что она теория, а не практика, не может не ориентироваться на практику, ее потребности и запросы. В этом смысле правовая теория государства не может не быть социально ориентированной: содержательно, функционально, структурно адекватной соответствующей социальной среде и ситуации, которые, хотя и изменяются под влиянием различных факторов, тем не менее, в них все же представлена некая логика – социальная логика, имеющая природную основу.

Правовая теория государства в определенном смысле может быть обозначена как инновационная. Она привлекательна тем, что открывает возможность обсуждать проблемы и вопросы государства в связке с гуманистическим правом. Иначе говоря, с точки зрения того, правильно или неправильно в плане количества и качества, гуманности и справедливости организовано общество в государственном отношении. Насколько успешно оно развивается в своей государственности в общем русле стихии социального развития, где право и неправое, безопасное и опасное, добро и зло, полезное и вредное представлены в различии и даны в определенных сочетаниях.

Если следовать правовой теории государства, то нельзя не обратить внимания на не естественные, а искусственные положения и конструкции, вызывающие те или иные вопросы. Даже некоторые конститу-

¹ В этом контексте правовая теория государства должна способствовать выработке толерантного отношения к представителям мировых религий (христианства и ислама), потому что в их главных книгах (Библии и Коране) применительно к пастве (миру, общине) каждой предлагается то же, но в иных формах, специфических, религиозных.

ционные положения и конструкции могут быть подвергнуты критике. Разумеется, конструктивной.

Полагают, что идея разделения властей – базисный принцип современного понимания правового государства – не только положен в основу конституционного строя Российской Федерации, но и строго и последовательно проведен по всему тексту конституции ее и в органических и иных законах. С этим, однако, трудно согласиться. Некоторые институты (например, Президента, Уполномоченного по правам человека, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия, Центробанк, ряд контрольно-надзорных инстанций) не вписываются в традиционную конструкцию разделения властей. Развитие государства в режиме господства права требует учреждения народного контроля с целью осуществления недопущения безответственной деятельности государственного аппарата, развития коррупции в структурах публичной власти, а защита прав и свобод человека и гражданина – настойчивости и последовательности в развитии института адвокатуры. Однако это обстоятельство не получило должного отражения в действующей конституции. Представляется, что в конституции наряду с учреждениями, выразительно характеризующими принцип разделения властей (парламентом, правительством, судами), должны быть обозначены и органы, которые, хотя и не вписываются в трехчленную конструкцию принципа разделения властей, тем не менее, образование их не противоречат ему. Более того, способствуют с определенной степенью надежности и эффективности осуществлению его на практике. В силу всего этого в статусном отношении эти органы должны быть поставлены в особые режимные условия – благоприятствующие успешному осуществлению полномочий в общих интересах общества и его государственности.

Государство как таковое универсальная властно-управленческая структура, развивающаяся, подчиняясь закону статики и динамики. Если оно не отвечает ценностям, принципам и нормам гуманистического права в самом высоком его предначертании,

то эффективность государства страдает, а идея государства, правовая теория государства дискредитируются. Кроме того, выясняется, что на успех в реализации своих планов и проектов государство может рассчитывать лишь тогда, когда оно находят поддержку у населения. Отсюда – необходимость диалога государства и общества, важность взаимодействия государственных структур с населением, институтами общества, установления между их структурами партнерских отношений.

Требуется уточнить соотношение понятий «государство» и «государственность». Известны несколько десятков характеристик государственности. Из этого следует, что государственность иное, чем государство.

Представляется, что государственность может рассматриваться как процесс, взятый в том или ином контексте. Но лучше, когда государственность исследуется как движение – масштабное социальное движение, в которое включены большие массы людей, но в которой активную роль играет наиболее продвинутая часть их – державники.

Смысл этого движения – упорядочить в функциональном режиме развитие конкретного общества, взятого во всей его сложности.

Разумеется, державники, – целеустремленные государственники, если они действительно желают добиться поставленных перед собой целей и задач, – не могут не считаться с историческим опытом, потребностями и интересами народа, не учитывать особенности реальной обстановки, существующие угрозы и вызовы.

Государственность, зародившись как движение, в своем развитии, оформляясь в различные формы, проходит определенные стадии. Они могут обозначаться по-разному. Например, метафорически, как детство, юность, зрелость и т. д. Но на какой бы стадии своего развития государственность как движение не находилась главная цель движения – вполне определенной формы суверенное государство, обеспечение, сохранение и упрочение его, надеясь на продолжительное существование в счастье и благоденствии на протяжении как можно более долгого времени.

Как показывает историческая практика,

государственность может находиться в кризисном состоянии, может даже потерпеть крушение. Но это не может поколебать и остановить настоящих державников. На смену одним, одержимым идеей государственности, приходят другие такие же одержимые этой идеей. Поколение сменяется поколением. И каждое новое поколение продолжает дело своих предшественников – державников – с еще большим подъемом и энергией.

Словом, государственность – это масштабное движение продвинутых людей – державников, направленное на упорядоченное развитие в функциональном режиме конкретного общества, взятого во всей его сложности, надеясь на продолжительное существование в счастье и благоденствии, сложив свое суверенное государство вполне определенной формы.

На развитие этого движения влияют различные факторы природно-климатического плана, геополитического свойства, идеологического плана, который может

иметь религиозную форму и окрашенность. На Западе – это католицизм, протестантизм. На Востоке – ислам, буддизм. Для России значимым фактором является православие. Даже марксизм, которым увлекаются многие и сегодня, может рассматриваться как религия в светском варианте.

В определенном смысле государственность сакральна. Стержень государственности – это служивые – люди образованные применительно к своему времени, деятельные, настойчивые. Они могут именоваться по-разному (например, шляхта, дворяне, номенклатура), но суть от этого не меняется. Как движение державников государственность тем успешнее, чем мощнее ее социальная база, чем прочнее ее нравственная и правовая основа, чем оно (движение) адекватнее социальной ситуации и вместе с тем дальновиднее, особенно лидеры. Государственность как движение державников нуждается в союзниках. Для державников неважно, кто их противники, важно то, кто с ними.

Список литературы

1. Малицкий А. Советская Конституция. – М., 1924. 208 с.
2. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. 2-е изд. М.: Изд. Коммунистической академии, 1927. 128 с.
3. Раянов Ф. М. Политическая философия государственности. Уфа, 1998. 164 с.
4. Раянов Ф. М. Алфавит государства и права, Уфа, 1997. 159 с.
5. Раянов Ф. М. Теория правового государства: проблемы модернизации. – Уфа АН РБ, Гилем, 2010. 136 с.
6. Поляков С. Б. Принципы законодательства Бентама против миража правового государства. – Пермь, 1993. 89 с.
7. Четвернин В. А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. – М.: Дело, 1997. 120 с.
8. Нижник Н. С. Полицейско-правовая теория: становление и развитие в контексте эволюции Российского государства // Актуальные проблемы полицейского права. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской Академии МВД России, Омск, 2020. С. 36-42.
9. Денисов С. А. Административизация правовой системы: Влияние обособленных управленческих групп на правовую систему общества. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2005. 544 с.
10. Денисов С. А. Общая теория административного государства. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010, 684 с.
11. Пожарский Д. В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дисс... докт. юрид. наук. – М., 2015. 50 с.
12. Пожарский Д. В. Охранительная функция государства (вопросы теории) : монография; Федер. служба исполн. наказаний; Владим. юрид. ин-т. Федер. служба исполн. наказаний. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2014. 232 с.

References

1. Malitsky A. Soviet Constitution. - M., 1924. 208 p.
2. Pashukanis E. B. General theory of law and Marxism. 2nd ed. M.: Ed. Communist Academy, 1927. 128 p.
3. Rayanov F. M. Political philosophy of statehood. Ufa, 1998. 164 p.
4. Rayanov F. M. ABC of State and Law, Ufa, 1997. 159 p.

5. Rayanov F. M. Theory of the rule of law: problems of modernization. - Ufa AN RB, Gilem, 2010. 136 p.
6. Polyakov S. B. Principles of Bentham's legislation against the mirage of the rule of law. - Perm, 1993. 89 p.
7. Chetvernin V. A. Concepts of law and state. Introduction to the course of theory of law and state. - M.: Case, 1997. 120 p.
8. Nizhnik N. S. Police-legal theory: formation and development in the context of the evolution of the Russian state // Actual problems of police law. Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, 2020. P. 36-42.
9. Denisov S. A. Administration of the legal system: The influence of separate management groups on the legal system of society. Yekaterinburg: Humanitarian University, 2005. 544 p.
10. Denisov S. A. General theory of the administrative state. Yekaterinburg: Humanitarian University, 2010, 684 p.
11. Pozharsky D. V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): author. diss... doc. jurid. sciences. - M., 2015. 50 p.
12. Pozharsky D. V. The protective function of the state (questions of theory): monograph; Feder. service executive. punishments; We own. jurid. in-t. Feder. service executive. punishments. - Vladimir: VUI FSIN of Russia, 2014. 232 p.

Информация об авторе (авторах): Самигуллин Венир Калимуллович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, профессор.

Information about the author(s): Samigullin Venir Kalimullovich, Professor, Department of State and Legal Disciplines, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450000, Russia, Ufa, ul. Muksinova, 2).

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 23.01.2026; approved after 27.02.2026; review; accepted for publication 09.03.2026.

Научная статья
УДК 340.121
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.10.1.002

История, правовая сущность, элементы, формы разделения и функционального распределения единой государственной власти

Б.А. Осипян

*г. Москва, Российская Федерация
artosboris7@gmail.com*

Аннотация: В своей статье автор описывает исторические процессы первоначального разделения духовной и светской власти, затем представляет краткую историю учения о разделении властей, а также структуры и действующие элементы учения разделения властей. Автор также производит сравнительно-правовой анализ различных моделей разделения властей и рассматривает саму доктрину разделения властей в контексте системы правометрии и единой теории права, посредством выявления духовно-нравственных и государственно-правовых истоков возникновения первоначальной теории и классического учения о разделении единой, но разумно разветвлённой государственной власти, действующей в разных направлениях и уровнях общественной жизни. В статье также проводится сравнительно правовой анализ классических и обновлённых моделей и подходов («канонического и светского», «негативного», «позитивное», «конструктивного» и «смешанного») разрешения правомерного и целесообразного разделения и распределения (диффузии) законодательной, исполнительной и судебной ветвей единой государственной власти в разных современных странах и правовых системах. Автор статьи придерживается правомерного и целесообразного гибкого подхода к успешному разрешению этой наиболее важной, сложной и краеугольной государственно-правовой проблемы посредством образного сравнения взаимного и ответственного действия разных ветвей государственной власти.

Ключевые слова: единая государственная власть, история разветвления, государственная власть, конституционное разделение, распределение власти, сдержки и противовесы, взаимная ответственность, действие власти, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, система правометрии, единая теория права.

Для цитирования: Осипян Б.А. История, правовая сущность, элементы, формы разделения и функционального распределения единой государственной власти // Право и государственность, 2026. № 1 (10). С. 17–27.

Original article

History, legal essence, elements, forms of separation and functional distribution of unified state power

B.A. Osipian

*Moscow, Russian Federation
artosboris7@gmail.com*

Abstract: In his article, the author describes the historical processes of the initial separation of spiritual and secular power, then presents a brief history of the doctrine of separation of powers, as well as the structures and current elements of the doctrine of separation of powers. The author also makes a comparative right-wing analysis of various models of separation of powers and considers the doctrine of separation of powers in the context of the system of law and a unified theory of law, by identifying the spiritual, moral and state-legal origins of the emergence of the original theory and the classical doctrine of the separation of a single, but reasonably branched state power, acting in different directions and levels of public life. The article also provides a comparative legal analysis of classical and updated models and approaches («canonical and secular», «negative», «positive», «constructive» and «mixed») to resolve the legitimate and expedient division and distribution (diffusion) of the legislative, executive and judicial branches of a single government in different modern countries and legal systems. The author of the article adheres to a legitimate and expedient flexible approach to the successful solution of this most important, complex and cornerstone state-legal problem by figuratively comparing the mutual and responsible action of different branches of state power.

Keywords: unified state power, history of ramification, state power, constitutional division, distribution of power,

checks and balances, mutual responsibility, action of power, legislative power, executive power, judiciary, system of law, unified theory of law.

For citation: Osipian B.A. History, legal essence, elements, forms of division and functional distribution of unified state power // Law and statehood. 2026. № 1 (10). 17–27.

Для надлежащего и верного понимания правомерности и целесообразности принципа необходимого разделения и разумного распределения единой государственной власти, равно как и всякой иной публичной власти разного характера и уровня, рассмотрение этой весьма важной проблемы в теории государства и права, а также государственного строительства нужно начать именно с момента возникновения её первоначальных истоков и причин, т.е. с предыстории духовно-нравственного, антропологического, идейно-политического, личностного и психологического разлада и разделения некогда единой духовной (церковной) и политической (светской) властей.

В Священном Писании о необходимости органической целостности и нераздельности всякой устойчивой земной власти говорится следующее: «Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые кажутся нам менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения. ...Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены».

Как в едином Боге - Отце, Сыне и Святом Духе – Господь Бог через различие разных необходимых человеческих ролей проявляет Себя в действии, так и единая и целостная государственная власть в различных своих функциях - законодательной в лице Отца, исполнительной в лице Сына и судебной в лице Святого Духа - выполняет своё личное и особое предназначение

по установлению и поддержанию надлежащего мира и правопорядка. на основании следующих библейских заповедей: «Возлюби Бога и своего ближнего: на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»¹.

Первые духовно теоретические, научные, исторические, практические образцы и идеальные зачатки идеи правомерного, целесообразного и соразмерного функционального распределения законодательной, исполнительной и судебной власти содержатся в Библии относительно единой и безраздельной власти единого Бога-Суверена: «Господь Судия наш, Господь Законодатель наш, Господь Царь наш: Он спасет нас»². В этом аспекте предметное и процессуальное (функциональное) разделение и распределение между разными людьми единой государственной власти на самом деле вовсе не было самоцелью, либо своевольным и механическим разделением верховной публичной власти, а только разумным и целесообразным функциональным распределением единой, суверенной, неделимой небесной и земной власти Создателя мира - Господа Бога - и его свободно и ответственно самоопределившихся народов.

Исторический пример правомерного и целесообразного разделения, или разумного ограничения единой публичной – духовной (церковной) и светской (государственной) власти по почину духовной (церковной) власти был представлен в качестве знамения на территории уже духовно, нравственно и политически распадающейся Римской империи. Известно, что ещё в IV веке н.э. известный миланский епископ святой Амвросий (первый духовный учитель святого Августина Блаженного – авт.) взял на себя опасную миссию правомерного законодательного ограничения монопольной и безраздельной светской публичной власти римского императора над обществом и, в частности, над христианской Церковью. Он первым из свя-

¹ Новый Завет. 1 Коринфянам, Матфей, 22:36.

² Библия. Ветхий Завет. Книга Пророка Исая, 33:22.

ценнослужителей-христиан предупредил императора об его возможном отлучении (лат. – «excommunication») для того, чтобы добиться от него необходимых и правомерных решений, которые способствовали бы беспрепятственному уважению к богоданному достоинству каждого человека, а также основных прав и правомерных интересов верующих христиан из его прихода.

Духовно-нравственные и политико-правовые сторонники первоначальной теории разделения властей и «принципа сдержек и противовесов» исходили из своей искренней и небезосновательной веры в «первородный грех Адама» и последующую испорченность природы и характера каждого властвующего человека, который изначально был склонен совершить грех и беззаконие, злоупотреблению своей властью над другими людьми. Сторонники этой теории утверждали, что если властвующие люди и само правительство были бы ангелами, то не было бы необходимости в самом правительстве, государстве, в судах и законодательстве.

Как верно подметил известный историк западного права, профессор Гарвардской школы права Г. Дж. Берман, в конце IV века святой Амвросий впоследствии так кратко сформулировал свою теорию [1, с. 13] (лат. буквально «богоучение») о разделении личной собственности и властных полномочий духовной и светской властей: «Дворцы принадлежат императорам, церкви – священству... В большинстве стран Запада наличествуют не только остаточные явления конфликта церковной и духовной власти (юрисдикций) и законов (канонических и светских), но и конституционное ограничение власти государства над духовными правоохраняемыми ценностями. Здесь достаточно вспомнить упорную и ожесточённую борьбу известного политико-правового идеолога Томаса Беккета против утверждений королевской власти над духовенством [2, р. 534-535]. Примечательно то, что сам Томас Беккет был убеждён в том, что если законодательные установления государства противоречат надлежащей идее права [3, с. 258], то каждый разумный и добросовестный человек имеет полное право и обязанность, как свой нравственный долг нарушить такие неправомерные законы

светской власти, поскольку светское законодательство не должно противоречить каноническому праву церкви.

Благодаря Папской революции XI-XII вв. в мире произошло первое существенное и крупное разделение публичной власти, власти духовной и власти светской, что стало основой (краеугольным принципом) западного конституционализма в сфере как расширения и укрепления наиболее важных гражданских прав и свобод, так и разумного ограничения государственной (светской) власти [4, р. 27, 28, 216]. По этому поводу Г. Дж. Берман заметил следующее: «Духовный авторитет короля над церковью был отменен. Отныне он правил как светский правитель, главной задачей которого было поддержание мира и утверждение правосудия в его королевстве. Папская революция лишила императоров и королей их священного характера и их роли как высших правителей церкви, снизил их статус до статуса временных монархов. В то же время она возвысила королевскую власть своей поддержкой новой территориальной концепции королевства, которая способствовала тому, что клановые главари и феодалы постепенно превращались в высших правителей данных географических регионов» [5, с. 30-31].

Примечательно то, что уже в известных Мемуарах французского короля Людовика XIV развивалась мысль о том, что власть, которой наделены земные короли, есть правомерная передача (делегация) идеи Права как благой Воли и Провидения Бога; что источник власти - в Боге, а не в народе, и потому короли дают отчет за свою суверенную власть только одному Богу, который наделил их ею [6, с. 343, 355].

Кстати, эта идея «короля-государства» в одном лице была довольно созвучна тому древнелатинскому изречению о том, что король есть наместник (помазанник) и слуга (единоличный государственный служащий) Бога на земле и потому он должен служить не только и не столько отдельным людям или классам людей, сколько самому Богу и правомерному государственному общезобязательному закону.

В разные исторические периоды и смутные времена идейно-политические и эконо-

мические противники самодержавной монархической власти и аристократических привилегий доктринально и законодательно переложили свой, так сказать, большой «секрет свободы и совершенного правления», переводя своё учение на язык положительной практики правомерного и целесообразного конституционно-административного самоограничения трёх основных ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной властей, а также, в какой-то мере, путём установления настоящего публичного надзора и контроля со стороны управляемого этими властями народа.

Сама идея и философия разделения властей восходит своими корнями к античным философским и правовым учениям, которые рассматривали различные формы «смешанного», или уравновешенного (сбалансированного) управления государством. Так, например, Аристотель различал только два вида государственной деятельности и власти: законодательную и исполнительно-судебную, одну для политической разработки и принятия законов, а другую для судебно-административного исполнения изданных первой властью законов. Однако к середине XVIII в. двойное разделение сменилось тройным разделением единой государственной и судебно-административной власти в целях правомерного и устойчивого управления государством.

Впоследствии возникла другая идея относительно нечетного количества ветвей единой государственной власти, при которой разные органы были призваны взаимно следить, уравновешивать и проверять друг друга. Эта идея изначально была воплощена в виде разделённой власти короля, власти лордов и представителей общин, т.е. пропорционально соответствующим формам проявления монархии, аристократии и демократии. При этом и каждая две ветви власти обязаны были оппозиционно удерживать третью ветвь власти от возможного неправомерного, своевольного и одностороннего присвоения (узурпации) вышедшей за свои законные пределы публичной власти и совершения ею последующего произвольного нарушения прав других ветвей единой государственной власти.

Исторически сложившаяся так называемая «классическая, или чистая теория разделения властей», наряду с разветвлением государственной власти предполагала также установление и поддержку богоданного достоинства и необходимых политических и гражданских свобод каждого человека и народа. Согласно классической теории разделения властей представитель одной ветви государственной власти не мог одновременно быть также представителем другой ветви власти, и никакая отдельная властная группа лиц не должна была иметь возможность сосредоточивать в своих руках все ветви единой государственной власти. Такой подход, предлагал научную концепцию конституционного разделения и распределения (диффузию) публичной власти, как изначальный противовес тем или иным тоталитарно-тираническим поползновениям, которые могли возникнуть в сфере государственно-политического управления обществом¹. Библейский принцип относительно разделения общественного труда гласил следующее: «Справедливо изречение: один сеет, другой жнет» [7, с. 66].

На основании этого краеугольного принципа в 1649 году один из основоположников теории разделения властей Дж. Локк заявил следующее: «И почему Святая Троица, как надлежащий первообраз, не должна найти соответствующее отражение на деятельности политических органов власти, так же, как и в природе и в обществе, в котором действует разделение и специализация труда? ...Разделение властей не есть самоцель, а только средство осуществления той «цели, ради которой возведено правительство, и которая должна быть мерилем его деятельности».

Эти принципы и механизмы «сдержек и противовесов» на деле были более или менее верным отражением данного Богом объективного естественного закона разделения и распределения государственных полномочий и политико-юридического специализированного труда. Для слаженного и действенного управленческого труда необходимо распределение государственно-правовых направлений деятельности, в том числе экономических функций госу-

¹ Новый Завет. Иоанн, 4:37.

дарства. Собственно, сама идея разделения властей стала краеугольным камнем всей системы политико-правовой ответственности различных государственных органов на самом высоком конституционном уровне [8, с. 254].

С середины XVIII века правомерное и целесообразное тройственное - законодательное, исполнительное и судебное разделение единой государственной власти, в частности, принцип «системы сдержек и противовесов», постепенно стали восприниматься как основополагающая политико-правовая идея и формула для успешного осуществления правомерного и законного (легитимного) государственного управления всяким цивилизованным обществом. Эта обновлённая идея была настолько важна для авторов и составителей французской декларации прав человека и граждан 1789 года, что они в статье 16 Декларации авторитетно заявили следующее: «Любое общество, в котором права не гарантированы или в котором не определено разделение властей, не имеет Конституции» [9, с. 291, 300].

О серьёзной и пагубной опасности неразумного сущностного и принципиального разделения единой и потому неделимой государственной власти на противоборствующие и соревнующиеся между собой части в своё время предупреждали также другие мудрые люди. В этой связи английский философ Т. Гоббс, как сторонник верховенства парламентской и законодательной власти, основываясь на Библии¹, верно заметил следующее: «Делить власть - значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга. И этими учениями люди обязаны главным образом некоторым из профессиональных юристов, стремящихся сделать зависимыми от их собственных учений, а не от законодательной власти».

Между тем, стали распространяться также теории и научной концепции разделения властей противников тоталитарной и монопольной власти, представителями которых были, например, Ш. Л. Монтескье [10, с. 378, 386]. Во Франции и «отцы-основатели» в США. Их «классическая теория разделения властей» предполагала в основ-

ном, так называемый, «негативный подход» к решению проблемы ограничения злоупотреблений публичной властью и потому она изначально не могла быть достаточно действенной и совершенной. Для правомерной реализации идеи разделения властей нужен был иной, более конструктивный подход к решению поставленной проблемы [11, с. 240].

Вскоре появилась также теория так называемого «смешанного правительства», которая дополняла американскую конституционную систему «сдержек и противовесов». В 1776 г. один из отцов-основателей американской Конституции Джон Адамс в своем памфлете «Мысли о правительственной власти» предложил идею взаимного частичного совмещения тех или иных полномочий различных ветвей единой государственной власти. Он объяснял это тем, что полное отстранение исполнительной власти от законодательной деятельности может привести к непримиримому и бесконечному соперничеству его с законодательной властью. Судебная власть не будет в силах выполнять роль посредника между ними, и власть полностью перейдет к сильнейшему из них. Поэтому сотрудничество властей во имя общего блага является необходимым. А народ - это всего лишь огромный зверь, с которым мудрому правителю следует считаться лишь в той мере, в какой раздоры и недовольства могут угрожать его власти.

Смешанная форма правления предполагала трехэлементный баланс исполнительной власти во главе с монархом или президентом, верхней палаты Конгресса (аристократического Сената) и нижней палаты представителей (демократической выборной власти, которая непосредственно руководствуется общественным мнением). За смешанную форму правления в свое время выступал также немецкий философ И. Кант, который писал: «В объединении этих трех видов власти («potestas legislativa, executiva, judiciaria») заключается благо государства. Под благом же государства подразумевается высшая степень согласованности государственного устройства

¹ «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Библия. Новый Завет. Матфей, 12:25.

с правовыми принципами, стремиться к которым обязывает нас разум через некий категорический императив».

Основная проблема при так называемом «позитивном подходе» к решению проблемы разделения властей состояла в том, в какой мере должно произойти взаимное согласование и совмещение разных ветвей единой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) для достижения общей пользы и какова может быть самая совершенная (оптимальная) мера их правомерного и целесообразного ответственного и плодотворного сотрудничества.

Согласно этой конституционной теории разделения властей, ни одной ветви власти не разрешалось своевольно вторгаться в сферу влияния или осуществлять полномочия другой ветви власти. Каждая из трех ветвей власти выполняла соответствующую целесообразную и специфическую функцию, и каждая ветвь власти должна была ограничиваться выполнением своей собственной и только присущей ей управленческой функции. Ни одно должностное лицо не имело права одновременно быть членом двух или более государственных учреждений и ведомств. Именно в этой отрасли должен был быть контроль над остальными, и ни одна отдельная властная группа людей не могла контролировать действие всего государственного механизма.

Следовательно, разделение государственных и иных публичных правительственных учреждений является еще одним важным элементом в структуре правомерного и целесообразного разделения властей. Это буквально означает, что правительство должно контролироваться изнутри путем создания автономного центра власти, который должен представлять учрежденные (институционализированные) интересы общества. Появление правомерных и целесообразно узаконенных и необходимых потребностей, интересов и традиционного профессионализма должно обеспечить возможность внутренних сдержек и противовесов. Отдельные государственные органы с их специфическими или частично совпадающими функциями составляют основу государственного и публичного взаимного контроля разных

высших полномочных и ответственных государственных органов, а также подведомственных правительственных учреждений

Еще одним важным элементом в структуре разделения властей и ответственности в рамках функционального распределения различных государственных органов, является то, что три главные ветви единой государственной власти должны состоять из совершенно разных слоёв и групп людей, не пересекающихся по составу, так чтобы все правительственные функции раньше выполнялись разными конкретными лицами. Вот почему абстрактного и чисто механического, без необходимого личностного учёта, разделения государственных властей и ведомств практически недостаточно для обеспечения уважения достоинства, прав и свобод человека, а также для поддержания устойчивого конституционного порядка.

Наиболее важная из этих обновлений (модификаций) современной доктрины разделения властей заключалась в сочетании этой доктрины с теорией вышеупомянутого «смешанного правления» или с ее более поздней формой - теорией «сдержек и противовесов». Это означало, что каждая ветвь государственной власти должна была бы наделена определёнными положительными полномочиями по непосредственному контролю над другими ветвями власти, в какой-то мере уполномочивая их участвовать в выполнении функций другой ветви власти. Например, в ряде стран исполнительная власть наделена правом вето по отношению к законодательной, или законодательная власть наделена правом импичмента. По своей сути и содержанию, данная система частичного разделения властей законодательно отражена в тексте Конституции США 1787 года.

Концептуальные, законодательные и институциональные исследователи теории разделения властей всегда были озабочены проблемами обеспечения того, чтобы осуществление государственной власти, необходимой для претворения в жизнь ценностей цивилизованных обществ, контролировалось в конструктивном порядке в соответствии с определёнными высшими смыслами, ценностями, целями и принципами, которые оно должно было продвигать

и развивать. Основная цель идеи разделения властей состояла в том, чтобы законным и целесообразным образом ограничить повреждённую грехом природу человека и его стремление к господству Божественного закона, к защите богоданного достоинства, прав и свобод любого человека путем совокупного законодательного установления внешнего правительственного и внутреннего (нравственно-правового) самоконтроля.

Для установления разветвлённой, взвешенной, пропорциональной и взаимно ответственной государственной власти необходимо было решать, как минимум, три очень важных вопроса: 1. В какой мере законодательная власть должна быть наделена дополнительными судебными и исполнительными полномочиями, например, при осуществлении процедуры импичмента или омбудсманского контроля за исполнением изданных законов? 2. В какой мере исполнительная власть может правомерно и целесообразно «законодательствовать» или «судействовать», например, при конституционном праве законодательной инициативы, наложении вето на принимаемые законопроекты, осуществление административного судопроизводства. 3. В какой мере судебная власть может правомерно и целесообразно повлиять на процесс успешного законотворчества, например, при ответственном отказе от исполнения неправомερных законов и контролировать правомерность деятельности исполнительной власти?

Следует заметить, что почти все главы государства и правительства в практической жизни являются активными со-законодателями. Как известно, статистически примерно восемьдесят процентов законопроектов обычно разрабатываются органами исполнительной власти, а также президентами, которые обычно законодательно наделены правом отлагательного вето или роспуском парламента. Законодатели-парламентарии, особенно в парламентских республиках (Англия, Германия, Австрия, Армения, Швейцария и других странах), вовсе не являются пассивными наблюдателями за исполнением изданных ими законов, но правомерно и активно в определённой мере контролируют весь этот процесс посредством

своего права избрания или отстранения от должности глав исполнительной власти и деятельности своих специальных комиссий и посредников по контролю за исполнительными органами.

Чёткое и строгое разделение властей и другие механизмы «сдержек и противовесов» в деятельности правительства остаются основой конституционного правления, особенно в тех странах, где существует президентская форма и система правления: в США, Аргентине, России, Сербии, Казахстане, Азербайджане и т.д. Во Франции конституционно установлена полупрезидентская система правления. С другой стороны, парламентские системы продвигаются к парламентскому верховенству, по существу, не контролируемому какой-либо независимой исполнительной властью. Тем не менее, такие парламентские системы могут сохранять правомерные и целесообразные ограничения в отношении правительства посредством подотчетности людям, участвующим в проведении очередных выборов, в процессах принятия законопроектов о правах личности, а также пересмотра конституции в целом верховным судебным органом: Верховным судом, или Конституционным судом, которые призваны обеспечить соответствие законоисполнительной деятельности национального правительства общепризнанным требованиям международного права.

Несмотря на некоторые общие понятия и принципы разделения властей, модели реализации этих концепций в разных странах довольно разнообразны. Например, власть президента по Конституции США исходит не от Конгресса, а непосредственно из самой Конституции США, которая в разделе 1 статьи 2 возлагает всю исполнительную власть в США на самого президента.

В Великобритании также есть законодательная, исполнительная и судебная ветви власти, но английское правительство создано не в соответствии с классическими моделями и принципами разделения властей, поскольку законодательная власть имеет преимущественное право выбирать исполнительную ветвь власти, а исполнительная власть зависит от законодательной как в плане сохранения должности, так

и в плане авторитета. Британская структура организации и функционирования правительства полностью основана на идее и принципе парламентского превосходства.

Конституционный принцип разделения властей в Федеративной Республике Германия также отличается от разделения властей между ветвями власти в США. Точно так же, как и в других парламентских системах, в Германии законодательный орган (Бундестаг) наделён правом выбирать главу правительства в соответствии со статьей 63 Основного закона Германии. Глава правительства несет ответственность перед законодательной властью. Как и в Великобритании, Основной закон Германии не настаивает на строгом разделении законодательной и исполнительной власти. Конституционная практика Великобритании и Германии позволяет соответственно премьер-министру и канцлеру, а также членам их кабинетов занимать официальные должности в парламенте страны. Точно так же некоторые члены парламента в своем качестве парламентских статс-секретарей имеют право выполнять определённые функции должностных лиц в федеральных министерствах.

Американская доктрина чёткого разделения властей требует, чтобы законодательная власть принадлежала Конгрессу или любому другому законодательному органу. Тем не менее, Конституция США предоставляет президенту ограниченные законодательные полномочия и прерогативы исполнительной власти. Раздел 3 статьи 2 Конституции США наделяет Президента США полномочиями предлагать законы, которые он считает необходимыми, законными и целесообразными. Более того, Конгресс может делегировать часть своих законодательных полномочий Президенту США, а также входить в состав правительственных учреждений, таких как Комиссия по ценным бумагам и биржам и тому подобное, при условии, что делегирование осуществляется в соответствии с определёнными разумными и целесообразными стандартными правилами.

Статья 1, раздел 7 Конституции США, наделяет Президента США правом налагать вето на любой законодательный акт

Конгресса США. Тем не менее, Конгресс может отменить президентское вето двумя третями голосов обеих палат Конгресса США. Это также означает, что Президент США не имеет права самостоятельно осуществлять законотворческую деятельность независимо от Конгресса США даже в целях защиты серьезных национальных интересов. В то же время Конгресс США вправе делегировать Президенту США законодательные полномочия для ведения иностранных дел. Президент США обладает особыми прерогативами во международной политике в связи с необходимостью решительных действий и проведения единой политики в отношении чувствительных отношений с другими странами.

Однако Конгресс США обладает определёнными полномочиями в области внешней политики. В том числе правом объявлять войны, выделять соответствующие средства и ратифицировать международные правовые договоры. В качестве исключения президент может использовать вооруженные силы в иностранных государствах на особых условиях без объявления войны Конгрессом, но он должен официально отчитываться перед Конгрессом о своих действиях. В случае отсутствия действий Конгресса вооруженные силы должны быть выведены в течение двух месяцев.

В разделе 2 статьи 2 Конституции США указано, что Президент США может назначать с согласия Сената послов, консулов, судей Верховного суда и всех других должностных лиц США, для назначения которых первоначально требовались рекомендации и согласие Сената США. Тем не менее, в силу принципа независимости судебной власти Президент США не вправе самовольно отстранять от должности судей Верховного суда или судов низшей инстанции. Раздел 1 статьи 3 Конституции США предусматривает, что судьи остаются на своих должностях «до тех пор, пока они ведут себя надлежащим образом».

Следует также отметить, что Конгресс США вправе ограничить или полностью заблокировать право Президента США на смещение, так называемых, квазизаконодательных или квазисудебных должностей, чтобы сохранить их независимость

от возможного произвола исполнительной власти. Например, Верховный Суд США в своём решении поддержал Закон о Федеральной торговой комиссии, который ограничивал полномочия президента по смещению федеральных чиновников [12, с. 45].

Раздел 4 статьи 2 Конституции США гласит, что президент и вице-президент должны быть отстранены от должности в порядке импичмента за государственную измену, взяточничество или другие тяжкие преступления и проступки, которые могут свидетельствовать об их непригодности к должности. Что касается иммунитетов законодательной и исполнительной власти (например, дискреционных полномочий исполнительной власти) в отношении судебного процесса, то раздел 6 статьи 1 Конституции США устанавливает, что сенаторы и представители не должны подвергаться допросам в каком-либо другом месте в связи с выступлениями или дебатами в любой палате. Должностные лица исполнительной власти не должны пользоваться каким-либо явно выраженным иммунитетом в Конституции США.

Раздел 3 статьи 1 Конституции США гласит, что любая сторона, признанная виновной в импичменте, несет ответственность и подлежит обвинительному заключению, судебному разбирательству, приговору и наказанию в соответствии с законом. В соответствии с доктриной по политическим вопросам законодательные и исполнительные органы обладают определенной автономией и независимостью от судебного контроля. Дело в том, что политический спор просто не подлежит судебному разбирательству и не подлежит судебному вмешательству.

В соответствии с разделом 8 статьи 1 Конституции США Конгресс обладает дискреционной политической властью объявлять войну, создавать и поддерживать армии, содержать военно-морской флот, устанавливать правила управления сухопутными и военно-морскими силами, обеспечивать организацию, вооружение, дисциплину и призыв ополченцев. Раздел 2 статьи 2 Конституции США предусматривает, что Президент США является главнокомандующим армией, военно-мор-

ским флотом и ополченцами штатов, когда они призываются на службу в США.

Одной из главных особенностей англо-американской модели разделения властей является то, что судебные решения рассматриваются как источник права, в то время как в немецкой и французской моделях центром всей законотворческой деятельности в государстве является суверенный законодательный орган, и поэтому суды должны толковать законы буквально и строго в соответствии с волей законодателя. Иными словами, их функции заключаются не в том, чтобы находить живой закон, а в том, чтобы применять действующий позитивный закон в том виде, в каком он написан.

Если мы подробно сравним американскую модель разделения государственных полномочий с принципами, применяемыми в других странах, мы обнаружим множество различий: существенных, институциональных, функциональных, процедурных различий. Например, согласно статье 12 Конституции Франции 1958 года [13, с. 7], президент Республики может после консультаций с премьер-министром и двумя палатами парламента объявить о роспуске Национального собрания. Однако президентское право распускать Национальное собрание не является абсолютным, поскольку оно обусловлено особым периодом времени и юридической процедурой, предусмотренными Конституцией Франции.

О функциональном взаимопроникновении и скоординированном взаимодействии институтов различных ветвей власти свидетельствуют такие факты, как «возглавление по праву должности» - «*ex officio*» верхней палаты парламента большинства президентских республик вице-президентом республики (США, Мексики). Известно также, что вопреки упрощённому представлению о принципе строгого разделения различных ветвей власти руководство Палатой лордов английского парламента осуществляется не кем иным, как лордом-канцлером, который является представителем исполнительной власти. Более того, премьер-министр и большинство министров английского Кабинета (правительства) обязаны одновременно быть депутатами Палаты Общин.

Имеются также другие варианты назначения и разделения властей. Спикер Сената в Канаде назначается актом генерал-губернатора по рекомендации премьер-министра. Глава правительства и министров Швеции назначается председателем парламента. В Германии, Японии, Испании, Ирландии члены правительства назначаются самим парламентом. Палата лордов в Англии выполняет функции апелляционной судебной инстанции в отношении решений нижестоящих судов и т.д.

Принцип разумного распределения единой государственной власти действует также и во взаимоотношениях верхних и нижних палат парламента, центральной власти и органов местного самоуправления, между различными звеньями одной и той же ветви или различных ветвей власти. Во Франции, Японии, Германии, Италии органы местного самоуправления имеют двойственный правовой статус: с одной стороны, они выступают как низовое звено исполнительной власти, с другой стороны – они являются лишь самоуправляющейся организацией в зависимости от характера, уровня, масштаба и степени социальной важности решаемых вопросов.

Именно подобными путями достигается необходимое, целесообразное и умеренное сочетание элементов централизации и децентрализации единой, но разветвлённой государственной власти с целью правомерного уравнивания (баланса) различных отраслей и уровней публичной власти. Представляется, что наиболее правомерное, целесообразное и совершенное распределение государственной власти достигается тогда, когда каждая ветвь и институт власти законодательно и функционально облекается только теми необходимыми и достаточными полномочиями, которые ему изначально, внутренне присущи (имманентны) и необходимы для осуществления своих особых функций в общем деле государства.

Таков краткий анализ различных моделей действия конституционного принципа разделения государственной власти показывает нам существенные различия в законодательном и практическом применении этого принципа в разных стра-

нах. Мы могли бы выделить два основных подхода к решению проблемы разделения государственных полномочий: «негативный подход», предложенный Дж. Мэдисоном, сказавшим, что «каждое ведомство должно иметь свою собственную волю», а также «позитивный подход», изложенный в Конституции Германии, которая гласит, что единая государственная власть должна представлять единую волю Содружества, выраженную в государственной политике, сформулированной различными общественными силами, выборах и политическом представительстве.

В отличие от американского подхода, предполагающего «неизбежные трения при распределении государственной власти между тремя ведомствами», конституционная практика Германии предполагает позитивный подход к теории разделения государственной власти. Это означает, что все ветви единой государственной власти должны действовать в условиях взаимно согласованной взаимозависимости, мирного и созидательного сотрудничества.

Образно выражаясь, наиболее правомерную, целесообразную, совершенную и действенную народную и государственную власть, которую мы разделили по разным ветвям, ведомствам и чиновникам разных уровней и функций с их присущими особыми полномочиями и ролями в рамках правительства, можно было бы сравнить с большим джазовым оркестром, в котором каждый музыкант вольно играет свою особую партитуру, но в то же время позволяет всему оркестру хорошо играть и озвучивать единую гармоничную мелодию.

В заключении отметим, что представленная выше теоретическая и научно-концептуальная модель согласованного, созидательного разделения и разумного распределения разных отраслей и подотраслей единой государственной власти может быть осуществлена в ее правомерном и целесообразном действии только на основе духовно и научно-концептуально разработанной системы правомерии (межерологии права), а также единой теории права, которая в значительной мере уже опубликована и представлена в серии соответствующих авторских научно-правовых

статей, монографий и книг за последние почти четыре десятилетия.

Совершенная теория и механизм действия научно-правовой концепции разделения и распределения единой, но разветвлённой государственной власти может быть основана только на верном правосознании и чётком понимании надлежащей и непреходящей идеи права, правомерного и целесообразного общеобязательного госу-

дарственного закона, на духовно-нравственном и вероучительном методе совокупного изучения системы духовно-нравственных и правовых явлений и измерений, скорого и должного претворения правосудия, а также конституционно запрограммированного установления и сохранения устойчивого, постоянно саморазвивающегося и совершенствующего общественного правопорядка.

Список литературы:

1. Осипян Б. А. Введение в единую теорию и философию права, основанную на духовно-вероучительном методе надлежащего правосознания // Российское государствоведение. 2020. № 2. С. 13-24.
2. Berman H. J. Law and Revolution. Cambridge (Mass.), London, 1983. 657 p.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. МГУ, Норма, 1998. 623 с.
4. Berman H. J. Faith and Order: The reconciliation of Law and Religion. Cambridge, UK, 1993. 415 p.
5. Конституционное право. Общая теория государства / Леон Дюги, проф. Бордос. ун-та ; пер. приват-доцентов Моск. ун-та А. Ященко, В. Краснокутского и Б. Сыромятникова ; с предисл. к рус. пер. проф. П. Новгородцева и авт.. – Москва : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. 957 с.
6. Латинские изречения. М., 1996. 447 с.
7. Локк Дж. Сочинения. В трёх томах. М., 1985-1988. Т.3. 668 с.
8. Гоббс Т. Сочинения. В двух томах. М., 1991. Т.2. 735 с.
9. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. 800 с.
10. Адамс Дж. История политических и правовых учений. М. 1996. 736 с.
11. Кант И. Сочинения. В шести томах. М., 1963-1966. Т. 4(2). 477 с.
12. Конституции зарубежных стран. М., 2003. 445 с.
13. Хессе, Конрад. Основы конституционного права ФРГ / Конрад Хоссе. – Москва : Юрид. лит., 1981. 368 с.

References

1. Osipyanyan B. A. Introduction to a unified theory and philosophy of law based on the spiritual and doctrinal method of proper legal awareness // Russian state science. 2020. № 2. P. 13-24.
2. Berman H. J. Law and Revolution. Cambridge (Mass.), London, 1983. 657 p.
3. Berman G. J. Western tradition of law: the era of formation. MSU, Norma, 1998. 623 p.
4. Berman H. J. Faith and Order: The reconciliation of Law and Religion. Cambridge, UK, 1993. 415 p.
5. Constitutional law. General theory of the state / Leon Dugui, prof. Bordos. university; per. Privat-docents Mosk. university A. Yashchenko, V. Krasnokutsky and B. Syromyatnikov; with a foreword. to Russian per. Prof. P. Novgorodtseva et al. - Moscow: Type. T. I. D. Sytin, 1908. 957 p.
6. Latin sayings. M., 1996. 447 p.
7. Locke J. Writings. In three volumes. M., 1985-1988. T.3. 668 p.
8. Hobbes T. Writings. In two volumes. M., 1991. T.2. 735 p.
9. Montesquieu Sh. Selected works. M., 1955. 800 p.
10. Adams J. History of political and legal teachings. M. 1996. 736 p.
11. Kant I. Works. In six volumes. M., 1963-1966. T. 4 (2). 477 p.
12. Constitutions of foreign countries. M., 2003. 445 p.
13. Hesse, Conrad. Fundamentals of German constitutional law / Konrad Hosse. - Moscow: Jurid. lit., 1981. 368 p.

Информация об авторе (авторах): Осипян Борис Арташесович, (г. Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Osipyanyan Boris Artashesovich, (Moscow, Russian Federation), Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 21.01.2026; approved after 18.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Перспективы развития государственности в России

А.Н. Миннигулова¹

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Российская Федерация

minnigulovaaa@icloud.com

Аннотация. Автор статьи рассматривает государственность как динамично развивающееся явление общественной жизни, которое не может эволюционировать опосредованно от прогресса общества и геополитических процессов. В частности, важно прогнозировать и очерчивать рамки эволюции государственности, и в этом эффективно помогают: футурология права, прогностическая функция теории государства и права, ключевые векторы развития государственного управления, провозглашенные футурологами, международными организациями и т. д. Указанное позволяет в относительной степени контролировать траекторию развития будущего государств на основе лучших достижений современного государственного управления и опережающего правового регулирования. Цель исследования – определить возможный путь развития государственности в России. Для решения данной цели в статье решаются следующие задачи: дать определение государственности; детерминировать роль теории государства и права в процессе определения потенциала и направления развития государственности в России; идентифицировать вызовы, условия, ключевые отправные точки, в которых находится современная российская государственность; предложить возможный вариант развития государственности в России. В качестве методов исследования применялись общенаучные: анализ, синтез; а также частнонаучные: герменевтический, дискриптивный, историко-правовой, формально-логический, системный и метод контент-анализа нормативных правовых актов. По мнению автора статьи, чтобы спрогнозировать то или иное развитие государственности в России, необходимо изучить современные концепции государства (будущего государства), тренды государственного управления, прогнозы ученых, лучшие практики государственности, деятельность международных организаций, что поможет принять максимально рациональную концепцию для повышения доверия граждан к государству. Автор материала придерживается позиции о том, что в будущем возможны технологические государства (криптогосударства, цифровые государства, блокчейн-государства), которые будут самыми большими бирюзовыми организациями, так как они продвигают ключевой принцип современной государственности – человекоцентричность, или гражданоцентричность, поскольку государство существует для человека и удовлетворяет его потребности.

Ключевые слова: будущее государство, прогностическая функция, теория государства, футурология права, государственность, делиберативная демократия, слышащее государство, криптогосударство, бирюзовая организация.

Для цитирования: Миннигулова А.Н. Перспективы развития государственности в России // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 28–35.

Original article

Prospects for the development of statehood in Russia

A.N. Minnigulova

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia),

St. Petersburg, Russian Federation

minnigulovaaa@icloud.com

Abstract. The author of the article considers statehood as a dynamically developing phenomenon of public life, which cannot evolve indirectly from the progress of society and geopolitical processes. In particular, it is important

¹ Научный руководитель – Миннигулова Д.Б., профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

to predict and outline the framework for the evolution of statehood, and this is effectively helped by: futurology of law, the predictive function of the theory of state and law, key vectors for the development of public administration, proclaimed by futurologists, international organizations, etc. This allows you to relatively control the trajectory of the development of the future of states on the basis of the best achievements of modern public administration and advanced legal regulation. The purpose of the study is to determine a possible path for the development of statehood in Russia. To solve this goal, the article solves the following problems: to define statehood; determine the role of the theory of state and law in the process of determining the potential and direction of the development of statehood in Russia; identify the challenges, conditions, key starting points in which modern Russian statehood is located; propose a possible option for the development of statehood in Russia. As research methods, they were used as general scientific: analysis, synthesis, as well as privately scientific: hermeneutical, descriptive, historical-legal, formal-logical, systemic and method of content analysis of regulatory legal acts. According to the author of the article, in order to predict this or that development of statehood in Russia, it is necessary to study modern concepts of the state (future state), trends in public administration, forecasts of scientists, best practices of statehood, the activities of international organizations, which will help to adopt the most rational concept to increase citizens' confidence in the state. The author of the material adheres to the position that in the future technological states (cryptographic states, digital states, blockchain states) will be the largest turquoise organizations, since they promote the key principle of modern statehood - human-centric or civic-centric, since the state exists for a person and satisfies his needs.

Keywords: future state, prognostic function, theory of state, futurology of law, statehood, divisive democracy, hearing state, cryptogate, turquoise organization.

For citation: Minnigulova A.N. Prospects for the development of statehood in Russia // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 28–35.

Актуальность темы эволюции российской государственности является очевидной как теоретически, так и практически, ведь одно поколение людей сменяет другое, одни технологии заменяют другие, мир постоянно меняется, с ним изменяется общество, и государство как его часть также подвергается модификации. Для определения рамок трансформаций государственных органы готовят разного рода стратегические документы, которые направлены на контроль процессов изменения отношений в государстве по ключевым направлениям, обозначенным, в частности, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, где в качестве национальных определяют следующие цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; комфортная и без-

опасная среда для жизни; экологическое благополучие; устойчивая и динамичная экономика; технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

Все эти национальные цели направлены, как говорится в обозначенном указе, на обеспечение устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации, укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличение численности населения страны и повышения уровня жизни граждан, основываясь на традиционных российских духовно-нравственных ценностях и принципах патриотизма, приоритета человека, социальной справедливости и равенства возможностей, обеспечение безопасности государства и общественной безопасности, открытости внешнему миру, экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности. Таким образом, можно заключить, что все это является ориентиром для формирования новой, будущей государственности в Рос-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.01.2026).

сии, вот почему данная тема не теряет своей актуальности и является остродискуссионной, так как в нынешнее турбулентное время достаточно сложно предположить траекторию развития любого социального явления из-за разного рода новых условий и проблем жизнедеятельности общества.

Следовательно, цель исследования – определить возможный путь развития государственности в России. Для решения данной цели в статье решаются следующие задачи: дать определение государственности; детерминировать роль теории государства и права в процессе определения потенциала и направления развития государственности в России; идентифицировать вызовы, условия, ключевые отправные точки, в которых находится современная российская государственность; предложить возможный вариант развития государственности в России. В качестве методов исследования применялись как общенаучные: анализ, синтез; так и частнонаучные: герменевтический, дискриптивный, историко-правовой, формально-логический, системный и метод контент-анализа нормативных правовых актов.

Общеизвестно, что государственность – это свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе его развития [1, с. 132]. Мы разделяем точку зрения Е.Г. Пономаревой, которая рассматривает государственность как особый признак, состояние развития определенного общественного образования (нации, группы народностей, народа), сумевшего создать собственное государство, национальную правовую систему или восстановить эти институты, утраченные в силу различных причин. Государство же – проявление, форма государственности, заключает она¹. Как известно, на пути становления и развития российская государственность сменила пять основных форм: Древнерусское государство, Московское государство, Российская империя, Советское государство и Российская Федерация [2, с. 55]. А.Н. Медушевский

считает, что эволюция российской государственности укладываются в схему смены трех республик. Первая республика существовала лишь девять месяцев (с февраля по октябрь 1917 г.). Вторая республика, определившая себя как Республику Советов (1917–1991 гг.), положила в основу своего конструирования коммунистический или радикально-социалистический проект, длительное время обсуждавшийся в левом европейском социал-демократическом движении. Начало третьей республики было положено Декларацией о государственном суверенитете России и принятием Конституции 1993 г.)².

Но куда же идти дальше? Этот вопрос волнует умы современных политиков, государственных деятелей и дипломатов. И здесь на помощь приходит такая наука, как теория государства и права, которая обладает важной функцией – прогностической (перспективной). Согласно мнению известных теоретиков права, теория государства и права – это «прогностическая наука, открывающая ранее неизвестные государственные и правовые явления. Как перспективная юридическая наука, теория государства и права ближе других ко всему новому, неизученному. Теория государства и права оперативнее реагирует на новое благодаря своему абстрактному и общенаучному характеру, и в процессе исследований выдвигает предположения о будущем права и государства» [3, с. 3–4].

По мнению ученых, прогностическая функция науки теории государства и права является, в частности, «средством изучения последствий реализации той или иной концепции будущего государства. Она позволяет предсказать, что сложится в обществе после изменений, после осуществления государством мер, предложенных в данной концепции» [4, с. 50]. В продолжение реализации перспективной (прогнозной) функции теории государства и права появилось понятие футуристического права и футурологии права [5, с. 37].

¹ Пономарева Е.Г. Государственность / ЦПМИ\РАПН. 2014. URL: <http://polit-discourse.ru/articles/860> (дата обращения: 10.12.2025).

² Итоги научного семинара на тему «Советская и постсоветская государственность: общее и особенное». URL: <http://inion.ru/ru/about/news/itogi-nauchnogo-seminara-sovetskaia-i-postsovetskaia-gosudarstvennost-obshchee-i-osobennoe/> (дата обращения: 10.12.2025).

Поэтому, чтобы спрогнозировать то или иное развитие государственности в России, необходимо изучить современные концепции государства (будущего государства), тренды государственного управления, прогнозы ученых, лучшие практики государственности, деятельность международных организаций, что поможет принять максимально рациональную концепцию для повышения доверия граждан к государству.

Формулируя свою концепцию государства будущего (экстерриториальное государство), К.Г. Фрумкин характеризует современное состояние государственности как кризис, делает акцент на том, что государство не способно отвечать на современные общественные вызовы, например, такие как глобализация, миграция, стирание культурных, поведенческих границ, кризис национальной идентичности и т. д. [6, с. 163].

Большинство ученых, занимающихся государственным управлением, указывают на следующие концепции современного развития указанного явления: Service state – сервисное государство; E-government, или электронное правительство; M-government, или мобильное правительство; Smart government, или умное правительство; Open government – прозрачное, открытое правительство; а также lean production (от англ. «бережливое производство») – связанное управление или межведомственное взаимодействие, промышленная революция 4.0, наличие больших данных, внедрение блокчейн-технологий, технологий искусственного интеллекта, 6G и т. д. [7, с. 66].

Свой вклад вносят и современные футурологи. Так, по мнению Марка Розина, мы живем в SHIVA-мире¹, SHIVA означает крушение старого и зарождение нового мира. Автор концепции отмечает, что мы уже не живем в BANI-мире: «Хрупкий (brittle) и тревожный (anxious) мир стал разделенным (split) и ужасным (horrible). Нели-

нейность (nonlinear) привела к появлению совершенно невообразимых (inconceivable) событий, и люди оказались в беспощадной (vicious) реальности, где разрушились некогда незыблемые ценности. Однако после кризиса всегда появляется надежда на возрождение (arising). Как известно, данная концепция сменила мир-SPOD, мир-VUCA и мир-BANI».

Не уступают футурологам и международные организации, к примеру, «тренд на зеленую (устойчивую) экономику задала Организация Объединенных Наций <...> в рамках Целей в области устойчивого развития², которые являются своеобразным призывом к действию, исходящим от всех стран. Он нацелен на улучшение благосостояния и защиту нашей планеты. Государства признают, что меры по ликвидации бедности должны приниматься параллельно усилиям по наращиванию экономического роста и решению целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды»³.

Все эти мнения и стратегии характеризуют современные вызовы российской государственности [11, с. 137], но, по нашему мнению, путь развития будущей государственности в современном мире должен основываться на принципах делиберативной (совещательной) демократии, с учетом идеи экстерриториальности государства, перманентного референдума, всеобщей доступности информационных технологий и концепции «слышащего государства».

Концепция «слышащего государства» – это концепция государственной политики, которая акцентирует свое внимание на активных усилиях правительства во взаимодействии с гражданами, на понимании их проблем и потребностей, то есть на создании канала для открытого прозрачного общения между правительством и обще-

¹ Это акроним от английских слов. Акроним расшифровывается так: S – Split, H – Horrible, I – Inconceivable, V – Vicious, A – Arising. Концепцию SHIVA предложил в 2022 г. психолог и управляющий партнер «ЭКОПСИ Консалтинг» Марк Розин. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/62866fde9a794701a4c38ae4/> (дата обращения: 06.12.2025).

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ООН: Департамент экономических и социальных вопросов. URL: <https://sdgs.un.org/publications/transforming-our-world-2030-agenda-sustainable-development-17981> (дата обращения: 01.12.2025).

³ Цели в области устойчивого развития // ООН: сайт. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 01.03.2025).

ством. И конечно же, она направлена на то, чтобы голоса граждан были не только услышаны, но и учтены в процессе разработки и принятия решений. Она реализуется в Республике Казахстан и позволяет достигать основной ценности государственного управления – доверия граждан [8, с. 87].

Возможно будущие технологические государства (криптогосударства, цифровые государства, блокчейн-государства) будут самыми большими бирюзовыми организациями¹, так как они продвигают ключевой, по нашему мнению, принцип современной государственности – человекоцентричность, или гражданоцентричность, в «сухом остатке» государство существует для человека и удовлетворяет его потребности. Их основными принципами станут наличие эволюционной цели, миссии, которой искренне служит каждый; целостность, учет желания, стремления, эмоции мнения каждого; самоуправление, т. е. каждый имеет право принимать решения, не обсуждая их с остальными, т. к. за решения придется нести ответственность.

Почему бирюза? Еще в далеком 1966 г. американский доктор психологии Клер Уильям Грейвз опубликовал материалы о теории спиральной динамики, согласно которой каждый из нас в своем развитии поднимается по «лестнице-спирали»². Каждой ступеньке он присвоил свой цвет. Ученый описал свою концепцию в труде «Теория эмерджентных циклических уровней существования» (The Emergent Cyclical Levels of Existence Theory, ECLET)³. А.Д. Гальперина указывает: «Грейвз выделял 9 типов условий жизни, каждому из которых присвоил отдельные буквы английского алфавита (A–I) и 9 ключевых способностей разума (N–V). В качестве примера приведем сочетание NU (бирюзовый уровень), в котором N является осознанием рисков для хрупкой, тонко сбалансированной системы взаимосвязанных сил в руках человека, а U представляет собой холи-

стичный: эмпирический, трансперсональный, совместный, коллективное сознание, взаимосвязанность. Наиболее подробно данную теорию можно рассмотреть в работе Грейвза «An Emergent Theory of Ethical Behavior Based Upon – An Epigenetic Model, Schenectady», 1959⁴.

Теория Грейвза получила свое дальнейшее совершенствование в идеях «спиральной динамики» – итог работы двух его учеников, Криса Кована и Дона Бека [9, с. 243]. Стоит сказать, что сам Грейвз, а после и его ученики, стремились построить универсальную модель, которую можно использовать по отношению и к совершенствованию отдельной личности, и к изменениям внутри каждой человеческой группы [10, с. 70].

В 2014 г. консультант, коуч и фасилитатор, бывший партнер McKinsey Company и обладатель степени MBA Фредерик Лалу взял эту «цветную» теорию и применил принципы теории Грейвза к организационным структурам. В результате симбиоза своих мыслей об организациях он написал свою знаменитую работу «Открывая организации будущего»⁵. Сталкиваясь на практике с организациями, которые показывали впечатляющие финансовые результаты и темпы роста, Ф. Лалу определил, что их сотрудникам дается максимальная свобода в принятии решений. Он назвал их бирюзовыми, говоря о них как о компаниях будущего. Главными отличиями бирюзовых организаций от остальных, по Ф. Лалу, являются:

1. Самоуправление. У сотрудников бирюзовых компаний больше свободы в решениях. Они должны их согласовывать только с коллегами, которых это решение касается.

2. Эволюционная цель. У бирюзовых компаний есть своя цель, которой искренне служат все сотрудники. Если человек пришел только заработать денег, он, скорее всего, не приживется.

3. Целостность. Центром бирюзовых

¹ Термин «бирюзовая компания» придумал Фредерик Лалу в 2014 г. в своей книге «Открывая организации будущего».

² URL: <https://etalon.club/skaya-biryuza-perezhivaet-krizis> (дата обращения: 15.12.2025).

³ Reitter, N. Clare W. Graves and the Turn of Our Times // Journal of Conscious Evolution. № 11 (11). California Institute of Integral Studies. Article 5. Retrieved 5. Aug 2020.

⁴ URL: https://clarewgraves.com/articles_content/1959/I.html (дата обращения: 15.12.2025).

⁵ Лалу Ф. Открывая организации будущего. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru> (дата обращения: 15.01.2026).

компаний является человек. Каждый сотрудник ценится как личность, коллектив наряду с профессиональными компетенциями учитывает его стремления, желания, эмоции»¹ [12, с. 39].

Приведем примеры бирюзовых организаций:

1. Buurtzorg (в переводе с голландского – «соседская помощь») – организация по патронажному уходу в Нидерландах, основанная в 2006 г. Йосом де Блоком. Каждая команда состоит из 10–12 медсестер. Сотрудники сами договариваются о графике, распределяют пациентов и принимают решения. В организации нет иерархии – только поддержка централизованных IT- и юридического отделов².

2. Morning Star – крупнейший производитель томатной пасты в мире и соусов Heinz. Руфер основал компанию Morning Star в 1970 г. как предприятие с собственным капиталом, занимавшееся транспортировкой помидоров с полей на консервные заводы. В 1990 г. компания Morning Star открыла свой первый завод в Лос-Баносе, Калифорния, а позже расширилась, построив второй завод в Уильямсе, Калифорния (1995) и третий завод в Санта-Нелле, Калифорния (2002). С 1990-х гг. работает по принципу самоуправления. Каждый сотрудник подписывает «личное производственное соглашение», в котором указаны цели и способы взаимодействия с коллегами. Формальных менеджеров нет, но есть координирующие роли³.

3. FAVI – производитель деталей для автомобилей и бытовой техники. Производственные команды полностью автономны: люди сами решают, как распределять смены, поддерживать качество и взаимодействовать с заказчиками. Вся информация – от финансов до планов – открыта. Это компания без менеджеров, без контроля со 100 % точностью поставок⁴.

4. «ВкусВилл» – сеть продуктовых магазинов. В компании действует принцип

самоуправления: сотрудники могут принимать важные решения без инструкций и совещаний с руководством, например, самостоятельно делать возврат товара или менять оформление витрины. Однако вместе с положительными результатами руководство «ВкусВилл» отмечает, что показатели производительности в ней нестабильны⁵.

5. ПАО «Сбербанк». В нескольких отделениях банка проводился бирюзовый эксперимент: руководителя заменяет коуч, решения принимаются совместно. Для сотрудников отменены показатели финансовой эффективности и KPI. Вместо этого каждый стремится раскрыть свой потенциал, чтобы улучшить качество обслуживания клиентов. На Сбербанк TV 19 января 2017 г. была выложена первая серия корпоративного сериала «Дневник бирюзы» о жизни пяти бирюзовых офисов банка в подмосковной Балашихе. Переход на новую систему произошел по инициативе самих сотрудников, которых вдохновили идеи, описанные в книге Фредерика Лалу⁶.

Однако пока в России принципы бирюзовых организаций не прижились. На наш взгляд, концепция «бирюзовой» государственности является одной из потенциальных возможностей развития Российского государства. Основными принципами «бирюзовой» государственности могут стать наличие эволюционной цели, миссии, которой искренне служит каждый; целостность, учет желания, стремления, эмоции, мнения каждого; самоуправление, т. е. каждый имеет право принимать решения, не обсуждая их с остальными, т. к. за решения придется нести ответственность самому.

Развитие будущей государственности в России должно, таким образом, строиться на принципах делиберативной (совещательной) демократии, с учетом идеи экстерриториальности государства, перманентного референдума, всеобщей доступности информационных технологий и концепции

¹ Соковнин Я. Российская бирюза переживает кризис. URL: <https://vc.ru/id1179611/462723-kak-rossiiskaya-biryuza-perezhiwaet-krizis> (дата обращения: 15.01.2026).

² URL: <https://www.buurtzorg.com/> (дата обращения: 15.01.2026).

³ URL: <https://en.wikipedia.org> (дата обращения: 15.01.2026).

⁴ URL: <https://tenchat.ru/media> (дата обращения: 15.01.2026).

⁵ URL: <https://vkusvill.ru/?utm> (дата обращения: 15.01.2026).

⁶ URL: <https://neohr.ru/korporativnaya-kultura> (дата обращения: 15.01.2026).

«слышащего государства». Практическая значимость данного исследования заключается в экстраполяции социально-психологических подходов на политико-правовой институт – государство с целью определе-

ния модели будущего государства через призму спиралевидного развития личности и организационной структуры с учетом прогностической функции теории государства и права.

Список литературы

1. Пономарева Е. Г. Внутренние и внешние факторы развития российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века : материалы Всероссийской научно-общественной конференции, 19 сентября 2012 г., В. Новгород. М. : Научный эксперт, 2013. С. 132–147.
2. Дорохов Н., Шишов А., Авцин С., Гордиевский А. Основные этапы становления и развития российской государственности // Ориентир. 2001. № 12. С. 55–58.
3. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 341 с.
4. Касимов Т. С. Прогностическая функция теории государства и права и юридическая футурология // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 50–54.
5. Умнова-Конюхова И. А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии : монография. М. : Русайнс, 2021. 286 с.
6. Фрумкин К. Г. Государство будущего // Нева. 2019. № 11. С. 163–175.
7. Миннигулова Д. Б. Международное нормотворчество как детерминанта совершенствования правового регулирования государственных закупок для нужд системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2023 № 4. С. 65–66.
8. Баймаханова Д. М., Ибраева А.С., Есетова С.К., Конарбаева М.М. Понятие И принципы слышащего государства, соотношение с демократическим, правовым, социальным государством // Образование и право. 2021. № 6. С. 87–99.
9. Beck D. E., Cowan C.C. Spiral Dynamics. Managing values, leadership and change in the 21st century / Advanced Management Institute, BestBusinessBooks, Open World. 2010. 424 p.
10. Гальперина А. Д. Социально-антропологический анализ феномена спиральной динамики // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 2. С. 69–74.
11. Адвокатская деятельность и адвокатура в России : учебник : в 2 ч. ч. 1 / И.Л. Трунов, Н.Б. Сонькин, В.А. Вайпан [и др.]. 3-е изд., пер. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2020. 218 с.
12. Шайхуллин М. С. Конституционное правопонимание гарантий прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. 2021. № 2. С. 39–43.

References

1. Ponomareva E. G. Internal and external factors of the development of Russian statehood // Russian statehood: historical traditions and challenges of the XXI century: materials of the All-Russian Scientific and Public Conference, September 19, 2012, V. Novgorod. M.: Scientific expert, 2013. P. 132-147.
2. Dorokhov N., Shishov A., Avtsin S., Gordievsky A. The main stages of the formation and development of Russian statehood // Landmark. 2001. № 12. P. 55-58.
3. Perevalov V. D. Theory of state and law: textbook and workshop for universities. 5th ed., Revised and add. M.: Yurayt, 2025. 341 pp.
4. Kasimov T. S. Prognostic function of the theory of state and law and legal futurology // Legal state: theory and practice. 2019. № 4. P. 50-54.
5. Umnova-Konyukhova I. A. Constitutional futuristic law and constitutional futurology in the XXI century: monograph. M.: Rusines, 2021. 286 pp.
6. Frumkin K. G. State of the future // Neva. 2019. № 11. P. 163-175.
7. Minnigulova D. B. International rulemaking as a determinant of improving the legal regulation of public procurement for the needs of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023 № 4. P. 65-66.
8. Baimakhanova D. M., Ibraeva A.S., Esetova S.K., Konarbaeva M.M. The concept and principles of the hearing state, the relationship with the democratic, legal, social state // Education and law. 2021. № 6. P. 87-99.
9. Beck D. E., Cowan C. C. Spiral Dynamics. Managing values, leadership and change in the 21st century / Advanced Management Institute, BestBusinessBooks, Open World. 2010. 424 p.
10. Halperina A. D. Socio-anthropological analysis of the phenomenon of spiral dynamics // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2020. № 2. P. 69-74.
11. Advocacy and advocacy in Russia: textbook: in 2 hours 1 / I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V. A. Vaipan [et al.]. 3rd ed., Lane and add. M.: Publishing house «Yurait,» 2020. 218 p.

12. Shaikhullin M. S. Constitutional legal understanding of guarantees of human and civil rights and freedoms // Education and law. 2021. № 2. P. 39-43.

Информация об авторе (авторах): Миннигулова Алия Наилевна, Санкт-Петербургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (191014, Россия, Санкт-Петербург, Басков переулок, 16, литера А).

Information about the author(s): Minnigulova Aliya Nailevna, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (191014, Russia, St. Petersburg, Baskov Lane, 16, letter A).

Статья поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 09.03.2025.

The article was submitted to the editorial office of the 03.01.2026; approved after 02.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Научная статья

УДК 342.537.7

DOI: 10.70569/2949-5725.2026.10.1.004

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

Внесение изменений в устав общественной организации: некоторые особенности процедуры

А.Ф. Малый

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань, Российская Федерация

afm-10@mail.ru

Аннотация. Внесение изменений в устав общественной организации не представляется сложной процедурой. Однако практика гораздо богаче нашего представления о должном и необходимом. В статье рассматриваются недостатки организации и проведения конференции общественного объединения. В основу анализа положена практика проведения отчетно-выборной конференции общественной организации, одним из вопросов которой было внесение изменений в устав организации. Показаны недостатки организации конференции, которые повлекли судебное обжалование ее решений. Внесение изменений в устав привели к фактическому упразднению органов управления организацией. Внутренние противоречия не позволили выстроить логическую последовательность в принятии решений, правильно оценить их значимость для последующего функционирования организации. Подобные коллизии могут появляться в управлении общественным объединением, но они не должны принимать крайние формы, приводить к стагнации в управлении. Делается вывод о необходимости закрепления в уставах общественных объединений основополагающего принципа: вносимые в устав изменения не должны приводить к прекращению функционирования органов управления. Четкая регламентация положений устава общественной организации необходима как с точки зрения соответствия его требованиям законодательства, так и возможности разрешения спорных вопросов управления организацией, согласования интересов ее членов.

Ключевые слова: устав общественного объединения, изменения устава, органы управления, голосование, полномочия, закон.

Для цитирования: Малый А.Ф. Внесение изменений в устав общественной организации: некоторые особенности процедуры // *Право и государственность*, 2026. № 1 (10). С. 36–41.

Original article

Amendments to the charter of a public organization: some features of the procedure

A.F. Malyi

Kazan (Volga) Federal University,

Kazan, Russian Federation

afm-10@mail.ru

Abstract. Making changes to the charter of a public organization does not seem to be a complicated procedure. However, practice is much richer than our idea of what is due and necessary. The article discusses the shortcomings of organizing and holding a conference of a public association. The analysis is based on the practice of holding a reporting and election conference of a public organization, one of the issues of which was to amend the charter of the organization. The shortcomings of the organization of the conference, which led to a judicial appeal against its decisions, are shown. Amendments to the charter led to the actual abolition of the management bodies of the organization. Internal contradictions did not allow to build a logical sequence in decision-making, to correctly assess their importance for the subsequent functioning of the organization. Such collisions may appear in the management of a public association, but they should not take extreme forms and lead to stagnation in management. The conclusion is made that it is necessary to enshrine the fundamental principle in the charters of public associations: amendments to the charter should not lead to the termination of the functioning of management bodies. Clear regulation of the provisions of the charter of a public organization is necessary both from the point of view of its compliance with the requirements of the law, and the possibility of resolving controversial issues of managing the organization, coordinating the interests of its members.

Key words: charter of a public association, amendments to the charter, governing bodies, voting, powers, law.

For citation: Malyi A.F. Amendments to the charter of a public organization: some features of the procedure // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 36–41.

Объединения граждан являются важнейшим институтом гражданского общества, его фундаментом [1, 2]. Гражданская инициатива, реализованная в учреждении различных независимых от органов власти организаций, свидетельствует об активности граждан, их способности формировать благоприятную среду для удовлетворения личных потребностей в различных сферах жизни социума, в том числе политической. Государство объективно способствует созданию общественных институтов, законодательно закрепляя основы экономической децентрализации и мировоззренческого плюрализма, которые являются базисом гражданского общества [3, с. 31]. Развитость и самостоятельность объединений граждан, их участие в политической жизни и активность в формировании и реализации общественно значимых проектов свидетельствует об уровне «общественного здоровья» государства [4, с. 7].

Самостоятельный характер функционирования объединений не означает их полной автономии от государства, устанавливающего правовой статус каждого субъекта права и правовые основы взаимодействия всех участников общественных отношений [5, с. 6]. В силу высокой значимости объединений граждан для поддержания стабильности общественных отношений, нахождения баланса интересов различных социальных групп населения, достижения межнационального, межконфессионального согласия, государство не может полностью отстраниться от процесса организации и функционирования институтов гражданского общества [6, с. 119; 7]. В то же время основной массив нормативных предписаний, определяющих внутреннюю организацию и деятельность общественного объединения, закрепляется корпоративными нормами. Их принятие, изменение, отмена подчиняются тем же техническим правилам, что и при формировании правовых норм. Нарушение этих правил может

привести к ситуации, когда общественная организация лишается легитимных органов управления, а при наличии внутренних противоречий и борьбы за право управлять, коллектив теряет способность принимать решения.

Ни одно общественное объединение не может официально функционировать без основополагающего документа - устава организации. Это требование закреплено в Федеральном законе от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об общественных объединениях». Нормы закона определяют не только обязательность устава для общественного объединения, но и его содержание. В п. 4, ч. 1 ст. 20 Закона содержится норма, согласно которой устав общественного объединения должен предусматривать: «состав, порядок формирования, компетенцию и срок полномочий органов общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений), порядок принятия ими решений, в том числе по вопросам, решения по которым принимаются единогласно или квалифицированным большинством голосов»¹. Каждое из названных требований Закона является ключевым и понятным, но практика дает разнообразные примеры не вполне логичного подхода к организации голосования по процедурным вопросам, которые, во-многом, определяют легитимность принятых окончательных решений. Если важнейшие положения устава утверждены с нарушением процедуры, то возникает вопрос о возможности его использования в качестве основополагающего документа, предопределяющего само существование общественной организации.

Изучение непосредственной деятельности общественных организаций по принятию своего устава, внесению в него точечных или кардинальных изменений дает возможность акцентировать внимание на некоторых процедурных особенностях, которые при ближайшем рассмотрении оказываются ключевыми.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930

Требования законодательства при подготовке и принятия устава общественного объединения, а также его содержательной части выполняются в полном объеме, поскольку контроль за этим осуществляется уполномоченным государственным органом, осуществляющим регистрацию устава. В то же время формализованный контроль не позволяет в полной мере оценить все нюансы подготовки, обсуждения, голосования по ключевым вопросам функционирования организации общественной организации. При наличии различных мнений, точек зрения относительно способов достижения целей и решения задач общественного объединения, важным является открытость и убедительность в части соблюдения процедур принятия решений для всех членов объединения.

Безусловно, практика богаче и разнообразнее формально установленного порядка принятия коллегиальных решений. Она дает пищу для анализа и выводов, внедрение которых в нормативное регулирование позволяют избегать появления разногласий в понимании корпоративных норм. Давая юридическую оценку правовых и корпоративных норм, важно иметь в виду их соотношение с позиций юридического приоритета [8, с. 63]. В любом случае корпоративная норма не может противоречить правовой, но она имеет важное значение в разрешении юридического спора, если отвечает тем же требованиям, что и норма права – определенности и непротиворечивости.

Наличие логических просчетов при проведении процедурных голосований могут появляться в процессе внесения изменений в устав общественного объединения. Если на стадии принятия и регистрации устава уполномоченным органом контроль качества учредительного документа осуществляется достаточно внимательно, то на этапе его модификации контроль за соблюдением процедурных тонкостей со стороны государства часто является формальной процедурой.

Наиболее пристальное внимание к соблюдению процедур внесения поправок в устав следует обращать при кардинальном изменении органов управления общественной организации.

Обращение к практике проведения конференции общественного объединения с целью изменения его устава дает возможность акцентировать внимание на некоторых недостатках процедурного характера, которые способны привести к неоднозначным решениям. При этом важно посмотреть на ситуацию не только с позиций практической реализации заложенных в законодательстве возможностей самостоятельного решения общественным объединением многих вопросов внутренней организации, но и обратить внимание на теоретические аспекты проблемы.

При изменении структуры руководящих органов общественной организации важно сохранять преемственность в управлении. Если вводится новая структура (например, постоянно действующий совет заменяется исполкомом), меняются правила выдвижения кандидатов в состав исполкома, то сроки выдвижения и избрания членов исполкома должны соблюдаться. До избрания нового состава исполнительного органа должен действовать старый состав, чьи полномочия продлеваются голосованием.

Безусловно важным является подтверждение полномочий всех выборных органов. Если, например, при избрании руководителя организации ни одному кандидату не удалось набрать требуемого большинства голосов, то возможно проведение голосования по продлению полномочий прежнего руководителя в качестве временно исполняющего обязанности. При этом срок его пребывания в должности должен быть обозначен.

В связи с не избранием председателя на новый срок возникает вопрос чисто теоретического характера - сохраняет ли свои полномочия прежний председатель объединения? Сам факт вынесения на голосование вопроса об избрании нового председателя, может свидетельствовать о прекращении полномочий прежнего лица, занимавшего эту должность. Логично предположить, что не избрание свидетельствует о том, что должность остается вакантной, а считать прежнее лицо председателем можно в том случае, если его полномочия будут продлены решением конференции (собрания). Для продления полномочий

требуется указание в принимаемом решении причин и сроков, поскольку, если вносимые изменения меняют порядок избрания руководителя организации, новый председатель должен быть избран с соблюдением процедур модифицированного устава. Если этого не сделать возникает неопределенность в понимании легитимности председателя, продолжающего осуществлять свои полномочия, хотя делегаты конференции (собрания) не проголосовали за его избрание на должность. Эта неопределенность порождает судебные тяжбы.

Законодатель (государство) не вмешивается во внутренние дела общественной организации, поскольку это самостоятельный и независимый институт гражданского общества. В то же время в любой общественной организации возможны споры, разногласия, в том числе и по принципиальным вопросам управления. Арбитром в этом споре является суд, который в своих решениях опирается на нормы права, положения устава и иные внутренние акты организации. Любая неопределенность в понимании норм устава должна быть исключена.

Безусловно, при принятии решений с использованием процедур, утвержденных модифицированным уставом, важно определиться с моментом вступления новых положений устава в силу. Применимость измененной редакции устава при выборах новых органов управления на конференции (собрании) определяется следующим.

Согласно пункту 6 ст. 52 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) изменения, внесенные в учредительные документы юридических лиц, приобретают силу для третьих лиц с момента государственной регистрации учредительных документов, а в случаях, установленных законом, с момента уведомления органа, осуществляющего государственную регистрацию, о таких изменениях¹. Однако, юридические лица и их учредители (участники) не вправе ссылаться на отсутствие регистрации таких изменений в отношениях с третьими лицами, действовавшими с учетом таких изменений.

Из данного положения ГК РФ следует, что с момента регистрации Устав орга-

низации начинает действовать для третьих лиц, которым было неизвестно о соответствующих изменениях. Поэтому положения устава начинают действовать для членов организации с момента его утверждения высшим органом и только для третьих лиц, не осведомленных о таких изменениях, – с даты государственной регистрации.

Если по результатам работы конференции (собрания) новые структуры (органы) не были сформированы, полномочия прежних органов не были продлены голосованием, то организация остается без легитимных органов управления. Получается, что в этом случае некому осуществлять (нет легитимных органов) подготовку следующей конференции (собрания) общественной организации.

Подобные лишние логики решения имеют место быть и нередко являются результатом внутренней борьбы различных групп членов организации. Нельзя сказать, что это плохо или недопустимо. Противоречия возникают во многих коллективах, для их разрешения и принимаются корпоративные нормы, позволяющие посредством демократических процедур принимать взвешенные решения, обязательные для всех.

Устав общественной организации является основополагающим документом, его содержание должно не только соответствовать требованиям законодательства, но и включать понятные для членов организации нормы, применение которых дает возможность снять все возникающие противоречия, выйти на приемлемые для большинства членов организации решения.

Содержание устава общественного объединения нацелено на упорядочивание отношений участников, возможность учета интересов и потребностей всех его членов. Поэтому важно не только качество корпоративных норм, но и доверие членов объединения к принимаемым решениям. Верно отмечает А.Н. Кокотов, что «любое нормальное социальное взаимодействие вряд ли возможно без доверия» [9, с. 28].

Общественная организации в процессе

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

своей реорганизации посредством внесения изменений в устав должна руководствоваться правилами: а) исключать ситуации, когда действующий орган управления будет лишен полномочий (прекратит существование); б) в случае не избрания нового органа принимать решение о продлении полномочий старого с указанием сроков действия продлеваемых полномочий; в) при необходимости предусматривать переходный период, когда будут действовать прежние органы, но руководствоваться положениями вновь принятого устава (например, для подготовки новой конференции).

Устав общественного объединения может быть дополнен положением, позволяющим акцентировать внимание всех его членов на поддержание стабильности управления объединением. С этой целью желательно закрепить в уставе принцип:

«вносимые в устав изменения не должны приводить к прекращению функционирования органов управления».

При рассмотрении возникающих споров в судебном порядке корпоративные нормы становятся важным аргументом в разрешении коллизий, их содержание во многом предопределяет решение суда. Общественное объединение не может быть абсолютно самостоятельным, не связанным с государством и его органами множеством связей. Поскольку «в правовом государстве все связано правом, никто не может действовать произвольно» [10, с. 7], органы государства обязаны реагировать не только на явные нарушения закона, но и обращать внимание на проблемы, возникающие в процессе применения демократических процедур и оказывающие негативное влияние на общественные процессы.

Список литературы

1. Канунников А. А. Гражданское общество: опыт стран Европейского союза и России. – М.: ИЕ РАН; ИД Юриспруденция, 2017. 268 с.
2. Власова О. В. Роль объединений граждан в утверждении достоинства человека. – Саратов: Изд-во ГОУВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. 184 с.
3. Гражданское общество: истоки и современность / науч. Ред. проф. И. И. Кальной, доц. И. Н. Лопушанский. 2-у изд., доп. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2002. 296 с.
4. Комарова В. В. «Общественное здоровье» в теоретико-правовом аспекте // Российской юридический журнал. 2024. № 3 (156). С. 7-19.
5. Малый А. Ф., Малый Д. А., Уткин Р. В. Общественное объединение как форма реализации права на объединение: моногр. – Архангельск: Арханг. гос. тех. ун-т, 2009. 331 с.
6. Конституционно-правовой статус общественных объединений в современной России: учебное пособие для магистратуры / отв. ред. В. В. Комарова. – М.: Норма-М, 2019. 224 с.
7. Грудцына Л. Ю. Государство и гражданское общество / под. Ред. М.С. Петрова. М., 2010. 464 с.
8. Плешаков Е. А. Юридический приоритет и правовое преимущество: сравнительный аспект // Российской юридический журнал. 2024. № 4 (157). С. 63-69.
9. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. – М.: Юрист, 2004. 192 с.
10. Астафичев П. А. Уважение к старшим как новое конституционное требование в гражданском обществе: юридические установления и пределы // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики. Сборник научных статей и докладов XII Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией П.А. Меркулова, Н.А. Щеголевой. Орел, 2020. С. 3-10.

References

1. Kanunnikov A. A. Civil society: the experience of the countries of the European Union and Russia. - M.: IE RAS; ED Jurisprudence, 2017. 268 p.
2. Vlasova O. V. The role of citizens' associations in asserting human dignity. - Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2009. 184 p.
3. Civil society: origins and modernity / scientific. Ed. Prof. I.I. Kalnaya, Assoc. I.N. Lopushansky. 2nd ed., Add. - St. Petersburg: Publishing House «Legal Center Press.» 2002. S.31. 296 p.
4. Komarova V. V. «Public Health» in the theoretical and legal aspect // Russian Law Journal. 2024. № 3 (156). P. 7-19.
5. Malyi A. F., Malyi D. A., Utkin R. V. Public association as a form of realization of the right to association: monogr. - Arkhangelsk: Arkhang. state technical un-t, 2009. 331 p.
6. Constitutional and legal status of public associations in modern Russia: textbook for magistracy / resp. ed. V. V. Komarova. - M.: Norma-M, 2019. 224 p.

7. Grudtsyna L. Yu. State and civil society / under. Ed. M.S. Petrova. M., 2010. 464 p.
8. Pleshakov E. A. Legal priority and legal advantage: comparative aspect // Russian Law Journal. 2024. № 4 (157). P. 63-69.
9. Kokotov A. N. Trust. Distrust. Right. - M.: Lawyer, 2004. 192 p.
10. Astafichev P. A. Respect for elders as a new constitutional requirement in civil society: legal regulations and limits // Human and civil rights and freedoms: current problems of science and practice. Collection of scientific articles and reports of the XII International Scientific and Practical Conference / Edited by P. A. Merkulova, N. A. Schegoleva. Eagle, 2020. P. 3-10.

Информация об авторе (авторах): Малый Александр Федорович, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.1; профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д.68), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author(s): Maly Alexander Fedorovich, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Russia, Kazan, Kremlin St., 18, building 1; Professor National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev. 68 Bolshevistskaya St., Saransk, Russia), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 02.01.2026; approved after 30.01.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Научная статья

УДК 342.553

DOI: 10.70569/2949-5725.2026.10.1.005

Анализ хода муниципальной реформы в Республике Марий Эл в контексте интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти

А.Р. Тришков

Марийский государственный университет,

Йошкар-Ола, Российская Федерация

alex@trishkov.ru

Аннотация. В статье представлен анализ процесса муниципальной реформы в Республике Марий Эл, начавшейся в 2024 г. Основное внимание уделяется трансформации территориальной организации местного самоуправления и переходу от двухуровневой к одноуровневой системе управления. Исследуются особенности преобразования муниципальных районов в муниципальные округа на примере Килемарского, Волжского, Новоторъяльского и Сернурского районов. Выявлены ключевые изменения в структуре органов местного самоуправления и механизмы интеграции муниципальной власти в единую систему публичной власти. В единой системе публичной власти продолжается работа по дальнейшей реализации муниципальной реформы. Анализируются положения Закона Республики Марий Эл от 6 ноября 2025 г. № 38-З «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Республике Марий Эл в единой системе публичной власти». По мнению автора материала, в процессе муниципальной реформы на регионально-субъектном уровне акцент в работе территориальных отделов сделан на большее взаимодействие с населением, а также на развитие общественного самоуправления. Приводятся позиции ученых по вопросам проведения муниципальной реформы и организации одноуровневой модели организации местного самоуправления в субъектах Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная реформа, муниципальный округ, территориальная организация власти, публичная власть, двухуровневая система, одноуровневая система.

Для цитирования: Тришков А.Р. Анализ хода муниципальной реформы в Республике Марий Эл в контексте интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 42–46.

Original article

Analysis of the progress of municipal reform in the Republic of Mari El in the context of integrating local self-government into a unified system of public authority

A.R. Trishkov

Mari State University,

Yoshkar-Ola, Russian Federation

alex@trishkov.ru

Abstract. The article presents an analysis of the process of municipal reform in the Republic of Mari El, which began in 2024. The main focus is on the transformation of the territorial organization of local self-government and the transition from a two-tier to a one-tier management system. The features of the transformation of municipal districts into municipal districts are investigated using the example of Kilemarsky, Volzhsky, Novotoryalsky and Sernursky districts. Key changes in the structure of local self-government bodies and mechanisms for integrating municipal authorities into a single system of public authority have been identified. In the unified system of public authority, work continues on the further implementation of municipal reform. The provisions of the Law of the Republic of Mari El dated November 6, 2025 № 38-Z «On certain issues of organizing local self-government in the Republic of Mari El in a unified system of public authority» are analyzed. According to the author of the material, in the process of municipal reform at the regional-subject level, the emphasis in the work of territorial departments is placed on greater interaction with the population, as well as on the development of public self-government. The

positions of scientists on the issues of municipal reform and the organization of a one-level model of organizing local self-government in the constituent entities of the Federation are given.

Keywords: local self-government, municipal reform, municipal district, territorial organization of power, public power, two-tier system, single-tier system.

For citation: Trishkov A.R. Analysis of the progress of municipal reform in the Republic of Mari El in the context of integrating local self-government into a unified system of public authority // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 42–46

Современный этап развития России характеризуется глубокой трансформацией системы публичной власти, ключевым элементом которой является местное самоуправление. Республика Марий Эл в настоящее время является субъектом Российской Федерации со смешанной муниципальной структурой, при которой функционируют городские округа, муниципальные округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения. По мнению специалистов в области муниципального права, заявленная реформа должна охватывать механизмы взаимосвязей между различными уровнями власти в рамках общей системы публичной власти [1, с. 29].

Отправной точкой муниципальной реформы в Республике Марий Эл считается 2024 г. В этом году в муниципальном устройстве Республики Марий Эл произошли значительные изменения. Перечень муниципальных образований был дополнен новым видом муниципальных образований – муниципальный округ – и произошло первое преобразование муниципального района в муниципальный округ.

5 марта 2024 г. Государственным Собранием Республики Марий Эл принят Закон № 9-З «О преобразовании муниципальных образований Килемарского муниципального района Республики Марий Эл и внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Марий Эл»¹. В результате преобразования вместо 6 поселений и 1 муниципального района

сформировано новое муниципальное образование – Килемарский муниципальный округ Республики Марий Эл с единым бюджетом и единым центром принятия решений.

В ходе преобразования в Килемарском районе на месте администраций поселений сформированы территориальные отделы в тех же местах, где ранее располагались администрации поселений. Акцент в работе территориальных отделов сделан на большее взаимодействие с жителями, а также на развитие общественного самоуправления, такого как старосты сельских населенных пунктов. По мнению ученых, для интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти имеет большое значение оценка гражданами эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления [5, с. 114].

В 2025 г. преобразования были продолжены. 24 апреля 2025 г. Государственным Собранием Республики Марий Эл были приняты законы о преобразовании муниципальных образований Волжского, Новоторъяльского и Сernурского муниципальных районов. Данные законы приняты в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), так как Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»³ (далее – Феде-

¹ О преобразовании муниципальных образований Килемарского муниципального района Республики Марий Эл и внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Марий Эл : закон Республики Марий Эл от 5 марта 2024 г. № 9-З. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200202403070005> (дата обращения: 15.01.2026).

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федеральный закон Российской Федерации от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

ральный закон № 33-ФЗ) на тот момент еще не вступил в законную силу.

Основная задача, которая ставилась и стоит перед муниципалитетами в ходе реформы – приблизить местную власть к жителям за счет снижения «бумажной» нагрузки на сотрудников территориальных отделов. Этой же позиции придерживается И.П. Ковалев в своей работе [2, с. 50], но дополняет ее тем, что задача Федерального закона № 33-ФЗ заключается также в интеграции муниципалитетов в унифицированную структуру государственной власти, повышении их продуктивности и подконтрольности.

Преобразования в Волжском, Новоторъяльском, Сернурском муниципальных районах проходили с учетом практики, выработанной в ходе преобразования Килемарского района. Министерством внутренней политики Республики Марий Эл (далее – Министерство) совместно с сотрудниками администрации Килемарского муниципального округа Республики Марий Эл оказывалось содействие органам местного самоуправления трех муниципальных районов в прохождении процедуры преобразования.

Министерством в летний период 2025 г. были разработаны проекты уставов для преобразуемых муниципальных районов. Прделанная работа позволила принять и зарегистрировать уставы муниципальных округов в самые короткие сроки. Кроме этого, в преобразовании Волжского муниципального района Республики Марий Эл есть одна особенность – административный центр образованного муниципального округа перенесен из города Волжска в поселок городского типа Приволжский. Спустя длительное время муниципалитет обрел собственный административный центр, который расположен на территории данного муниципалитета.

19 июня 2025 г. Федеральный закон № 33-ФЗ вступил в силу, в этой связи организация работы в образованных муниципальных округах стала осуществляться в соответствии с Федеральным законом № 33-ФЗ. По этой причине Законом Ре-

спублики Марий Эл от 10 сентября 2025 г. № 35-З «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Марий Эл»¹ были добавлены новые законодательные нормы:

1) глава муниципального образования избирается представительным органом из числа кандидатов, представленных Главой Республики Марий Эл, и возглавляет местную администрацию («принцип единоглавия»);

2) организацию деятельности представительного органа осуществляет председатель представительного органа, избираемый этим органом из своего состава;

3) порядок внесения Главе Республики Марий Эл предложений о кандидатурах на должность главы муниципального образования утверждается Главой Республики Марий Эл.

Для сравнения: в Килемарском муниципальном округе, полностью завершившем преобразование с 1 января 2025 г., сохранил свое действие «принцип двуглавия», то есть в структуре органов местного самоуправления есть и глава муниципального образования, и глава администрации муниципального образования. Это обусловлено тем, что процесс преобразования проходил во время действия Федерального закона № 131-ФЗ, который допускал совмещение должностей главы муниципального образования и председателя представительного органа.

По мнению А.И. Карпенко, избрание главы муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Федерации, призвано обеспечить реализацию конституционного принципа единства системы публичной власти [3, с. 10], а также повысить степень гарантий развития муниципального уровня публичного властвования [4, с. 39].

13–14 сентября 2025 г. в Единый день голосования прошли выборы в представительные органы новообразованных муниципальных округов. Первые сессии прошли 8 октября 2025 г. в Новоторъяльском и Сернурском муниципальных округах, 9 октября 2025 г. – в Волжском муниципальном

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Марий Эл : закон Республики Марий Эл от 10 сентября 2025 г. № 35-З. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200202509110003> (дата обращения: 17.01.2026).

округе, на которых были приняты решения об избрании председателей Собраний депутатов муниципальных округов, о назначении исполняющих обязанности глав соответствующих муниципальных округов приняты уставы. Кроме этого, по итогам первых сессий в адрес Главы Республики Марий Эл от Волжского, Новоторъяльского и Сернурского муниципальных округов направлены письма с просьбой предоставить кандидатов на должности глав муниципальных округов.

Процесс предварительного рассмотрения кандидатур урегулирован на уровне Республики Марий Эл Указом Главы Республики Марий Эл от 15 октября 2025 г. № 254 «Об утверждении Порядка внесения Главе Республики Марий Эл предложений о кандидатурах на должность главы муниципального образования в Республике Марий Эл»¹ (далее – Указ). Согласно Указу предложения о кандидатурах Главе Республики Марий Эл вправе вносить политические партии, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и Государственном Собрании Республики Марий Эл, Ассоциация «Всероссийская ассоциация развития местного самоуправления», Ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Марий Эл» и Общественная палата Республики Марий Эл.

С 20 октября по 18 ноября 2025 г. включительно осуществлялся прием предложений о кандидатурах на должность глав новообразованных муниципальных округов. По результатам сбора заявок поступило 7 предложений: 3 предложения направлены Всероссийской политической партией «Единая Россия»; 3 предложения – Ассоциацией «Совет муниципальных образований Республики Марий Эл»; 1 предложение – политической партией КПРФ. 20 и 21 января 2026 г. прошли внеочередные сессии представительных органов муниципальных округов, основным вопросом которых стало назначение глав муниципальных округов.

Стоит отметить, что структура администраций каждого преобразованного муниципального округа включает в себя территориальные отделы. Например, в Волжском муниципальном округе ранее было 1 городское поселение и 7 сельских поселений, по их количеству было создано 8 территориальных отделов, в Новоторъяльском муниципальном округе ранее было 1 городское поселение и 4 сельских поселения, по их количеству было создано 5 территориальных отделов, в Сернурском муниципальном округе ранее было 1 городское поселение и 8 сельских поселений, по их количеству было создано 9 территориальных отделов. Наименование территориальных отделов отражает принадлежность к ранее существующим сельским поселениям.

Продолжается работа по дальнейшей реализации муниципальной реформы. Согласно ч. 2 ст. 6 Закона Республики Марий Эл от 6 ноября 2025 г. № 38-З «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Республике Марий Эл в единой системе публичной власти»² в регионе установлен переходный период, связанный с окончанием сроков полномочий представительных органов, т. е. до сентября 2029 г. В этом плане важно посмотреть на итоги деятельности конкретных должностных лиц местного самоуправления [6, с. 193]. Следует согласиться с учеными в том, что формирование одноуровневой системы местного самоуправления имеет и негативные факторы [7, с. 36]

Таким образом, процесс преобразований в контексте муниципальной реформы в Республике Марий Эл начался с 2024 г. и продолжается в настоящее время. Из 17 муниципальных образований Республики Марий Эл на одноуровневую систему местного самоуправления перешло 4 муниципальных образования. При этом один муниципальный округ сохранил принцип «двуглавия» в органах местного самоуправления, что является особенностью для Республики Марий Эл.

¹ Об утверждении Порядка внесения Главе Республики Марий Эл предложений о кандидатурах на должность главы муниципального образования в Республике Марий Эл : указ Главы Республики Марий Эл от 15 октября 2025 г. № 254. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200202510170001> (дата обращения: 18.01.2026).

² Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Республике Марий Эл в единой системе публичной власти : закон Республики Марий Эл от 6 ноября 2025 г. № 38-З. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1200202511070012> (дата обращения: 18.01.2026).

Список литературы

1. Михеева Т. Н., Гаджиева Г. А. К вопросу о реформировании модели местного самоуправления // Право и государственность. 2024. № 2 (3). С. 26–31.
2. Ковалев И. П. Реформа местного самоуправления 2025 года: последствия, сложности и пути разрешения // Закон и право. 2026. № 1. С. 50–55.
3. Карпенко А. И. Новый вектор развития системы публичного муниципального управления // Индустриальная экономика. 2024. № 3. С. 10–15.
4. Шайхуллин М. С. Конституционное правопонимание гарантий прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. 2021. № 2. С. 39–43.
5. Миннигулова Д. Б., Шайхуллин М. С. Оценка гражданами эффективности деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления: постановка проблемы // Право и управление. 2023. № 1. С. 114–120.
6. Станкин А. Н., Шайхуллин М. С. Отзыв депутата представительного органа муниципального образования // Образование и право. 2023. № 6. С. 189–193.
7. Михеева Т. Н., Погодина Н. Г. Особенности формирования представительных органов в различных типах муниципальных образований // Право и государственность. 2023. № 1 (1). С. 32–38.

References

1. Mikheeva T. N., Gadzhieva G. A. On the issue of reforming the model of local self-government // Law and statehood. 2024. № 2 (3). P. 26-31.
2. Kovalev I. P. Reform of local self-government in 2025: consequences, difficulties and ways of resolution // Law and law. 2026. № 1. P. 50-55.
3. Karpenko A. I. New vector of development of the public municipal management system // Industrial economy. 2024. № 3. P. 10-15.
4. Shaikhullin M. S. Constitutional legal understanding of guarantees of human and civil rights and freedoms // Education and law. 2021. № 2. P. 39-43.
5. Minnigulova D. B., Shaikhullin M. S. Assessment by citizens of the effectiveness of the activities of local self-government bodies and officials: raising a problem // Law and management. 2023. № 1. P. 114-120.
6. Stankin A. N., Shaikhullin M. S. Recall of the deputy of the representative body of the municipality // Education and law. 2023. № 6. P. 189-193.
7. Mikheeva T. N., Pogodina N. G. Features of the formation of representative bodies in various types of municipalities // Law and statehood. 2023. № 1 (1). P. 32-38.

Информация об авторе (авторах): Тришков Алексей Романович, Марийский государственный университет (424000, Россия, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1).

Information about the author(s): Trishkov Alexey Romanovich, Mari State University (424000, Russia, Yoshkar-Ola, pl. Lenin, 1).

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 29.01.2026; approved after 14.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Научная статья
УДК 342.573.3
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.10.1.006

Местный референдум как инструмент демократизации муниципальной правотворческой деятельности

М.Г. Протасевич

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния местного референдума на процессы демократизации публичной власти, связанные с вовлечением местного населения в муниципальное правотворчество на основе использования процедуры референдума. В фокусе внимания автора находятся доктринальные подходы к пониманию муниципального правотворчества, в которых отражаются представления об основных субъектах, полномочных формировать муниципально-правовые нормы. В данной работе дается авторская дефиниция непосредственного муниципального правотворчества, а также выявляется значение местного референдума для реализации комплекса конституционных прав, которыми располагают как граждане, так и местное население. Анализируются вопросы структуризации правового института местного референдума как конституционно установленной формы непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления на муниципальном уровне. Рассмотрены отдельные аспекты целеполагания осуществления местного референдума. По мнению автора материала, федеральный законодатель определяет основные параметры нормирования местного референдума как субъективно-объективного муниципально-правового института. Параметры нормирования референдума в определенных пределах могут быть конкретизированы субъектами Российской Федерации, а также на муниципальном уровне публичного властвования.

Ключевые слова: публичная власть, местный референдум, муниципальное правотворчество, население, местное самоуправление, привлечение населения, конституционные права.

Для цитирования: Протасевич М.Г. Местный референдум как инструмент демократизации муниципальной правотворческой деятельности // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 47–51.

Original article

Local referendum as a democratization tool municipal law-making activities

M.G. Protasevich

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of the local referendum on the processes of democratization of public authorities related to the involvement of the local population in municipal law-making through the use of the referendum procedure. The author focuses on doctrinal approaches to understanding municipal lawmaking, which reflect ideas about the main subjects authorized to form municipal legal norms. This work also gives the author's definition of direct municipal lawmaking, and also reveals the importance of a local referendum for the implementation of a set of constitutional rights that both citizens and the local population have. The issues of structuring the legal institution of a local referendum as a constitutionally established form of direct implementation by citizens of local self-government at the municipal level are analyzed. Certain aspects of the goal-setting of the local referendum are considered. According to the author of the material, the federal legislator determines the main parameters of rationing a local referendum as a subjective-objective municipal legal institution. The parameters of rationing a referendum within certain limits can be specified by the constituent entities of the Russian Federation, as well as at the municipal level of public rule.

Keywords: public power, local referendum, municipal law-making, population, local self-government, involvement of the population, constitutional rights.

For citation: Protasevich M.G. Local referendum as a tool of democratization municipal law-making activities // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 47–51.

Институты прямой демократии располагают широкими возможностями для оказания воздействия на публичную власть. В этой связи В.А. Толстик и Н.А. Трусов отмечают, что референдум является важнейшим столпом демократически организованного управления, проводником воли народа, и именно референдум, как никакой другой институт непосредственного волеизъявления, воплощает идею участия народа в осуществлении власти в реальную действительность [1, с. 450]. М.П. Пронина также утверждает, что референдум обеспечивает непосредственное участие народа в управлении при сохранении целостной представительной системы [2, с. 350]. Таким образом, референдумы призваны выполнять ряд общих функций: обеспечивать демократизацию публичного управления, а также ее децентрализацию. В то же время М.С. Велибеков выделяет следующие функции референдума как формы прямой демократии, как-то: легитимация, сдерживание, учреждение, самоуправление и политический арбитраж [3, с. 9]. Причем для местного самоуправления, как отмечает автор, наиболее значимой выступает функция самоуправления [3, с. 46]. Вместе с тем на муниципальном уровне референдум может выполнять иные значимые функции, одной из которых выступают создание, изменение и отмена правовых актов местного самоуправления, содержащих муниципально-правовые нормы. Возможность организации правотворческих референдумов в муниципальных образованиях вытекает из смысла и содержания ст. 52 (ч. 1 п. 1, ч. 2) Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который включает в систему муниципальных правовых актов правовые акты, принятые на местном референдуме¹.

Касаясь вопроса о назначении правотворчества, подчеркнем, что правосозидательная деятельность характеризуется как особая форма реализации публично значимых функций. Однако сама природа

такой деятельности на местном уровне организации публичной власти раскрывается по-разному.

Исходя из характерных признаков и конечных результатов, муниципальное правотворчество трактуется как: а) процесс принятия уполномоченными субъектами документально оформленных нормативных муниципальных правовых актов, носящих обязательный характер в границах соответствующего муниципального образования по вопросам местного значения или по вопросам осуществления отдельных государственных полномочий, делегированных органам местного самоуправления актами федерального или регионального законодательства [4, с. 91]; 2) деятельность уполномоченных субъектов местного самоуправления по принятию письменного документа, направленного на установление, изменение или отмену правовых норм, имеющих общеобязательное предписание постоянного или временного характера, рассчитанных на многократное или однократное применение на территории муниципального образования, и адресованного неопределенному кругу лиц либо конкретному субъекту общественных отношений [5, с. 6]; 3) процесс познания правовых потребностей населением муниципального образования, органами и должностными лицами местного самоуправления, направленный на создание, изменение и отмену муниципальных правовых актов по вопросам местного значения в пределах, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами, а также при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями соответствующим законом [6, с. 8] и др.

Вместе с тем предложенные определения могут быть детализированы применительно к отдельным видам муниципального правотворчества, если для их обособления складываются социально-правовые предпосылки. По своей природе непосредственное муниципальное правотворчество направ-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федеральный закон Российской Федерации от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. №12. Ст. 1200.

лено на придание документальной форме, содержащей правовые установления ограниченного пространственного действия, общеобязательного характера путем подготовки и проведения на территории муниципального образования коллективного волеизъявления граждан в форме голосования по вопросам местного значения. Однако его легитимация в публично-правовом пространстве определяется теми условиями, которые закладываются непосредственно Конституцией Российской Федерации и детализируются в законодательных основах об общих принципах организации местного самоуправления (федеральных, региональных).

Следует отметить, что Конституция Российской Федерации устанавливает следующие требования, направленные на формализацию непосредственного муниципального правотворчества: это – общая характеристика референдума как структурообразующего звена для всей системы народовластия, ее подсистемы, объединяющей формы прямой демократии, обеспечивающих реализацию конституционного права граждан на участие в референдуме. В то же время Конституция Российской Федерации рассматривает местный референдум как структурообразующее звено системы местного самоуправления, а также ее подсистемы в виде форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в его осуществлении. Немаловажное значение имеют конституционное требование о признании и гарантированности самостоятельности местного самоуправления, которое Конституционный Суд Российской Федерации характеризует как основное свойство и одновременно принцип взаимоотношений с органами государственной власти¹, а также совокупность положений Конституции Российской Федерации о местном самоуправлении, которые определяют его пределы.

Однако конституционные основы, определяющие возможность обращения жителей к институту местного референдума для принятия правовых актов, являются, на наш взгляд, более широкими. Речь идет о комплексе прав и свобод человека и гражданина по участию в местном самоуправлении, которые Э.Р. Курманов характеризует в качестве признаваемых и обеспечиваемых законом за жителями муниципального образования мер возможного поведения для удовлетворения их интересов в сфере местного самоуправления (самоуправленческие права) [7, с. 8].

В этот перечень включается не только конституционное право человека и гражданина на местное самоуправление, но и права, раскрывающие его структуру и содержание: это – право граждан на осуществление местного самоуправления, а также на участие в осуществлении местного самоуправления. А.А. Фурсов квалифицирует их в качестве конституционных, но включенных в Конституцию Российской Федерации имплицитно (в подразумеваемой форме) [8, с. 82]. Их различие видится автору в следующем: право на осуществление местного самоуправления реализуется с использованием постановляющих форм непосредственной демократии, а также через деятельность организационных основ местного самоуправления, а право на участие в осуществлении местного самоуправления – с использованием форм выражения общественного мнения жителей муниципального образования [8, с. 86].

Этот вывод подтверждает действующий Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»² (в отличие от прежнего Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), который отме-

¹ По делу о проверке конституционности части 3 статьи 40 и пункта 6 части 1 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», а также пункта 2 статьи 27 Закона Санкт-Петербурга «Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге» в связи с жалобой граждан А.А. Афиногенова, В.А. Вольского и других : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 50-П. .

² Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федеральный закон Российской Федерации от 20 марта 2025 г. № 33 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

чает, что местный референдум относится к формам непосредственного осуществления местного самоуправления [9, с. 215]; следовательно, данный институт обеспечивает реализацию конституционного права на местные самоуправления только в части права на его осуществление.

Однако помимо указанных прав в этот перечень входит право граждан на участие в местном референдуме, выступающее элементом структуры и содержания не только системы местного самоуправления, но и конституционного права граждан Российской Федерации на участие в референдуме, которое, в свою очередь, может рассматриваться в качестве составной части конституционного права на управление делами государства как интегрального по своей природе и содержанию. Таким образом, к конституционным основам регулирования непосредственного муниципального правотворчества следует относить комплекс основных прав и свобод, в том числе выводимых из смысла системно взаимосвязанных конституционных установлений.

Другое необходимое условие связано с тем, что правовые акты, принятые на местном референдуме, рассматриваются федеральным законодателем в качестве составной части системы муниципальных правовых актов, занимающих одно из приоритетных положений [10, с. 59] вместе с уставом муниципального образования. По этому поводу названный федеральный закон содержит

юридическое требование, согласно которому оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме, сходе граждан, являются наряду с уставом муниципального образования актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов, имеют прямое действие [11, с. 19] и применяются на всей территории муниципального образования, исходя из которого иные муниципальные правовые акты не должны им противоречить. Кроме того, федеральный законодатель структурирует правовой институт местного референдума как конституционно установленной формы непосредственного осуществления гражданами местного самоуправления на муниципальном уровне: это – целеполагание, принципы осуществления (законность и добровольность), вопросы местного референдума, территория проведения, процедура, участники, официальное опубликование итогов голосования и принятого решения, юридическая природа решения, принятого на местном референдуме, порядок его обжалования и гарантии прав граждан на участие в местном референдуме.

Таким образом, федеральный законодатель определяет основные параметры нормирования местного референдума как субъективно-объективного муниципально-правового явления, которые могут быть в установленных пределах конкретизированы субъектами Российской Федерации, а также муниципальными образованиями.

Список литературы

1. Толстик В. А., Трусов В. А. Референдум как инструмент демократизации правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 450–457.
2. Пронина М. П. Референдум по проекту нормативного правового акта как фактор демократизации российского правотворчества // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 349–353.
3. Велибеков М. С. Конституционно-правовое регулирование референдума в федеративных государствах Западной Европы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 18 с.
4. Муниципальное право России : учебник / С. А. Авакьян, В. Л. Лютцер, Н. Л. Пешин [и др.]; отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Проспект, 2009. 544 с.
5. Сергеева К. О. Муниципальное правотворчество в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
6. Шкуратова Т. П. Муниципальное правотворчество: вопросы теории и правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 26 с.
7. Курманов Э. Р. Права и свободы человека и гражданина по участию в местном самоуправлении (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 35 с.
8. Фурсов А. А. Права граждан в сфере местного самоуправления: правовая природа и система // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 4. С. 79–92.
9. Хабибуллина Г. Р. К вопросу о специально-юридических функциях института отрасли муниципального

права (на примере вступления в силу муниципальных правовых актов) // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 2. С. 214–219.

10. Шайхуллин М. С. О признаках и объектах конституционно-правовых гарантий муниципального уровня публичной власти // Образование и право. 2024. № 7. С. 58–63.

11. Шайхуллин М. С. Функциональность конституционно-правовых гарантий развития муниципального уровня публичного властвования // Образование и право. 2024. № 3. С. 18–23.

References

1. Tolstik V. A., Trusov V. A. Referendum as an instrument of democratization of law-making // Legal technique. 2014. № 8. P. 450-457.

2. Pronina M. P. Referendum on the draft regulatory legal act as a factor in the democratization of Russian law-making // Legal technique. 2014. № 8. P. 349-353.

3. Velibekov M. S. Constitutional and legal regulation of the referendum in the federal states of Western Europe: author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2019. 18 p.

4. Municipal law of Russia: textbook/S.A. Avakyan, V. L. Lutzer, N. L. Peshin [et al.]; resp. ed. S. A. Avakyan. M.: Prospect, 2009. 544 p.

5. Sergeeva K. O. Municipal law-making in the Russian Federation: author. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2013. 25 p.

6. Shkuratova T. P. Municipal law-making: issues of theory and legal regulation: author. dis.... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2011. 26 p.

7. Kurmanov E. R. Rights and freedoms of man and citizen to participate in local self-government (constitutional and legal research): author. dis.... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk, 2006. 35 p.

8. Fursov A. A. Citizens' rights in the field of local self-government: legal nature and system // Vestnik VSU. Series: Right. 2019. № 4. P. 79-92.

9. Khabibullina G. R. On the issue of special legal functions of the institute of the branch of municipal law (on the example of the entry into force of municipal legal acts) // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2025. № 2. P. 214-219.

10. Shaikhullin M. S. On the signs and objects of constitutional and legal guarantees of the municipal level of public authority // Education and law. 2024. № 7. P. 58-63.

11. Shaikhullin M. S. Functionality of constitutional and legal guarantees for the development of the municipal level of public rule // Education and law. 2024. № 3. P. 18-23.

Информация об авторе (авторах): Протасевич Михаил Геннадьевич, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп.1).

Information about the author(s): Protasevich Mikhail Gennadievich, Kazan (Volga) Federal University (420008, Russia, Kazan, Kremlin Street, 18, Building 1).

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 15.01.2026; approved after 24.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений

С.В. Краснова¹

Казанский (Приволжский) Федеральный университет,

Казань, Российская Федерация

krasnovasnezana45@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема включения национальных проектов в систему правового регулирования современной России. Их место в нормативной регуляции неоднозначно, поскольку национальные проекты не обладают регулятивным потенциалом. Вместе с тем данные документы оказывают правовое влияние на развитие национального законодательства. Основываясь на появившихся в последнее время работах по правовому мотивированию, автор полагает возможным определить место национальных проектов в системе правового регулирования как актов, имеющих правовое влияние в форме правового мотивирования. По мнению автора статьи, законодатель, выделив анализируемую категорию – национальные проекты – как особые акты стратегического планирования, порядок разработки и принятия которых хоть и обозначен в федеральном законе, имеют свою специфическую форму выражения и реализации. В то же время в аспекте правового регулирования отсутствие легальной законодательной дефиниции создает множество проблем, которые в сфере определения их места среди нормативных или ненормативных правовых актов, порядка привлечения к ответственности должностных лиц за нереализацию нацпроектов. Анализируются различные правовые условия обеспечения национальных проектов, в которых недостаточно мотивирующих установок, влияющих на их осуществление, поскольку для полноценной реализации национального проекта необходим комплекс правовых, организационных, экономических, технических и других условий в совокупности определяющих эффективность исполнения основных целей и задач таких актов стратегического характера. Для реализации национальных проектов важно соблюдение принципа единства системы публичной власти, а также конкретные меры, гарантирующие исполнение актов стратегического планирования и в конечном итоге достижение показателей эффективности деятельности органов на местах, улучшение жизни населения. Для усиления влияния национальных проектов на законотворческую и правоприменительную деятельность важно совершенствовать условия реализации стимулирующих норм, содержащихся в положениях текущего законодательства, регулирующего сферу стратегического планирования.

Ключевые слова: национальные проекты, стратегическое планирование, правовое регулирование, реализация, правовое влияние, правовое мотивирование.

Для цитирования: Краснова С.В. Национальные проекты в системе правового регулирования общественных отношений // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 52–56.

Original article

National projects in the system of legal regulation of public relations

S.V. Krasnova

Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan, Russian Federation

krasnovasnezana45@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of the inclusion of national projects in the system of legal regulation of modern Russia. Their place in regulatory regulation is ambiguous, since national projects do not have regulatory potential. At the same time, these documents have a legal impact on the development of national legislation. Based on recent works on legal motivation, the author considers it possible to determine the place of national projects in the system of legal regulation as acts having legal influence in the form of legal motivation. According to the

¹ Научный руководитель – А.А. Нигметзянов, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук.

author of the article, the legislator, having singled out the analyzed category - national projects, as special acts of strategic planning, the procedure for the development and adoption of which, although indicated in federal law, has its own specific form of expression and implementation. At the same time, in terms of legal regulation, the lack of a legal legislative definition creates many problems that in the field of determining their place among regulatory or non-regulatory legal acts, the procedure for holding officials accountable for non-implementation of national projects. Various legal conditions for the provision of national projects are analyzed, in which there are not enough motivating attitudes affecting their implementation, since the full implementation of a national project requires a set of legal, organizational, economic, technical and other conditions that together determine the effectiveness of the implementation of the main goals and objectives of such acts of a strategic nature. For the implementation of national projects, it is important to comply with the principle of unity of the public authority system, as well as specific measures to guarantee the implementation of acts of strategic planning and, ultimately, to achieve indicators of the effectiveness of local authorities and improve the life of the population. To strengthen the influence of national projects on legislative and law enforcement activities, it is important to improve the conditions for the implementation of incentive norms contained in the provisions of the current legislation governing the scope of strategic planning.

Keywords: national projects, strategic planning, legal regulation, implementation, legal influence, legal motivation.

For citation: Krasnova S.V. National National projects in the system of legal regulation of public relations // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 52–56.

Термин «национальный проект» (далее – нацпроект) появился осенью 2005 г., когда Президент Российской Федерации В.В. Путин выступил с инициативой разработки четырех комплексных программ модернизации страны – «Современное здравоохранение», «Качественное образование», «Доступное жилье» и «Эффективное сельское хозяйство»¹. На сегодняшний день принят Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»². На основании данного указа выделяются следующие нацпроекты: «Продолжительная и активная жизнь», «Семья», «Молодежь и дети», «Кадры». Правовое регулирование нацпроектов основывается на положениях Конституции Российской Федерации³, Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴, Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О

национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», Постановления Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»)⁵ и др.

Согласно ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации Россия – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» выделена целая глава, которая посвящена документам стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования на федеральном уровне. Законодатель, выделив ее, хотел показать, что нацпроекты – это особые

¹ Выступление на встрече с членами Правительства, руководством Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23157> (дата обращения: 05.01.2026).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

⁵ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 1288 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45 (ч. IV). Ст. 6947.

акты стратегического планирования, порядок разработки и принятия которых хоть и обозначен в федеральном законе, но имеет свою специфическую форму выражения и реализации. Однако отсутствие легальной законодательной дефиниции создает множество проблем, например, в сфере определения их места среди нормативных или ненормативных правовых актов, порядка привлечения к ответственности должностных лиц за нереализацию нацпроектов.

В юридической литературе встречаются различные концепции юридической природы нацпроектов. Одна группа ученых считает, что нацпроекты являются подзаконными правовыми актами. По мнению Н.С. Кутузовой, национальный проект – это документ, имеющий уникальный правовой характер [1, с. 96]. Это выражается в том, что, во-первых, в национальном проекте отсутствуют нормы права в их узком, формально-юридическом смысле, подразумевающим абстрактные правила поведения, содержащие гипотезу, диспозицию или санкцию, но при этом он включает в себя специфический вид правовых норм; во-вторых, нацпроект имеет характер прогнозного правового акта; несмотря на отсутствие «традиционных» норм права тем не менее он сохраняет характеристики общего масштаба поведения, модели поведения, известного образца (типа отношений) для организаций, должностных лиц, граждан и иных субъектов права, в задачи которых входит обязанность достичь известных показателей; в-третьих, национальный проект в силу особого юридического стиля изложения, логичной организации своего текста, взаимосвязанности частей документа, последовательности и экономии расположения правового материала, персонализации своих предписаний приобретает четкую целевую направленность правового воздействия [10, с. 489] и должную правовую эффективность своего действия. Н.С. Кутузова понимает под нацпроектом подзаконный правовой акт, содержащий правовые предписания рамочного характера, имеющие прогнозно-ориентирующее значение и выступающие средствами правового воздействия [11, с. 40], обеспечиваю-

щими прорывные научно-технологические и социально-экономические достижения, повышение уровня жизни, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека.

Некоторые ученые, например, С.А. Голунский [2, с. 89], Р.А. Ижокин [3, с. 11], понимают нацпроекты как ненормативные правовые акты. Следует признать, что акты стратегического планирования содержат незначительное количество правовых норм в традиционном их понимании, что дает ученым основание для вывода о том, что политико-правовые акты «не являются и нормативными правовыми актами. Это связано с тем, что степень их формализованности ниже, чем нормативных правовых актов; они не закрепляют конкретных прав и обязанностей участников правоотношений, зачастую содержат лишь общие направления, показатели, к достижению которых должно стремиться государство, а то и вовсе изобилуют теоретическими положениями, которые не имеют регулирующего значения» [4, с. 71]. По мнению многих ученых, такие акты в большей степени ориентируют и декларируют, чем регулируют [5, с. 51]. Безусловно, стратегические правовые акты не могут рассматриваться как содержащие исключительно правовые предписания, однако они содержат отдельные индивидуальные предписания наряду с нормативными.

Отсутствие нормативности не дает основания исключать рассматриваемые акты из числа средств правового влияния [6, с. 83]. Они побуждают органы государственной власти различного уровня планировать и проводить мероприятия правового и организационного характера, направленные на достижение поставленных в национальном проекте целей. Такое побуждение все чаще в литературе именуется мотивированием [7, с. 158].

Паспорт национального проекта имеет сложную структуру и состоит из следующих частей: 1) основные положения; 2) цели, целевые и дополнительные показатели национального проекта; 3) структура национального проекта (включает поименованные федеральные программы); 4) задачи и результаты национального проекта;

5) задачи и результаты федеральных проектов, включенных в состав национального проекта; 6) заключение (формулировка национальных целей проекта и примечания). Согласно паспорту нацпроекта «Молодежь и дети» целью нацпроекта является становление и развитие поколения российских граждан патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного, способного обеспечить суверенитет, конкурентоспособность и дальнейшее развитие России. Нацпроект направлен на следующие целевые группы – иностранцы, проживающие в Российской Федерации и странах СНГ, абитуриенты, студенты, молодежь 14–35 лет, аспиранты, все граждане Российской Федерации, школьники, родители школьников, педагоги и наставники (кто является наставниками, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ не дает ответа). Реализация нацпроекта возложена на государственные органы, их должностных лиц, бюджетные учреждения. Документ рассчитан на выработку стратегии, заключающейся в планировании конкретных мероприятий для достижения поставленной цели. Об этом свидетельствуют обозначенный конкретный временной период, показатели, результаты, финансирование. В этом его мотивирующее предназначение [8, с. 178–184], в отличие от нормативного правового акта, который содержит права, обязанности, ответственность, санкции за нарушение правовых предписаний участниками правоотношений.

Безусловно, одного мотивирующего влияния национального проекта недостаточно для его полноценной реализации, поскольку он определяет лишь основной вектор реализации целей и задач. Он не дает ответа на то, какие органы имеют полномочия по реализации нацпроектов, какие конкретные мероприятия должны быть реализованы для достижения определенных показателей. Часто такие вопросы решаются на уровне субъектов Российской Федерации, которые адаптируют федеральные задачи под свои особенности и выделяют финансирование. Поэтому для усиления влияния национальных проектов на законотворческую и правоприменительную деятельность важно усилить их стимулирующими нормами [9, с. 56], содержащимися в федеральном законе. Проанализировав различные подходы, полагаем, что нацпроект является ненормативным правовым актом стратегического планирования, закрепляющим механизм реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в различных сферах общественной жизни, содержащим перечень показателей и комплекс планируемых мероприятий, направленных на достижение конкретных результатов в конкретных временных промежутках. Национальный проект является важнейшим современным правовым средством реализации приоритетных направлений политики государства, активно влияет на все протекающие общественные процессы в современном российском обществе.

Список источников

1. Кутузова Н. С. Сущность и правовые аспекты национального проекта // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2021. №1. С. 96–102.
2. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М. : Юр-издат, 1940. 304 с.
3. Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ижокин Роман Алексеевич. Владимир, 2008. 23 с.
4. Пляхимович И. И. Юридическая природа концепций совершенствования законодательства и иных политико-программных документов // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2007. № 2. С. 71–81.
5. Мамяшева Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования // Legal Concept. 2023. № 2. С. 50–59.
6. Малый А. Ф. Мотивационное влияние конституционных принципов на законотворческие и правоприменительные решения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 83–88.

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

7. Малый А. Ф., Нигметзянов А. А. Мотивирование в системе регулирующего влияния права на общественные отношения // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 1. С. 158–168.
8. Малый А. Ф., Нигметзянов А. А. О мотивационном значении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9. С. 178–184.
9. Нигметзянов А. А. Стимулирование как метод позитивного воздействия на личность // Вестник Евразийской академии административных наук. 2022. № 4 (61). С. 56–58.
10. Адвокатская деятельность и адвокатура в России : учебник для магистров / И. Л. Трунов, Л. К. Айвар, В. Ф. Анисимов [и др.]. 1-е изд. М. : Издательство «Юрайт», 2011. 527 с. (Бакалавр. Академический курс). ISBN 978-5-9916-1262-3.
11. Шайхуллин М. С. Конституционное правопонимание гарантий прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. 2021. № 2. С. 39–43.

References

1. Kutuzova N. S. Essence and legal aspects of the national project // SUSU Bulletin. Series: Right. 2021. №1. P. 96–102.
2. Golunsky S. A, Strogovich MS Theory of State and Law. M.: Yuriz-date, 1940. 304 p.
3. Izhokin R. A. Atypical legal acts in the regulation of personal relations: author. dis.... cand. jurid. Sciences / Izhokin Roman Alekseevich. Vladimir, 2008. 23 p.
4. Plyakhimovich I. I. The legal nature of concepts for improving legislation and other political and program documents // Spring. Kanstytutz. Rasp vessels. Belarus. 2007. № 2. P. 71-81.
5. Mamyasheva D.R. The legal nature of acts of strategic planning // Legal Concept. 2023. № 2. P. 50-59.
6. Malyi A. F. Motivational influence of constitutional principles on legislative and law enforcement decisions // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (68). P. 83-88.
7. Malyi A. F., Nigmatzyanov A. A. Motivation in the system of regulatory influence of law on public relations // Academic notes of Kazan University. Series: Humanities. 2025. Т. 167. № 1. P. 158-168.
8. Malyi A. F., Nigmatzyanov A. A. On the motivational significance of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Theory and practice of social development. 2025. № 9. P 178-184.
9. Nigmatzyanov A. A. Stimulation as a method of positive impact on personality // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2022. № 4 (61). P. 56-58.
10. Advocacy and advocacy in Russia: textbook for masters / I. L. Trunov, L. K. Aivar, V. F. Anisimov [and others]. 1st ed. M.: Publishing house «Yurayt,» 2011. 527 p. (Bachelor. Academic course). ISBN 978-5-9916-1262-3.
11. Shaikhullin M. S. Constitutional legal understanding of guarantees of human and civil rights and freedoms // Education and law. 2021. № 2. P. 39-43.

Сведения об авторе(ах): Краснова Снежана Васильевна, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1).

Information about the author(s): Krasnova Snezhana Vasilievna, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Russia, Kazan, Kremlevskaya Street, 18, Building 1).

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 27.01.2026; approved after 17.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Научная статья
УДК 347.736
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.10.1.008

Стимулирующие нормы в финансовом праве

Д.И. Валишина¹
*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
d_valishina2000@cloud.com*

Аннотация. В статье исследуются вопросы стимулирования в нормативных актах финансового права с дальнейшим изучением способов реализации позитивных правовых поощрений в общественной действительности. Особое внимание уделено исследованию вопроса исполнения норм-стимулов в финансовых отношениях, определению их значимости и разновидности. При этом наиболее показательными для изучения феномена финансового стимулирования являются Налоговый кодекс Российской Федерации и Бюджетный кодекс Российской Федерации, где первый определяет круг финансовых стимулов в отношении властного аппарата и населения, а второй предусматривает особенности экономических отношений субъектов и федерального центра. Делается вывод, что законодательное регулирование финансового побуждения субъектов к реализации определенной деятельности выражается в косвенном стимулировании, что, в свою очередь, наиболее ярко характеризует способ управления финансовыми отношениями в государстве. Анализируются отдельные аспекты системы предоставления косвенных льгот при легализации трудовой деятельности. Рассматриваются особые налоговые режимы граждан, имеющих статус самозанятых. Автор приходит к выводу о том, что стимулирование со стороны государства в отдельных случаях опирается на побуждение к избеганию применения в отношении субъекта негативных санкций за неправомерное осуществление своей деятельности. Аргументируется позиция о применении льготного режима, основанного на пониженной налоговой ставке при уплате налога на доходы, что призвано косвенно стимулировать население к использованию особого налогового режима. Обосновывается позиция о косвенном стимулировании деятельности индивидуальных предпринимателей, которые имеют возможность выбора системы налогообложения в зависимости от рода своей деятельности. В заключение формулируются выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики правоприменения.

Ключевые слова: стимул, стимулирование, побуждение, поощрение, управление, финансовое право, нормы права, правовое регулирование, налоги, население.

Для цитирования: Валишина Д.И. Стимулирующие нормы в финансовом праве // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 57–62.

Original article

Incentive norms in financial law

D.I. Valishina
*Kazan (Volga) Federal University,
Kazan, Russian Federation
d_valishina2000@cloud.com*

Abstract. The article examines the issues of stimulating financial law in regulatory acts with a further study of ways to implement positive legal incentives in public reality. Particular attention is paid to the study of the issue of the execution of incentive norms in financial relations, determining their significance and variety. At the same time, the most indicative for studying the phenomenon of financial incentives are the Tax Code of the Russian Federation and the Budget Code of the Russian Federation, where the first determines the range of financial incentives in relations between the government apparatus and the population, and the second provides for the peculiarities of economic relations between the subjects and the federal center. It is concluded that the legislative regulation of the financial inducement of subjects to implement certain activities is expressed in indirect incentives, which, in turn, most clearly characterizes the method of managing financial relations in the state. Some aspects of the system of providing indirect benefits in the legalization of labor activity are analyzed. Special tax regimes for citizens with self-employed status are being considered. The author concludes that the incentives provided by the State in some

¹ Научный руководитель – А.А. Нигметзянов, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

cases are based on an incentive to avoid the use of negative sanctions against the subject for the unlawful conduct of his activities. The position is argued on the application of a preferential regime based on a reduced tax rate when paying income tax, which is designed to indirectly stimulate the population to use a special tax regime. The position on indirect stimulation of the activities of individual entrepreneurs who have the opportunity to choose a taxation system depending on their type of activity is substantiated. In conclusion, conclusions and proposals are formulated to improve the current legislation and law enforcement practice.

Keywords: incentive, stimulation, inducement, encouragement, management, financial law, legal norms, legal regulation, taxes, population.

For citation: Valishina D.I. Incentive norms in financial law // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 57–62.

Проблематика стимулирующих норм в финансовом праве в настоящее время актуализируется на фоне поиска баланса между интересами участников финансовых отношений. Представителями научного сообщества содержание стимулирующих норм оценивается с различных позиций. Согласно мнению одних исследователей, сущность стимулирующих норм в финансовом праве следует определять через инвестиционную сторону экономических отношений в качестве побуждения к инвестиционной деятельности для удовлетворения личных и общественных интересов [1, с. 139]. Ряд авторов полагает необходимость оценки финансовых стимулов через определение специфических особенностей налогового права как составной части финансового права [2, с. 4]. Финансовое стимулирование определяется также в качестве определенного феномена [3, с. 2], побуждающего членов социума к осуществлению государственно-одобряемого поведения [4, с. 169]. Отмечается, что сущностной особенностью стимулирования в финансовом праве является то, что большая часть стимулирующих норм направлена не на устранение правонарушений, а на побуждение к должному поведению субъектов [5, с. 2]. Интересным представляется определение стимула в финансовом праве через реализацию в стимулирующих нормах позитивных и негативных санкций [6, с. 132]. Укажем, что сущность стимулирования и стимулирующих норм в финансовом праве определяется в качестве внутреннего режима, создаваемого государством, который реализуется, с одной стороны, в мерах поддержки, предоставления льгот активной части населения, совершающей положительные действия, выгодные как для членов социума, так и для государства в целом, а с дру-

гой стороны, в скрытом стимулировании членов общества, а именно в воздержании от неправомерного поведения.

Ценность норм-стимулов в финансовом праве определяется как с точки зрения взаимодействий внутренней системы государственного аппарата с его частями, так и с позиции формальных отношений властного аппарата и социума. Особая значимость стимулирующих норм заключается в создании механизма эффективного экономического управления, посредством формирования у субъектов экономической деятельности мотива в развитии отдельной сферы [7, с. 158]. Формирование у населения активности в хозяйственной сфере посредством норм-стимулов обеспечивается предоставлением льгот при условии должного выполнения субъектами своих обязательств, особенно это относится к нормам налогового права [8, с. 18]. Законодатель преследует цель усиления экономического развития, для чего вводит экономические льготы для отдельных категорий граждан, хозяйствующих субъектов, что благоприятно сказывается на развитии экономики в целом, а также позволяет легализовать деятельность участников рынка, стимулирует граждан на ведение легального бизнеса. По мнению ученых, реализация экономической политики осуществляется государством как на федеральном, так и региональном уровнях, затрагивает как хозяйствующие субъекты, так и физических лиц. Региональный законодатель вправе регламентировать права граждан, разрабатывая механизм их защиты в экономической сфере [9, с. 67] через введение стимулирующих норм.

Нормативное регулирование финансовых отношений права опирается на кодифицированные акты, разрабатываемые

в данной области, а также на законы, регулирующие смежные вопросы различных отраслей права. Данное положение обуславливает множественность классификаций стимулирующих норм в аспекте единой отрасли финансового права, что, в свою очередь, детерминирует особенно в реализации таких норм, закрепление которых отражается в различных нормативных предписаниях.

Наиболее интересным для исследования представляется Налоговый кодекс Российской Федерации¹ (далее – НК РФ), содержащий в себе большое разнообразие стимулирующих норм. Видится, что НК РФ предусматривает несколько видов стимулов, которые можно разделить на поощрения, применяемые в результате положительных действий лица, а также на льготы [10, с. 243], получаемые в связи с отнесением индивида к определенной группе.

Основной статьей, закрепляющей право предоставления прямых налоговых льгот, является ст. 407 НК РФ, которая предусматривает возможность использования блага, выраженной в освобождении от уплаты налога по одному из объектов налогообложения, в результате отнесения лица к отдельной категории граждан. Идентичная по виду применения налоговых льгот является ст. 218 НК РФ, дающая право на получение налогового вычета ввиду соответствия субъекта формальным требованиям. Аналогичной по своему содержанию является ст. 6 Закона Республики Татарстан «О транспортном налоге», предполагающая право на предоставление льготы по транспортному налогу для отдельных категорий граждан². В данной связи весьма интересным представляется содержание ст. 219 и 219.1 НК РФ, в которых усматривается косвенное стимулирование при предоставлении права на налоговый вычет.

Видится, что опосредованность стимулирования обусловлена тем, что субъек-

ты при организации своей деятельности, осуществление которой предусматривает право на налоговое поощрение, не имеют прямой цели в получении налоговых благ. В данной связи уместным будет сопоставление феномена косвенного стимулирования в налоговом праве с налоговыми поощрениями, выраженными в предоставляемых субъекту благах при реализации правомерной, с точки зрения легальности, и полезной, с точки зрения общественного благополучия, деятельности, приносящей пользу в том числе и государству [11, с. 105].

На наш взгляд, предоставление такого поощрения, закрепленного как в федеральных, так и в региональных нормативных актах, в большей степени носит межинституциональный характер в пределах одной отрасли права, что выражается в предоставлении различных налоговых поощрений в результате реализации сходной деятельности. Так, например, осуществление инвестиционных проектов на отдельных территориях Республики Татарстан предполагает освобождение от налога на имущество организации³, от транспортного налога⁴, а также иные меры поддержки, связанной с реализацией инвестиционных проектов. Одним из примеров косвенного стимулирования с целью популяризации направления являются отношения в сфере инновационной деятельности, осуществление которой, согласно ст. 246.1 НК РФ, позволяет получить возможность освобождения от уплаты налогов при получении организацией соответствующего статуса.

Весьма интересным представляется система предоставления косвенных льгот при легализации своей деятельности, в частности, гражданами, применяющими особый налоговый режим для самозанятых. В данном случае стимулирование со стороны государства опирается на побуждение к избеганию применения в отношении субъекта негативных санкций за неправомерное

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. 1 января 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

² О транспортном налоге : закон Республики Татарстан от 29 ноября 2002 г. № 24-ЗРТ (ред. от 28 сентября 2023 г.) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2002. № 11. Ст. 1343.

³ О налоге на имущество организаций : закон Республики Татарстан от 28 ноября 2003 г. № 49-ЗРТ (ред. 11 декабря 2025 г.) // Республика Татарстан. 2010. 9 июля.

⁴ О транспортном налоге : закон Республики Татарстан от 29 ноября 2002 г. № 24-ЗРТ (ред. от 28 сентября 2023 г.) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2002. № 11. Ст. 1343.

осуществление своей деятельности. Применение льготного режима основывается на пониженной налоговой ставке при уплате налога на доходы, что призвано косвенно стимулировать население к использованию особого налогового режима. В данной связи укажем, что косвенному стимулированию также подвергается деятельность индивидуальных предпринимателей, которые имеют возможность выбора системы налогообложения в зависимости от рода своей деятельности.

Отметим, что ввиду межотраслевого характера предоставления налоговых льгот, а также в связи с общим правовым регулированием налоговых отношений, как на федеральном, так и на муниципальном уровнях, использование возможностей налогового права в сфере стимулирования весьма разнообразно. Реализация различного вида стимулов выражается в предоставлении субъектам льгот, а также поощрений. При этом льготы в налоговом праве следует расценивать в качестве общего блага, предоставляемого в результате свершения юридического факта, не зависящего от воли сторон. В свою очередь, поощрение соотносится с активной деятельностью субъекта в определенном направлении, но часто без прямой цели получения налогового блага, что позволяет соотнести поощрение с косвенным побуждением субъекта к той или иной деятельности, однако с правом требования такого вида обещанного поощрения при условии выполнения заявленных требований [12, с. 68].

Для исследования сущности нормативного стимулирования в финансовом праве целесообразно рассмотреть положения Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ)¹, закрепляющего элементы экономической системы как отдельных регионов, так и государства в целом [13, с. 2]. Ст. 131 БК РФ предусмотрено предоставление дотаций местным бюджетам, что предполагает выравнивание экономик регионов, однако в случаях

неисполнения обязательств по кредитным отношениям, возникающим в результате реализации положений ст. 93.3 БК РФ, погашение задолженности осуществляется за счет дотаций. Содержание нормы БК РФ о предоставлении бюджетных кредитов позволяет усмотреть в ней косвенное стимулирование, которое в совокупности со ст. 131 БК РФ побуждает регионы исполнять свои обязательства в полной мере, во избежание снижения дотационных сумм, необходимых для развития. Аналогичное положение, заключающее в себе элементы косвенного стимулирования должного поведения субъектов финансовых правоотношений, содержится в ст. 93.4 БК РФ, также указывающей на негативные санкции в случае неисполнения возложенных на регион обязательств.

Примером косвенного стимулирования с ограничением в виде порядка использования блага может служить ст. 133 БК РФ о предоставлении субвенций субъектам Российской Федерации из федерального бюджета, а также ст. 140 БК РФ о перечислении субвенций местным бюджетам из бюджета субъекта Российской Федерации. Устанавливается, что для реализации определенных программ субъекту Российской Федерации могут быть предоставлены трансферты. При этом безвозмездность такого перечисления возможна только в случае целевого использования субвенций, в противном случае они должны быть возвращены. Более того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 г. № 275 «Об утверждении Правил формирования и предоставления из федерального бюджета единой субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации»² устанавливалась возможность снятия с должности ответственного за реализацию программы лица в результате его неэффективной работы по осуществлению деятельности, на которую были выделены субвенции, или в случаях выявления нецелевого использования предоставляе-

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28 ноября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

² Об утверждении Правил формирования и предоставления из федерального бюджета единой субвенции бюджетам субъектов Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2013 г. № 275 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 13. Ст. 1576.

мых средств. Укажем также, что идентичные по смысловой нагрузке положения о предоставлении субвенций закрепились и в ст. 63–65 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. Так, в норме о предоставлении стимулирующих мер поддержки для субъектов [14, с. 62] усматривается параллельное ограничение по способу, виду, а также срокам реализации определенной деятельности.

В заключение необходимо отметить, что вопросы закрепления в нормах финансового стимулирования весьма разнообразны ввиду обширного нормативного регулирования

данной области. При этом весьма показательными для изучения феномена финансового стимулирования являются НК РФ и БК РФ, где первый определяет круг финансовых стимулов, в большей мере в отношении хозяйствующих субъектов и населения, а второй предусматривает особенности экономических отношений субъектов Российской Федерации и федерального центра. Видится, что законодательное регулирование финансового побуждения субъектов к реализации определенной деятельности выражается в косвенном стимулировании, что, в свою очередь, наиболее ярко характеризует способ управления финансовыми отношениями в государстве.

Список литературы

1. Бубенчиков А. Д. Финансово-правовые стимулы развития инвестиционной деятельности из бюджетных правоотношений (на примере регионального законодательства) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 139–143.
2. Нуриахметова В. Ф. Правовое регулирование налогового стимулирования и его роль в экономическом развитии страны // Мир экономики и права. 2009. № 1. С. 4–6.
3. Нигметзянов А. А. Государственное финансовое стимулирование: понятие и сущность // Финансовое право. 2024. № 3. С. 2–5.
4. Девярых Н. В. Финансово-правовой стимул: понятие, виды // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 1. С. 168–169.
5. Нигметзянов А. А. Принципы государственного финансового стимулирования // Финансовое право. 2024. № 6. С. 2–5.
6. Химичева Н. И. Принцип экономического стимулирования как инструмент современной финансово-правовой политики в России // Реализация финансовой, банковской и таможенной политики: современные проблемы экономики и права : сборник научных статей по итогам межвузовской научно-практической конференции (Саратов, 18 апреля 2008 г.). Саратов, 2008. С. 130–133.
7. Малый А. Ф., Нигметзянов А. А. Мотивирование в системе регулирующего влияния права на общественные отношения // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 1. С. 158–168.
8. Абдреев Т. И., Нигметзянов А. А. К вопросу о налогово-правовом стимулировании в Российской Федерации // Налоги. 2024. № 4. С. 18–21.
9. Малый А. Ф., Цвиль В. С. Права и свободы человека и гражданина: проблемы вертикального разграничения законодательной компетенции : монография. Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2011. 278 с.
10. Беликов Е. Г. Сочетание стимулирования и ограничения в финансовом праве социального государства // Вестник СГЮА. 2016. № 2 (109). С. 241–245.
11. Нигметзянов А. А., Султанов Е. Б., Никитенко И. Г. К вопросу о поощрительной правовой политике государства // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 105–107.
12. Нигметзянов А. А. О понятии права на государственную награду // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 2 (43). С. 68–72.
13. Нигметзянов А. А. Бюджетно-правовое стимулирование: проблемы правового регулирования // Финансовое право. 2025. № 11. С. 2–4.
14. Шайхуллин М. С. Правовое регулирование института поощрений муниципальных образований // Образование и право. 2022. № 10. С. 61–66.

References

1. Bubenshchikov A. D. Financial and legal incentives for the development of investment activities from budgetary

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 20 марта 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

1. legal relations (on the example of regional legislation) // Bulletin of Tomsk State University. 2007. № 303. P. 139-143.
2. Nuriakhmetova V. F. Legal regulation of tax incentives and its role in the economic development of the country // World of Economics and Law. 2009. № 1. P. 4-6.
3. Nigmatzyanov A. A. State financial incentives: concept and essence // Financial law. 2024. № 3. P. 2-5.
4. Devyatykh N. V. Financial and legal incentive: concept, types // Problems of economics and legal practice. 2010. № 1. P. 168-169.
5. Nigmatzyanov A. A. Principles of state financial incentives // Financial law. 2024. № 6. P. 2-5.
6. Khimicheva N. I. The principle of economic stimulation as an instrument of modern financial and legal policy in Russia // Implementation of financial, banking and customs policy: modern problems of economics and law: a collection of scientific articles based on the results of an interuniversity scientific and practical conference (Saratov, April 18, 2008). Saratov, 2008. P. 130-133.
7. Malyi A. F., Nigmatzyanov A. A. Motivation in the system of regulatory influence of law on public relations // Academic notes of Kazan University. Series: Humanities. 2025. T. 167. № 1. P. 158-168.
8. Abdreev T. I., Nigmatzyanov A. A. On the issue of tax and legal incentives in the Russian Federation // Taxes. 2024. № 4. P. 18-21.
9. Malyi A. F., Zvil V. S. Human and civil rights and freedoms: problems of vertical delimitation of legislative competence: monograph. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University, 2011. 278 p.
10. Belikov E. G. Combination of incentives and restrictions in the financial law of the social state // Bulletin of SSLA. 2016. № 2 (109). P. 241-245.
11. Nigmatzyanov A. A., Sultanov E. B., Nikitenko I. G. On the issue of incentive legal policy of the state // Eurasian Legal Journal. 2018. № 10 (125). P. 105-107.
12. Nigmatzyanov A. A. On the concept of the right to a state award // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2018. № 2 (43). P. 68-72.
13. Nigmatzyanov A. A. Fiscal and legal incentives: problems of legal regulation // Financial law. 2025. № 11. P. 2-4.
14. Shaikhullin M. S. Legal regulation of the institution of incentives of municipalities // Education and law. 2022. № 10. P. 61-66.

Информация об авторе (авторах): Валишина Диана Ильдусовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1).

Information about the author(s): Valishina Diana Ildusovna, Kazan (Volga) Federal University (420008, Russia, Kazan, Kremlin Street, 18, Building 1).

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 02.02.2026; approved after 18.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Научная статья
УДК 346.7
DOI: 10.70569/2949-5725.2026.10.1.009

Особенности налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства

С.Р. Тухбатшина

Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
sabina.tukhbatshina.03@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правового статуса и системы налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в России. Критерии МСП устанавливаются по структуре капитала, среднесписочной численности работников и размеру дохода. Центральное внимание уделяется особенностям налогообложения данной категории бизнеса, в частности функционированию специальных налоговых режимов (УСН, ПСН, ЕСХН, НПД), которые призваны снизить фискальную нагрузку, упростить учет, что простимулирует развитие малого и среднего предпринимательства. В работе также исследуются грядущие изменения в рамках реформы 2026 года, ключевым элементом которой станет повышение ставки НДС до 22% и значительное снижение порога для его уплаты, что впервые затронет широкий круг малых предприятий. Исследованы функции налогообложения – фискальная, регулирующая, социальная и контрольная. Также рассмотрены вопросы установления льготного налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства в аспекте возникновения проблем, обусловленных вызовами современности. Анализируются вопросы поиска баланса между интересами субъектов предпринимательской деятельности и условиями налогообложения при использовании специальных режимов. Выявлены риски ведения предпринимательской деятельности при обязательных условиях налогообложения. Специально выделены и рассмотрены вопросы долгосрочного планирования при ведении такой деятельности, современные тенденции и перспективы развития налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях цифровизации налогового администрирования. Особенности налогообложения субъектов предпринимательской деятельности рассмотрены также в аспекте внедрения онлайн-касс, электронного документооборота и автоматической проверки деклараций. Отдельное внимание уделено вопросам взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков в плане реализации принципа дистанционного (бесконтактного) администрирования, реализуемого посредством внедрения и активного использования цифровых технологий. В заключении исследования формулируются новые выводы, имеющие значение для познания социальных и правовых явления, а также для правоприменительной практики по делам, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: налогообложение, специальные налоговые режимы, реформа 2026, налог на добавленную стоимость, цифровизация.

Для цитирования: Тухбатшина С.Р. Особенности налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 63–68.

Original article

Features of taxation of small and medium-sized businesses

S.R. Tukhbatshina

Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation
sabina.tukhbatshina.03@mail.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal status and taxation system of small and medium-sized businesses (SMEs) in Russia. SMEs are defined as commercial organizations and sole proprietors that meet established criteria for capital structure, average headcount, and income. The focus is on the taxation specifics of this business category, particularly the implementation of special tax regimes (simplified tax system, patent tax system, agricultural tax, and professional income tax) designed to reduce the tax burden and simplify accounting. The paper also examines upcoming changes as part of the 2026 reform, a key element of which will be an increase in the VAT rate to 22% and a significant reduction in the threshold for its payment, which will affect a wide range of small businesses for the first time. Tax functions are investigated - fiscal, regulatory, social

and control. The issues of establishing preferential taxation of small and medium-sized businesses in terms of the emergence of problems caused by the challenges of our time are also considered. The issues of finding a balance between the interests of business entities and taxation conditions when using special regimes are analyzed. The risks of doing business under mandatory tax conditions have been identified. The issues of long-term planning in the conduct of such activities, modern trends and prospects for the development of taxation of small and medium-sized businesses in the context of digitalization of tax administration were specially highlighted and considered. The peculiarities of taxation of business entities are also considered in the aspect of introducing online cash registers, electronic document management and automatic verification of declarations. Special attention is paid to the issues of interaction between tax authorities and taxpayers in terms of implementing the principle of remote (contactless) administration, implemented through the introduction and active use of digital technologies. The study concludes with new conclusions that are important for knowledge of social and legal phenomena, as well as for law enforcement practice in cases related to entrepreneurial activity in the Russian Federation.

Keywords: taxation, special tax regimes, 2026 reform, value added tax, digitalization.

For citation: Tukhbatshina S.R. Features of Taxation of Small and Medium-Sized Businesses // Law and statehood. 2026. №. 1 (10). P. 63–68.

Субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) – это организации и индивидуальные предприниматели, соответствующие критериям, установленным Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»¹. Данная форма ведения бизнеса выделяется в отдельную категорию с целью защиты и стимулирования малого предпринимательства, что в свою очередь необходимо для устойчивого развития экономики и социальной стабильности в масштабах страны. В свою очередь вопросы правового стимулирования часто становились предметом исследования: в административном, финансовом и налоговом праве [2; 3; 4]. Однако, имеется необходимость рассмотреть непосредственные вопросы особенностей налогообложения субъектов МСП ввиду актуальности и грядущих изменений в рамках реформы 2026 года.

Для отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства необходимо выполнение ряда условий. Во-первых, для хозяйственных обществ, товариществ и партнерств должно быть соблюдено хотя бы одно из установленных требований. К ним относится ограничение доли участия публичных образований, общественных и религиозных организаций, благотворительных фондов в уставном капитале до 25%, а совокупная доля иностранных юридических лиц и организаций, не относящихся к МСП, не должна превышать 49%.

Данное ограничение не распространяется на иностранные компании, чей доход и численность работников не превышают установленных для средних предприятий значений, за исключением компаний из офшорных зон. Также ограничение не действует на общества, соответствующие другим специальным критериям.

К таким специальным критериям, альтернативным ограничению по структуре капитала, относятся отнесение акций акционерного общества к высокотехнологичному сектору экономики, деятельность по практическому внедрению результатов интеллектуальной деятельности, принадлежащих научным и образовательным учреждениям, статус участника проекта «Сколково», а также наличие в составе учредителей юридических лиц из специального перечня государственных институтов развития. Отдельно выделяются общества с ограниченной ответственностью, все участники которых являются общероссийскими объединениями инвалидов, при условии, что доля инвалидов в среднесписочной численности составляет не менее 50%, а их доля в фонде оплаты труда – не менее 25%.

Вторым условием является соблюдение предельной среднесписочной численности работников. Для малых предприятий, включая микропредприятия, этот лимит составляет до 100 и до 15 человек соответственно. Для средних предприятий стандартный лимит установлен в диапазоне от 101 до 250 человек, однако Правительство

¹ Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

РФ может повышать этот порог для компаний в легкой промышленности. Кроме того, для предприятий общественного питания предельное значение численности установлено в размере 1500 человек, при условии, что этот вид деятельности является для них основным.

Третье условие касается предельного размера дохода, полученного от предпринимательской деятельности за предшествующий год, и не должен превышать значения, установленные Правительством РФ для каждой категории МСП.

Зарубежные страны выделяют малый бизнес как особый субъект экономики [7, с. 68]. Довольно успешное функционирование предприятий малого бизнеса за рубежом связано в основном с эффективной поощрительной государственной политикой [4, с. 105]. При этом страны имеют свои особенности, связанные с экономическими, политическими и социальными условиями [3, с. 1012].

Малый и средний бизнес обладает неоспоримыми достоинствами в сравнении с крупным бизнесом, способствуя созданию новых рабочих мест и повышению занятости населения [2, с. 52; 9, с. 571].

Категория субъекта МСП определяется по наибольшему значению из условий по численности и доходу. Вновь созданные юридические лица и вновь зарегистрированные индивидуальные предприниматели, а также ИП, применяющие только патентную систему налогообложения, изначально относятся к микропредприятиям. Категория может быть изменена, если предельные значения не соблюдались или, наоборот, соблюдались в течение трех последовательных календарных лет. Для вновь созданных компаний и ИП категория сохраняется или меняется после их исключения из реестра МСП в статусе вновь созданных. При обращении за государственной поддержкой такие субъекты обязаны самостоятельно подтверждать соответствие критериям МСП по установленной форме.

Правовое регулирование налогообложения МСП основывается на нескольких

ключевых актах. Основным законом, определяющим статус таких субъектов, является Федеральный закон № 209-ФЗ с последними изменениями. Применение специальных налоговых режимов регулируется Налоговым кодексом РФ, а именно главами, посвященными упрощенной системе налогообложения (далее - УСН), патентной системе (далее - ПСН), налогу на профессиональный доход (далее - НПД) для самозанятых и единому сельскохозяйственному налогу (далее - ЕСХН). Также важную роль играет Закон о налоговых каникулах (ФЗ № 477¹, еще не вступил в силу), предоставляющий право на нулевую ставку по УСН и ПСН для вновь зарегистрированных ИП в производственной, социальной и научной сферах.

Налогообложение субъектов МСП выполняет несколько функций. Фискальная функция направлена на формирование доходов бюджета. Регулирующая функция проявляется в стимулировании развития бизнеса через льготные режимы. Социальная функция способствует обеспечению занятости и поддержке социально значимых отраслей. Контрольная функция связана с легализацией предпринимательской деятельности и выводом её из теневого сектора.

Особенности налогообложения МСП в России во многом обусловлены наличием специальных налоговых режимов, призванных снизить нагрузку и упростить учёт. Наиболее популярным является упрощенная система налогообложения со ставкой 6% на доходы или 15% на разницу между доходами и расходами, с лимитом доходов 200 млн руб. в год и численностью сотрудников до 130 человек. Патентная система со ставкой 6% от потенциального дохода доступна только индивидуальным предпринимателям при доходе до 60 млн руб. и численности до 15 человек и предусматривает право на налоговые каникулы.

Для поддержки МСП также предусмотрены налоговые льготы и каникулы. Вновь зарегистрированные ИП в приоритетных отраслях, таких как производство, социальные услуги и наука, могут применять нулевую ставку по УСН и ПСН на срок

¹ Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 477-ФЗ «О гарантировании прав по договорам страхования жизни» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53. Ст. 8487.

до двух лет. С 2023 года для субъектов МСП действуют пониженные тарифы страховых взносов – до 15% вместо стандартных 30%. Кроме того, применение УСН и ПСН освобождает от уплаты НДС, за исключением случаев импорта.

Несмотря на льготы, налогообложение МСП сталкивается с рядом проблем. Многие предприниматели считают налоговую нагрузку высокой даже при использовании специальных режимов. Существуют сложности при переходе между режимами из-за жёстких ограничений по доходам и численности сотрудников. Распространённой практикой стало искусственное дробление бизнеса для сохранения статуса МСП, что вызывает претензии со стороны налоговых органов. Кроме того, частая смена законодательства и лимитов создаёт нестабильность и усложняет долгосрочное планирование.

Современные тенденции и перспективы развития налогообложения МСП связаны с цифровизацией налогового администрирования, включая внедрение онлайн-касс, электронного документооборота и автоматической проверки деклараций. В настоящее время взаимодействие налоговых органов и налогоплательщиков основывается на принципе дистанционного (бесконтактного) администрирования, реализуемого посредством внедрения и активного использования цифровых технологий [8, с. 481]. Благодаря приложению «Мой налог», который предназначен для плательщиков налога на профессиональный доход за три года количество самозанятых в России выросло в 2,5 раза - с 5,82 млн человек по данным на 30 сентября 2022 года до 14,63 млн человек на 30 сентября 2025 года¹. Эксперимент по налогу на профессиональный доход продлён до 2029 года, и возможно его расширение на новые категории плательщиков. Наблюдается движение к более гибкому регулированию стоимости патента на региональном уровне с учётом местных условий. Также государство стимулирует экспорт и инновации через предоставление дополнительных налоговых льгот для технологического и социального предпринимательства.

На основе анализа предоставленных статей, ключевые изменения в налогообложении для малого и среднего бизнеса, запланированные с 2026 года, носят комплексный характер и направлены на увеличение фискальных поступлений. Для предпринимателей это означает рост финансовой нагрузки и необходимость фундаментального пересмотра своих бизнес-моделей и финансового планирования.

Центральным элементом реформы становится налог на добавленную стоимость (далее – НДС). Планируется повышение базовой ставки с 20% до 22%, а также поэтапное снижение порога выручки, при котором компания обязана стать его плательщиком. Если ранее освобождение действовало до 60 млн рублей, то теперь порог будет снижен до 20 млн рублей и менее. На практике это означает, что значительная часть малого бизнеса, прежде работавшая без НДС, впервые столкнется с необходимостью его администрирования. Это повлечет за собой рост конечных цен на 2,5–3%, усложнение документооборота и отчетности, а также потребует пересмотра всех договоров с контрагентами.

Параллельно меняются условия применения УСН. Формально лимиты по выручке и численности сотрудников расширяются, однако ключевое изменение заключается в разрыве привычной связки «УСН = без НДС». Теперь бизнес может оставаться на «упрощенке», но при этом быть обязанным платить НДС, что создает гибридную и методически сложную модель налогообложения, к которой многие предприниматели не готовы. Дополнительный удар по издержкам нанесет отмена льготных тарифов страховых взносов для большинства МСП и их повышение до 15–30%. Это значительно увеличит нагрузку на фонд оплаты труда, особенно в трудоемких и сервисных отраслях. Для смягчения последствий государство вводит переходный период: показатели 2025 года не будут учитываться при определении права на льготы в 2026 году, что дает бизнесу дополнительное время на адаптацию.

Последствия реформы будут ощущать-

¹ В России ожидают рост количества самозанятых в 2026. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/11/19/27210794.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 22.01.2026).

ся по-разному в зависимости от отрасли. Наиболее уязвимыми окажутся ритейл и электронная коммерция, где даже небольшие онлайн-магазины с оборотом от 15–20 млн рублей рискуют стать плательщиками НДС, что ударит по их марже и потребует тотального контроля за цепочкой поставщиков для получения вычетов. Сектора общественного питания, бытовых и креативных услуг столкнутся с двойным ударом: рост НДС для клиентов и увеличение расходов на зарплату, что в условиях эластичного спроса поставит предпринимателей перед выбором между снижением рентабельности и потерей клиентов. Вопреки ожиданиям, в ИТ и консалтинге реформа может ускорить не дробление, а укрупнение бизнеса, так как крупные компании начнут закрывать неэффективные «дочки», а небольшие подрядчики могут потерять заказы. В то же время производственные и обрабатывающие предприятия имеют шанс частично нивелировать последствия за счет вычетов по НДС на сырье и оборудование, но лишь при условии безупречного документооборота и работы с надежными контрагентами.

В ответ на эти вызовы малый и средний бизнес формирует новые стратегии выживания, делая ставку не на агрессивный рост, а на устойчивость и операционную эффективность. Главным трендом 2026 года становится массовая цифровизация и авто-

матизация рутины с помощью облачных сервисов и ИИ для аналитики, что позволяет сокращать издержки и компенсировать рост налоговой нагрузки. На смену стратегии масштабирования приходит концепция «тихого бизнеса» – сознательный отказ от рискованного расширения, кредитов на развитие и непроверенных проектов в пользу узкой ниши, лояльных клиентов и стабильно высокой маржи. Маркетинговая парадигма также смещается: дороговизна рекламы заставляет фокусироваться на удержании существующих клиентов через безупречный сервис, личный контакт и развитие сильного личного бренда основателя. При этом предприниматели демонстрируют скепсис к дорогостоящим новым трендам, возвращаясь к проверенным и надежным механикам, таким как классическое SEO, сарафанное радио и прямая коммуникация.

В заключение, налоговая реформа 2026 года существенно ужесточает условия для МСП, делая НДС реальностью для малого бизнеса и повышая общую финансовую нагрузку. Хотя государство вводит переходный период для смягчения адаптации, ключевой стратегией выживания для компаний становится не столько налоговая оптимизация, сколько глубокая операционная эффективность, повсеместная цифровизация и стратегический фокус на устойчивости, а не на росте любой ценой.

Список литературы

1. Абдреев, Т. И. К вопросу о налогово-правовом стимулировании в Российской Федерации / Т. И. Абдреев, А. А. Нигметзянов // *Налоги*. 2024. № 4. С. 18-21.
2. Ветлугина М. А. Особенности налогообложения предприятий малого бизнеса / М.А. Ветлугина // *Молодежь и наука*. 2019. № 1. С. 52.
3. Махдиева Ю. М. Налогообложение субъектов малого и среднего предпринимательства в России: проблемы и перспективы развития / Ю. М. Махдиева // *Индустриальная экономика*. 2021. Т. 11. №. 5. С. 1011-1016.
4. Нигметзянов, А. А. К вопросу о поощрительной правовой политике государства / А. А. Нигметзянов, Е. Б. Султанов, И. Г. Никитенко // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 10 (125). С. 105-107.
5. Нигметзянов, А. А. Принципы государственного финансового стимулирования / А. А. Нигметзянов // *Финансовое право*. 2024. № 6. С. 2-5.
6. Нигметзянов, А. А. Стимулирующие нормы в административном праве / А. А. Нигметзянов // *Право и государственность*. 2024. № 2(3). С. 44-48.
7. Никитюк В. С. Мировой опыт налогообложения предприятий малого бизнеса и пути его применения в России / В. С. Никитюк, Л. Р. Халикова // *Вектор экономики*. 2019. № 5 (35). С. 68-78.
8. Файзрахманова Л. М. Налогообложение в условиях цифровой реальности // В сборнике: *Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции*. В 6-ти томах. Под редакцией И. Р. Бегишева [и др.]. Казань, 2022. С. 479-483.
9. Improving The Process Of Human Capital Formation In The Regions Of Russia / A. Zakirova, G. Klychova,

O. Ugurchiev [et al.] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences : Proceedings of the Conference on Land Economy and Rural Studies Essentials (LEASECON 2021), Omsk, 10–11 мая 2021 года. Vol. 124. Omsk: European Publisher, 2022. P. 571-587.

References

1. Abdreev, T. I. On the Issue of Tax and Legal Incentives in the Russian Federation / T. I. Abdreev, A. A. Nigmatzyanov // Taxes. - 2024. - №. 4. - P. 18-21.
2. Vetlugina, M. A. Features of Taxation of Small Businesses / M. A. Vetlugina // Youth and Science. 2019. №. 1. P. 52.
3. Makhdieva, Yu. M. Taxation of Small and Medium-Sized Businesses in Russia: Problems and Development Prospects / Yu. M. Makhdieva // Industrial Economy. 2021. Vol. 11. №. 5. P. 1011-1016.
4. Nigmatzyanov, A. A. On the Issue of Incentive Legal Policy of the State / A. A. Nigmatzyanov, E. B. Sultanov, I. G. Nikitenko // Eurasian Law Journal. - 2018. - №. 10 (125). - P. 105-107.
5. Nigmatzyanov, A. A. Principles of State Financial Incentives / A. A. Nigmatzyanov // Financial Law. - 2024. - №. 6. - P. 2-5.
6. Nigmatzyanov, A. A. Incentive Norms in Administrative Law / A. A. Nigmatzyanov // Law and statehood. - 2024. - №. 2 (3). - P. 44-48.
7. Nikityuk V. S. Global Experience in Taxing Small Businesses and Ways of Its Application in Russia / V. S. Nikityuk, L. R. Khalikova // Vector of Economy. 2019. № 5 (35). P. 68-78.
8. Fayzrakhmanova L. M. Taxation in the Digital Reality // In the collection: Digital Technologies and Law. Collection of scientific papers of the 1st International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes. Edited by I. R. Begishev [et al.]. - Kazan, 2022. - P. 479-483.
9. Improving The Process Of Human Capital Formation In The Regions Of Russia / A. Zakirova, G. Klychova, O. Ugurchiev [et al.] // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences: Proceedings of the Conference on Land Economy and Rural Studies Essentials (LEASECON 2021), Omsk, May 10–11, 2021. Vol. 124. – Omsk: European Publisher, 2022. – P. 571-587.

Информация об авторе (авторах): Тухбатшина Сабина Рафисовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, (420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18).

Information about the author: Tukhbatshina Sabina Rafisovna, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya Street, Kazan, 420008, Russia).

Статья поступила в редакцию 06.02.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 06.02.2026; approved after 04.03.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Алиментные обязательства: основные виды и их особенности

Н.В. Григорьева¹

Донецкий государственный университет,

Донецк, Российская Федерация

n.v.grigoreva01@mail.ru

Аннотация. Алиментные обязательства представляют собой сложный правовой механизм, требующий глубокого понимания законодательных норм и тщательного рассмотрения всех нюансов. Настоящее исследование посвящено анализу прав и обязанностей сторон в рамках определенной категории субъектов алиментных отношений. Особое внимание уделяется различиям между видами алиментных обязательств. В ходе проведенного анализа автор приходит к выводу, что каждая группа алиментных обязательств имеет свои юридические особенности, отличающиеся как по условиям возникновения обязательств, так и по способам их исполнения. Кроме того, несмотря на то, что законодательство в достаточной мере регламентирует вопросы, связанные с выплатами на содержание, на практике все же возникают сложности по каждому виду алиментных обязательств. Рассмотрены наиболее распространенные и социально значимые виды алиментных правоотношений. Проанализированы отдельные аспекты алиментных обязательств, возникающих между родителями и их детьми. Подвергнуты анализу положения Семейного кодекса Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы обязанностей родителей материально обеспечивать несовершеннолетних детей. Исследованы правовые режимы обеспечения родительских обязательств. В рамках исследования проанализированы положения актов толкования права в части исполнения родителями своих обязательств, уплаты средств на содержание детей. Для решения обозначенных проблем предлагается совершенствование действующего законодательства, регулирующего алиментные выплаты.

Ключевые слова: алиментные обязательства, плательщик алиментов, получатель алиментов, виды алиментных обязательств, размер алиментных выплат, взыскание алиментов.

Для цитирования: Григорьева Н.В. Алиментные обязательства: основные виды и их особенности // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 69–74.

Original article

Alimony obligations: the main types and their features

N.V. Grigoreva

Donetsk State University,

Donetsk, Russian Federation

n.v.grigoreva01@mail.ru

Abstract. Child support obligations are a complex legal mechanism that requires a deep understanding of legislative norms and careful consideration of all nuances. This study analyzes the rights and obligations of parties within a certain category of subjects of alimony relations. Particular attention is paid to the differences between the types of alimony obligations. In the course of the analysis, the author concludes that each group of alimony obligations has its own legal characteristics, differing both in the conditions for the occurrence of obligations and in the methods of their fulfillment. In addition, despite the fact that the legislation sufficiently regulates issues related to maintenance payments, in practice there are still difficulties for each type of alimony obligations. The most common and socially significant types of alimony legal relations are considered. Analyzed individual aspects of alimony obligations arising between parents and their children. Analyzed the provisions of the Family Code of the Russian Federation, other regulatory legal acts regulating issues of parents' obligations to provide financially for minor children. The legal regimes for ensuring parental obligations have been investigated. As part of the study, the provisions of acts of interpretation of law in terms of the fulfillment by parents of their obligations, payment of funds for the

¹ Научный руководитель – Л.Ю. Одегова, заведующая кафедрой конституционного и международного права Донецкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

maintenance of children were analyzed. To solve these problems, it is proposed to improve the current legislation regulating alimony payments.

Keywords: alimony obligations, alimony payer, alimony recipient, types of alimony obligations, amount of alimony payments, alimony recovery.

For citation: Grigoreva N.V. Alimony obligations: the main types and their features // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 69–74.

Алиментные обязательства – важная часть семейного права, направленная на поддержку нуждающихся членов семьи. Современное законодательство, регулирующее алиментные правоотношения, стремится сбалансировать интересы обеих сторон, гарантируя право на материальную поддержку нуждающимся членам семьи и учитывая финансовые возможности плательщика алиментов. Правовые нормы строго регулируют установление, исполнение и прекращение алиментных обязательств, ими определен круг лиц, имеющих право на алименты и обязанных их выплачивать. Несмотря на это, реализация правовых норм, касающихся алиментных выплат, сопряжена с трудностями, затрагивающими все виды алиментных обязательств. Поэтому исследование правового регулирования каждого вида алиментных обязательств является актуальным для выявления проблем и разработки эффективных механизмов их разрешения.

В соответствии с нормами семейного законодательства выплата алиментов подразумевает оказание безвозмездной материальной помощи членам семьи, нуждающимся в финансовой поддержке. Алиментные обязательства, как одна из форм правовых отношений, имеют свою структуру, состоящую из характерных для всех правоотношений компонентов: объект, субъект и содержание самого обязательства.

Обозначенная структура алиментных обязательств не оспаривается в современной юридической литературе, существуют лишь различные мнения ученых относительно содержания каждого из элементов. Так, среди специалистов отсутствует согласие по вопросу о том, что именно считается объектом алиментных обязательств. Это обусловлено тем, что, как отмеча-

ет Я.Л. Шабалина, в юридической науке в целом не существует единого взгляда на объект обязательств: одни исследователи включают в эту категорию только вещи, в то время как другие рассматривают определенные действия или воздержания от них [1, с. 60]. В частности, М.П. Деркач высказывает мнение о том, что объект алиментных обязательств – это содержание, выраженное либо в денежном эквиваленте, либо в натуральной форме [2, с. 220]. Иную точку зрения высказывают Е.А. Паршина и И.А. Начетова. Они считают, что объектом алиментного обязательства выступают действия алиментнообязанного лица по передаче имущественного содержания алиментополучателю [3, с. 153].

Учитывая, что объектом любого обязательства является то, в связи с чем оно появляется, и, как указано в ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), обязательство возникает касательно действий должника, среди которых передача имущества (включая вещи, права и прочее), выполнение определенных работ, осуществление денежных выплат, предоставление различного рода услуг и так далее, есть основание полагать, что объектом алиментного обязательства являются действия плательщика алиментов, заключающиеся в передаче имущественных средств получателю алиментов в соответствии с соглашением, заключенным между ними или по решению суда¹.

Субъектами алиментного обязательства выступают плательщик алиментов, то есть лицо, обязанное их уплачивать, и получатель алиментов, имеющий право требовать их от плательщика. Следовательно, в алиментном обязательстве право одной стороны корреспондируется с обязанностью другой. Плательщиком алиментов может быть совершеннолетнее физическое лицо, одна-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 августа 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

ко имеются исключения: алименты могут быть оформлены на эмансипированных лиц или несовершеннолетних, вступивших в брак. Получателем алиментов может быть физическое лицо, состоящее в родственной или иной правовой связи с плательщиком и имеющее законные основания для получения средств на содержание в соответствии с законодательством Российской Федерации. Получателем алиментов может быть как совершеннолетний, так и несовершеннолетний гражданин.

В отношении содержания обязательства по алиментам современные ученые-правоведы придерживаются единого мнения и полагают, что содержание алиментного обязательства включает в себя обязанность плательщика алиментов производить выплаты и право получателя алиментов на их получение [4, с. 93]. В зависимости от субъектного состава алиментных правоотношений, действующий Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) выделяет несколько видов алиментных обязательств.

Наиболее распространенным и социально значимым видом алиментных правоотношений выступают алиментные обязательства между родителями и их детьми. СК РФ определяет, что родители обязаны материально обеспечивать несовершеннолетних детей. Способ и порядок обеспечения определяются родителями. При неисполнении родителями своих обязательств средства на содержание детей взыскиваются в судебном порядке.

Размер алиментов на несовершеннолетних детей устанавливается в долях от заработка родителя, в фиксированной сумме или посредством комбинации этих двух вариантов¹. Указанный факт является отличительной чертой данного вида и демонстрирует, что законодатель придает большое значение алиментным обязательствам родителей по отношению к несовершеннолетним детям. Более того, важным моментом является то, что требование об удержании алиментных сумм на содержание не достиг-

ших совершеннолетия детей в долевом размере от заработка признается бесспорным, то есть эти дела рассматриваются судьей единолично без проведения полноценного судебного разбирательства, при этом заявителю не требуется доказывать нуждаемость несовершеннолетнего ребенка в финансовой помощи.

Определение алиментов в процентах от зарплаты часто приводит к тому, что сумма оказывается недостаточной для содержания ребенка, даже с учетом государственной материальной поддержки. При нестабильном или низком официальном доходе родителя такой способ взыскания алиментов вообще становится неэффективным или невозможным. В подобных ситуациях ст. 83 СК РФ предусматривает возможность назначения алиментов в фиксированной денежной сумме, минимальный размер которой определяется согласно прожиточному минимуму, установленному в том регионе, где проживает ребенок². Поскольку родители несут равные обязательства по содержанию своего ребенка, твердую денежную сумму назначают в виде фиксированной величины, равной половине прожиточного минимума, которая может быть скорректирована в соответствии с изменениями размера прожиточного минимума.

В Государственной Думе Российской Федерации разработан законопроект, предусматривающий введение минимального порога для алиментных выплат на ребенка, в случае если один из родителей не участвует в его воспитании, на уровне не ниже половины минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ). Изменения предлагается внести в ст. 81 СК РФ. Как уже отмечалось, в текущей практике суды при определении суммы алиментов ориентируются на прожиточный минимум, а законопроект намерен официально зафиксировать, что минимальные алиментные выплаты должны быть не ниже половины МРОТ. Цель государства – гарантировать базовый уровень содержания ребенка вне зависимости

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 // Российская газета. 2017. № 297.

от доходов родителя, обязанного выплачивать алименты¹.

Тем не менее идею о введении минимального размера алиментов поддерживают не все. Критики отмеченного предложения указывают, что между отдельными категориями граждан существуют различия в уровне доходов. В этой связи установленная фиксированная сумма может стать неподъемным бременем для некоторых категорий населения. Поэтому прежде чем законодательно устанавливать минимальный размер алиментов, необходимо тщательно подготовить экономическую и материальную основу. В противном случае это может привести к значительному увеличению числа должников, не способных выполнять свои обязательства в полном объеме. Только при условии, что государство обеспечит достойную оплату труда, можно будет всерьез рассматривать вопрос о введении минимального порога алиментов, иначе данная мера может оказаться контрпродуктивной [5, с. 240].

Также ст. 85 СК РФ предусмотрена обязанность родителей содержать своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи. При отсутствии договоренности по выплате алиментов суд устанавливает размер содержания в твердой денежной сумме, которая выплачивается ежемесячно. При этом учитываются финансовое положение и другие значимые интересы сторон. Наряду с этим в ст. 87 СК РФ устанавливается и обязанность трудоспособных совершеннолетних детей заботиться о своих нетрудоспособных родителях, нуждающихся в помощи. Как видим, алиментные обязанности возникают при соблюдении двух неотделимых друг от друга условий – недееспособности и нуждаемости. При этом ни одно из этих понятий в СК РФ не раскрывается.

Как показывает анализ судебной практики, при рассмотрении вопроса о недееспособности суды опираются на Постановление Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов». В данном документе четко указано, что под нетрудоспособными совершеннолетними лицами, имеющими право на алименты (ст. 85, 89, 90, 93–97 СК РФ) подразумеваются лица, признанные инвалидами I, II или III группы, а также лица, достигшие установленного пенсионного возраста². При этом другие критерии относительно нетрудоспособности совершеннолетних детей не принимаются, в частности, совершеннолетние трудоспособные дети, которые обучаются на очной форме в образовательных учреждениях, даже если обучение платное. Следует подчеркнуть, что наличие инвалидности само по себе не является достаточным основанием для назначения алиментов. Важным юридическим аспектом также является нуждаемость лица в материальной помощи.

Понятие нуждаемости является оценочным и не имеет четкого определения в законодательстве. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» суды должны учитывать материальное положение ребенка, состояние его здоровья, размер получаемой пенсии или пособия, а также возможность получения дополнительной помощи от государства или третьих лиц. Тем не менее данное положение имеет в основном декларативный характер и не предлагает конкретных методик и критериев для оценки, оставляя решение на усмотрение суда. Это создает риски субъективного подхода, что может привести к ошибочному или неправомерному определению алиментных выплат. Более того, это может стать причиной конфликтов между сторонами, усложняя процесс разрешения споров и увеличивая нагрузку на судебную систему.

Второй вид алиментных правоотношений составляют обязательства по содержа-

¹ См.: В Госдуме предложили установить минимальные алименты на уровне половины МРОТ // Агентство социальной информации. 2025. URL: <https://asi.org.ru/news/2025/11/26/v-gosdume-predlozhili-ustanovit-minimalnye-alimenty-na-urovne-poloviny-mrot/> (дата обращения: 18.12.2025).

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 // Российская газета. 2017. № 297.

нию между супругами (в том числе бывшими). Законодательное регулирование этой категории обязательств отражено в главе 14 СК РФ. В частности, ст. 89 СК РФ закрепляет обязанность супругов оказывать взаимную материальную поддержку в период брака. Как правило, супруги не составляют соглашений о финансовой помощи, однако при необходимости они вправе заключить договор об алиментных выплатах, который может быть включен в брачный договор или оформлен как отдельный документ.

Если один из супругов отказывается в материальной поддержке и отсутствует соглашение об алиментах, то у нуждающегося в финансовой помощи супруга, который не имеет возможности самостоятельно себя обеспечивать, возникает право на их взыскание в судебном порядке. Это может быть нетрудоспособный и нуждающийся супруг; супруга во время беременности и на протяжении трех лет после рождения общего ребенка; супруг, ухаживающий за общим ребенком-инвалидом до достижения им совершеннолетия или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы. Важно отметить, что в контексте алиментных обязательств, которые возникли между супругами, критерии нетрудоспособности и нуждаемости интерпретируются аналогично тому, как они толкуются в обязательствах между совершеннолетними детьми и их родителями.

Специалисты в области права указывают на неточность в ст. 89 СК РФ. Проблема состоит в том, что данная статья закона гарантирует исключительно право супруги на получение алиментных выплат на ее содержание в течение трех лет с момента рождения ребенка, что противоречит базовому принципу семейного права – равноправию супругов. В последнее время все чаще встречаются случаи, когда воспитанием ребенка до достижения им трехлетнего возраста занимается отец, в то время как мать не принимает участия в жизни общего ребенка. Из-за этого упущения при рассмотрении дел, связанных с восстановлением нарушенных прав отца, суды вынуждены прибегать к аналогии закона. Таким образом, возникает необходимость в доработке законодательства, чтобы обеспечить

более справедливую защиту прав обоих родителей в ситуациях, когда один из них фактически осуществляет уход за ребенком в раннем возрасте [5, с. 242].

Третьим видом алиментных правоотношений являются алиментные обязательства между другими членами семьи. Согласно семейному и гражданскому законодательству Российской Федерации алиментные обязательства могут возникать не только между родителями и детьми, но и между другими родственниками. СК РФ устанавливает исчерпывающий список иных членов семьи, на которых может быть возложена ответственность по уплате алиментов. Этот перечень не подлежит расширительному толкованию и включает в себя следующие категории: братья и сестры, бабушки и дедушки, внуки, пасынки и падчерицы, а также лица, находящиеся на фактическом воспитании и содержании. Указанным обязательствам посвящена глава 15 СК РФ. Алиментные обязательства вышеупомянутых лиц относятся ко второй очереди, что подразумевает возможность получения алиментов только при отсутствии возможности взыскания их с родителей, детей или супругов.

На основании представленных данных можно сделать вывод, что СК РФ четко определяет круг лиц, на которых распространяются алиментные обязательства: супруги, бывшие супруги, родители, дети, братья, сестры, дедушки, бабушки, внуки, опекуны, подопечные, мачехи, отчимы, пасынки и падчерицы. При этом несмотря на подробную детализацию, семейное законодательство, регулирующее алиментные обязательства первой линии родства (родители, дети, супруги), не лишено недостатков, требующих определенной корректировки. Обязательства второй очереди регулируются менее подробно, так как носят дополнительный характер. Устранение выявленных проблем, по мнению автора, потребует не только совершенствования законодательства, но и усиления взаимодействия между государственными структурами, а также повышения правовой культуры среди населения. Только комплексный подход позволит превратить алиментные обязательства из инструмента

защиты прав в полноценную систему социальной поддержки, обеспечивающую достойное существование для тех, кто в ней нуждается.

Список литературы

1. Шабалина Я. Л. К вопросу об объектах гражданских прав // Молодой ученый. 2022. № 31 (426). С. 59–61.
2. Деркач М. П. Общая характеристика алиментных обязательств // Вестник науки. 2024. № 10 (79). Т. 2. С. 213–222.
3. Паршина Е. А., Начетова И. А. Алиментное обязательство в Российской Федерации: понятие и признаки // Молодой ученый. 2025. № 12 (563). С. 153–154.
4. Петрова Н. Д. Понятие, характеристика и структура алиментных обязательств: сравнительный анализ советского и современного понимания // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 3 (39). С. 89–95.
5. Степанова М. О. Правовое регулирование алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 41 (540) С. 239–244.

References

1. Shabalina Y. L. On the issue of civil rights objects // Young scientist. 2022. № 31 (426). P. 59-61.
2. Derkach M. P. General characteristics of alimony obligations // Bulletin of Science. 2024. № 10 (79). VOL. 2. P. 213-222.
3. Parshina E. A., Nachtetova I. A. Alimony obligation in the Russian Federation: concept and signs // Young scientist. 2025. № 12 (563). P. 153-154.
4. Petrova N. D. Concept, characteristics and structure of alimony obligations: a comparative analysis of Soviet and modern understanding // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2020. № 3 (39). P. 89-95.
5. Stepanova M. O. Legal regulation of alimony obligations in the family law of the Russian Federation // Young scientist. 2024. № 41 (540) P. 239-244.

Информация об авторе (авторах): Григорьева Наталья Виталиевна, Донецкий государственный университет (283001, Россия, Донецк, ул. Университетская, 24).

Information about the author(s): Grigoreva Natalia Vitalievna, Donetsk State University (283001, Russia, Donetsk, Universitetskaya Street, 24).

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 12.01.2026; approved after 22.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

О некоторых аспектах противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних

М.С. Шайхуллин

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

selir07@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов, концептуальных положений документов стратегического планирования, научных позиций по вопросам уголовной, административной и иной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции рассматриваются актуальные вопросы, связанные с осуществлением государственным мер по противодействию распространению в среде несовершеннолетних алкогольной и спиртосодержащей продукции. Представлена авторская позиция о проблемах в данной области общественных отношений. Проанализированы государственные меры по противодействию распространению алкогольной продукции среди несовершеннолетних. Рассмотрены нормы административного и уголовного законодательства, регулирующие вопросы ответственности за осуществление розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. Анализируются вопросы, относящиеся к сфере разработки государственных программ по противодействию распространению алкогольной продукции среди несовершеннолетних. Рассматриваются проблемные вопросы осуществления межведомственного системного подхода при реализации мероприятий по сокращению потребления алкоголя, а также обеспечению приоритета защиты детей от возможных рисков, связанных с потреблением алкогольной и никотинсодержащей продукции. Подвергаются осмыслению практико-ориентированные мероприятия по реализации основных средств и условий профилактики и предотвращения продажи, распространения алкогольной продукции в среде несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовное противодействие, распространение алкоголя, несовершеннолетние, интересы несовершеннолетних, продажа алкоголя, правовое регулирование, административная ответственность, уголовная ответственность.

Для цитирования: Шайхуллин М.С. О некоторых аспектах противодействия распространению алкоголя среди несовершеннолетних // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 75–81.

Original article

About some aspects of countering distribution alcohol among minors

M.S. Shaikhullin

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

selir07@mail.ru

Abstract. The article, based on an analysis of regulatory legal acts, conceptual provisions of strategic planning documents, scientific positions on criminal, administrative and other responsibility for the sale of alcoholic beverages to minors, considers topical issues related to the implementation by the state of measures to counter the spread of alcoholic and alcohol-containing products among minors. The author's position on problems in this area of public relations is presented. State measures to counter the spread of alcoholic beverages among minors have been analyzed. The norms of administrative and criminal legislation regulating the issues of responsibility for the retail sale of alcoholic beverages to minors were considered. Issues related to the development of state programs to counter the spread of alcoholic beverages among minors are analyzed. Certain issues of implementing an interdepartmental systematic approach to the implementation of measures to reduce alcohol consumption, as well as ensuring the priority of protecting children from possible risks associated with the consumption of alcohol and nicotine-containing products, are being investigated. The practical-oriented possibilities of implementing the

main measures to implement the concept of preventing the sale and use of prohibited products by minors are being comprehended.

Keywords: criminal opposition, distribution of alcohol, minors, interests of minors, sale of alcohol, legal regulation, administrative liability, criminal liability.

For citation: Shaikhullin M.S. About some aspects of countering distribution alcohol among minors // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 75–81.

Проблематика противодействия распространению алкогольной продукции среди несовершеннолетних продолжает оставаться актуальной как в плане осуществления государственных мер по борьбе с такими явлениями, так и в части проведения научных исследований в данной области общественных отношений.

Необходимо отметить, что лидером среди стран – экспортеров алкоголя в 2022 г. стала Франция, заняв за собой долю в 16,8 % мирового экспорта алкоголя; второй по показателям стала Италия, захватив 9,42 % объема мирового экспорта¹. По экспорту водки (в стоимостном выражении) в 2022 г. Франция (454,4 млн долл.) уступила лишь Швеции (471,9 млн долл.)². Согласно статистическим данным, в 2023 г. тройка стран – лидеров по производству вина выглядит следующим образом: первое место занимает Франция с общим объемом производства в 45,8 тыс. л, затем Италия – 43,9 тыс. л, и Испания – 30,7 тыс. л³. По потреблению алкоголя на душу населения за 2023 г. Франция заняла 9 место с показателем 12,6 л на человека.

В нашей стране регулирование оборота алкогольной продукции не ограничивается рамками применения уголовной и административной ответственности к нарушителям законодательства в этой сфере. Различные меры государственного характера предусмотрены на федеральном и регионально-субъектном уровнях. Государственные меры по борьбе с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции среди несовершеннолетних являются частью системы государственного

правового регулирования вопросов охраны детства и обеспечения безопасности несовершеннолетних от негативных факторов, угрожающих их нравственному, психологическому, физическому и духовному развитию. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁴ закрепляет цели государственной политики, направленной на обеспечение физического и нравственного развития подрастающего поколения. Одной из основных задач государственной и региональной политики в этой сфере является обеспечение всестороннего и комплексного развития детей. Государство с использованием всевозможных мер старается оградить несовершеннолетних от употребления алкогольных напитков.

Вместе с тем негативные факты употребления алкоголя лицами, не достигшими совершеннолетия, вскрываются как уполномоченными органами, так и заинтересованными субъектами, ведущими активную работу по профилактике и предупреждению правонарушений и преступлений в сфере потребительского рынка и охраны прав и свобод несовершеннолетних. Несмотря на это, несовершеннолетние продолжают употреблять алкогольные напитки, что иногда приводит их к совершению противоправных, общественно опасных деяний.

Слабоалкогольные и крепкие спиртные напитки одинаково запрещены к продаже несовершеннолетним на территории всех субъектов Российской Федерации. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании

¹ Wine Producing Countries 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/wine-producing-countries> (дата обращения: 04.01.2026).

² Алкогольные и безалкогольные напитки. URL: https://trendeconomy.ru/data/commodity_h2/22 (дата обращения: 04.01.2026).

³ Уголовный кодекс (в редакции от 2 февраля 2021 г.), Латвия // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20918> (дата обращения: 04.01.2026).

⁴ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»¹ закрепляет ст. 16, которая предусматривает особые требования к розничной продаже алкогольной продукции. В частности, розничная продажа алкогольной продукции запрещена несовершеннолетним. Если у продавца возникают сомнения относительно достижения покупателем возраста совершеннолетия, то продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, позволяющий установить его возраст, а также проверить возраст иным образом. Такое право опирается на универсальный подход в части закрепления правового статуса гражданина, не обладающего полной дееспособностью. В соответствии с положениями Конвенции о правах ребенка², одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. и ратифицированной Российской Федерацией 13 июня 1990 г. (Постановлением Верховного Совета СССР № 1559-1³), ребенком признается любое человеческое существо, до достижения им 18-летнего возраста, если оно не достигает его ранее, в соответствии с условиями эмансипации.

В соответствии со ст. 60 Конституции Российской Федерации гражданин Российской Федерации может в полном объеме осуществлять свои права и обязанности по достижении им 18 лет. Полная дееспособность наступает по достижении совершеннолетнего возраста. При этом в отечественном законодательстве предусмотрена процедура приобретения гражданской дееспособности до достижения 18-летнего возраста. Процедура изменения гражданского правового положения несовершеннолетнего приобрела название «эмансипация» и получила свое законода-

тельное закрепление в ст. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее – ГК РФ). Согласно гражданскому законодательству несовершеннолетний, достигший возраста 16 лет, может приобрести полную дееспособность, в случае если работает по трудовому договору либо с согласия родителей или лиц, их заменяющих, осуществляет предпринимательскую деятельность. Также в соответствии с ч. 2 ст. 21 ГК РФ несовершеннолетний в случае вступления в брак приобретает дееспособность в полном объеме, однако при условии, что каждый из супругов достиг возраста 16 лет и имеются уважительные причины на заключение брака.

Следует отметить, что приобретение дееспособности в полном объеме до достижения возраста совершеннолетия в порядке эмансипации или в случае заключения брака несовершеннолетними не освобождает лицо от ограничений, которые законодательством предусмотрены ввиду возрастных лимитов [1, с. 87]. К таким ограничениям относится и запрет на приобретение алкогольной продукции. Данная позиция государства находит свое отражение в нормативных положениях ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Аналогичный запрет на продажу табачной и никотинсодержащей продукции закреплен в ст. 20 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции»⁵.

¹ О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции : федеральный закон Российской Федерации от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ // Российская газета. № 9. 1999. 19 января.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Ведомости Съезда НД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

³ О ратификации Конвенции о правах ребенка : постановление Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Ведомости Съезда НД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 497.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции : федеральный закон Российской Федерации от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 721.

Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 была утверждена стратегия комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.¹, в которой определены угрозы безопасности детей, а также цели, основные направления, задачи и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности детей. Новая стратегия направлена на поддержание в социальной сфере тенденции к снижению уровня преступности несовершеннолетних, улучшению и развитию системы поддержки семьи, материнства и детства, борьбу с негативными факторами, влияющими на физическое, нравственное, интеллектуальное, психическое и духовное развитие несовершеннолетних, а также обеспечение комплексной безопасности детей.

К числу основных угроз безопасности детей в современных условиях относятся совершение в отношении несовершеннолетних преступлений и вовлечение их в преступную деятельность. За последние 10 лет в общей структуре преступности в России отмечается снижение уровня подростковой преступности в 2,5 раза, а также снижение числа преступных деяний, направленных против детей. Однако несмотря на положительную динамику в сфере противодействия преступности, Президент Российской Федерации акцентирует внимание на том, что необходимо совершенствовать деятельность уполномоченных органов, в целях консолидации усилий по устранению всех негативных факторов, угрожающих безопасности подрастающего поколения. К таким факторам относятся алкогольные отравления, смертность несовершеннолетних, обусловленная состоянием алкогольного опьянения.

По данным судебной статистики, только за 2022 г. было рассмотрено более 16 тыс. дел об административных правонарушениях по ч. 2.1 ст. 14.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² «Розничная продажа

несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния». Применение негативных санкций за совершение розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции коснулось более одиннадцати с половиной нарушителей административного законодательства. При этом к уголовной ответственности было привлечено 584 человека. По некоторым данным, однако требующим проверки, каждый 20-й продавец совершал розничную продажу несовершеннолетним умышленно [2, с. 127]. А.И. Бадретдинов отмечает, что фактов незаконной продажи алкоголя, т. е. без соответствующего права на розничную продажу, значительно больше, чем случаев торговли на легальном рынке продажи алкогольной продукции [3, с. 406]. Между тем, на наш взгляд, основной массив алкогольной продукции, поступающей в руки несовершеннолетних, приходится не на розничную продажу такой продукции, а на действия взрослых людей, которые вопреки общественной морали и внутреннего безнравственного состояния передают алкогольную или спиртосодержащую продукцию несовершеннолетним, тем самым способствуя ее распространению.

Особое значение в свете современного состояния сферы оборота алкогольной продукцией приобретает решение Правительства Российской Федерации о государственной политике, направленной на снижение потребления алкоголя и профилактики алкоголизма среди населения. В целях устойчивого развития, улучшения общественного здоровья и общественной безопасности, а также обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов в долгосрочной перспективе Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 3547-р была утверждена концепция сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 г. и дальнейшую

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 17 мая 2023 г. № 358 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 21. Ст. 3696.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

перспективу¹. К числу принципов, на которых основывается концепция, можно отнести использование межведомственного системного подхода при реализации мероприятий по сокращению потребления алкоголя, а также приоритет защиты детей от возможных рисков, связанных с незаконным потреблением ими алкоголя.

Основные мероприятия по реализации задач концепции, касающихся непосредственно профилактики употребления и продажи несовершеннолетним алкогольной продукции, заключаются в: разработке образовательных программ для учащихся образовательных организаций, способствующих привитию ориентации на здоровый и безопасный образ жизни; противодействию нелегальному обороту алкоголя; проведении открытых уроков о вреде и последствиях употребления алкогольной продукции в образовательных организациях; разработке мер по привлечению молодежи к занятиям спортом, туризмом и иными видами активного досуга и отдыха, связанного с пропагандой здорового образа жизни; привлечение молодежных и волонтерских организаций при проведении мероприятий по привитию ценностей здорового образа жизни; разработке мер по защите прав несовершеннолетних в неблагополучных семьях, в которых один либо оба родителя злоупотребляют алкоголем. Помимо перечисленных мер, Концепция предусматривает также комплекс мероприятий, направленных на повышение качества и доступности медпомощи лицам с алкогольной зависимостью, развитие системы медицинской реабилитации, социальной адаптации и ресоциализации указанных лиц. Комплексная реализация всех намеченных планов и мероприятий, предусмотренных концепцией, позволит достичь ожидаемых результатов к 2030 г.: сокращение потребления алкогольной продукции, сокращение смертности и уменьшение числа повторных госпитализаций зависимых от алкоголя лиц.

Анализ Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации

на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу позволяет сделать вывод о том, что в системе государственного регулирования защиты несовершеннолетних от противоправных посягательств и незаконных действий в приоритете находится профилактическая работа уполномоченных субъектов, компетентных контролировать сложную сферу алкогольного обращения. При этом важными становятся мероприятия по информированию населения о пагубном влиянии алкоголя, вызываемых им заболеваниях и формировании мотивации к ведению здорового образа жизни. Однако несмотря на важность осуществления государственными и муниципальными органами власти, общественными объединениями и организациями превентивных мер, все еще остается актуальным вопрос совершенствования правового регулирования производства и оборота алкогольной продукции. В этой части особого внимания требует комплексная защита подрастающего поколения от негативного влияния алкогольной продукции, табачной продукции, никотинсодержащей и иной продукции. Вместе с тем перечисленные меры государственного характера носят дискуссионный характер, поскольку данные мероприятия не отличаются особой новизной и, соответственно, не отличаются особой эффективностью. Необходимо рассмотреть вопросы применения института медиации при работе с несовершеннолетними, состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, к примеру, привлекать волонтеров для работы в сложных молодежных средах.

Особое значение приобретает разработка мер по госрегулированию сферы оборота алкогольной продукции и табачной и иной ограниченной в обороте продукции с использованием зарубежного опыта. Немаловажное значение в этом вопросе отводится особому географическому положению нашей страны, так как территориальное расположение государства обусловило влияние западных культур на самобытный уклад общественных отношений

¹ Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в Российской Федерации на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу : распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 декабря 2023 г. № 3547-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 51. Ст. 9435.

в условиях формирования правового государства в России. Локализация правового пространства в соотношении со временем и социальными процессами, происходящими в той или иной стране, позволяет выявить закономерности и пути решения проблемы раннего приобщения несовершеннолетних к алкогольной продукции.

Зарубежное законодательство, регулирующее вопросы борьбы с нелегальным оборотом алкогольной продукции, имеет общие черты с отечественным законодательством, которые выражаются в социальной обусловленности наличия негативной реакции общества на факты чрезмерного употребления алкогольной продукции в общественных местах, в том числе росте преступлений в состоянии алкогольного опьянения и распространении запрещенной продукции среди несовершеннолетних, что наносит существенный вред общественным и государственным интересам.

Историческое и культурное развитие общества оказывает определяющее влияние на правопонимание и отношение людей к праву. В этой связи следует согласиться с мнением А.А. Бекишева и М.А. Мирзавева в том, что именно историко-культурные факторы всегда играли определяющую роль в развитии правовой системы России [4, с. 32]. Интеграция положительного зарубежного законодательного опыта в российскую правовую систему невозможно без определения точек соприкосновения отечественной и других мировых культур. Следует согласиться А. А. Гайдеровым, что необходимо изучать отечественную правовую культуру с точки зрения общецивилизационного подхода [5, с. 2]. Вместе с тем обращение к этнокультурному анализу в части изучения зарубежного опыта правового регулирования и контроля сферы оборота алкогольной продукции позволяет более точно разграничить влияние культурных ценностей стран Востока и Запада на регулирование общественного воспитательного процесса.

В заключение представляется возможным сформулировать следующие выводы. Во-первых, регулирование оборота алко-

гольной продукции в части осуществления запретительных мер на продажу алкогольной и спиртосодержащей продукции несовершеннолетним является более конструктивным, чем в европейских государствах. Вместе с тем и в нашей стране еще существуют проблемы, связанные с распространением алкогольной продукции среди несовершеннолетних, которые требуют усиления административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений на легальном и теневом рынке сбыта алкогольной продукции. Во-вторых, на факторы, связанные с распространением алкогольной и спиртосодержащей продукции среди несовершеннолетних, невозможно влиять исключительно посредством применения положений административного и уголовного характеров, поскольку распространение такой продукции среди лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, является общесоциальной проблемой и ее интенсивность зависит от развитости общей и правовой культуры в том или ином государстве. В-третьих, для того чтобы эффективно влиять на предотвращение распространения запрещенной продукции среди несовершеннолетних, а также действительно обеспечивать мероприятия по контролю за продажей несовершеннолетним алкогольной продукции, необходимо, чтобы правоохранительные меры по предотвращению распространения такой продукции велись в оперативном, безотлагательном и постоянном режимах. Однако у органов внутренних дел не хватает человеческих ресурсов, чтобы обеспечить оперативный контроль за рынком как легального, так и нелегального оборота алкогольной продукции. В-четвертых, действующие конструкции ст. 151, 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) не решают существующие проблемы распространения алкогольной и спиртосодержащей продукции среди несовершеннолетних, поскольку составы данных преступлений построены по формальному основанию, а поэтому позволяют привлекать к уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции только при наличии прямого умысла. Также

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

признаки данных составов преступлений не предусматривают возможности привлечения к уголовной ответственности за факт «передачи» взрослым человеком алкогольной продукции лицу, не достигшему совершеннолетнего возраста. С вопросами при-

влечения лица к уголовной ответственности за совершение преступления по ст. 151.1 УК РФ все еще возникают определенные сложности, обусловленные коллизионным соотношением нормативных положений гражданского и уголовного законодательства.

Список литературы

1. Мячин А. Р. Эмансипация несовершеннолетнего // Вестник науки. 2022. Т. 2. № 4 (49). С. 87–94.
2. Бадретдинов А. И. О некоторых вопросах правоприменения статьи 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4. С. 127–131.
3. Бадретдинов А. И. О профилактике употребления несовершеннолетними алкогольной продукции // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 405–407.
4. Бекишиев А. А., Мирзаев М. А. Культурно-исторические факторы в развитии правовой системы России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 31. № 1. С. 32–37.
5. Гайдеров А. А. Традиционные и религиозные факторы в формировании правовой системы России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Рос. акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. М., 2002. 24 с.

References

1. Myachin A. R. Emancipation of a minor // Bulletin of Science. 2022. VOL. 2. № 4 (49). P. 87-94.
2. Badretdinov A. I. On some issues of law enforcement of Article 151.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Education. Science. Scientific cadres. 2024. № 4. P. 127-131.
3. Badretdinov A. I. On the prevention of the use of alcoholic beverages by minors // Eurasian Legal Journal. 2024. № 3 (190). P. 405-407.
4. Bekishiev A. A., Mirzaev M. A. Cultural and historical factors in the development of the legal system of Russia // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2016. VOL. 31. № 1. P. 32-37.
5. Gaiderov A. A. Traditional and religious factors in the formation of the legal system of Russia: abstract dis.... Candidate of Law: 12.00.01 / Ros. Academy State Service under the President of the Russian Federation. M., 2002. 24 p.

Информация об авторе (авторах): Шайхуллин Марат Селирович, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author(s): Shaikhullin Marat Selirovich, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, (450103, Russia, Ufa, Muksinova St., 2), Doctor of Law, Associate Professor, Lawyer.

Статья поступила в редакцию 07.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 07.01.2026; approved after 27.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

Некоторые вопросы рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам опознаваемого лица

М.Ю. Мирхайдарова

Уфимский юридический институт МВД России,

Уфа, Российская Федерация

Mariya9mariya06@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные проблемы, возникающие в ходе рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам. Актуальность темы обусловлена устойчивым ростом доли преступлений, совершаемых в условиях неочевидности, когда основным либо единственным источником криминалистически значимой информации выступает фонограмма устной речи. При этом уголовно-процессуальный закон, прямо не запрещая опознание по голосу, не содержит специальной регламентации его процедуры, что порождает вариативность правоприменительной практики и риски признания доказательств недопустимыми. Особое внимание уделяется критическому анализу современной научной литературы: монографическому исследованию А.Ш. Каганова (2025), посвященному теоретическим основаниям криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи, а также публикациям Е.И. Галяшиной, Е.Р. Россинской, А.В. Громовой с соавторами (2023–2025). В работе систематизируются типичные тактические ошибки, допускаемые на рабочем этапе: отсутствие критериев подбора статистов и фонограмм-образцов, игнорирование специалиста-фоноскописта, формальное применение аудиопотоколирования, недооценка возможности использования программных средств изменения голоса в целях обеспечения безопасности опознающего. На основе анализа Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2025 г. № 1800-О, а также актуальной практики Шестого и Второго кассационных судов общей юрисдикции (2023–2024) выявляются дефекты процессуального оформления результатов опознания. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона и ведомственных методических рекомендаций, включая обязательное участие специалиста, введение критериев сходства голосовых характеристик, унификацию требований к технической фиксации, а также легализацию возможности применения технологий маскировки голоса при наличии угроз безопасности. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении рабочего этапа опознания по голосу сквозь призму интеграции современных цифровых технологий (дипфейки, программные синтезаторы речи) и процессуальных гарантий достоверности доказательств.

Ключевые слова: криминалистика, тактика следственных действий, опознание по голосу, фоноскопическая экспертиза, речевая информация, идентификация личности, рабочий этап, судебная практика, аудиопотоколирование.

Для цитирования: Мирхайдарова М.Ю. Некоторые вопросы рабочего этапа предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам опознаваемого лица // Право и государственность. 2026. № 1 (10). С. 82–88.

Original article

On some issues of the working stage of presenting a person for identification by voice and speech characteristics of the identified person

M.Yu. Mirkhaydarova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Ufa, Russian Federation

Mariya9mariya06@mail.ru

Abstract. The article examines the theoretical and applied problems arising during the working stage of presenting a person for identification by voice and speech characteristics. The relevance of the topic is due to a steady increase in the proportion of crimes committed under non-obvious conditions, where a phonogram of oral speech serves as

the main or only source of forensically significant information. At the same time, the criminal procedure law, while not directly prohibiting voice identification, does not contain special regulation of its procedure, which leads to variability in law enforcement practice and risks of evidence being declared inadmissible. Special attention is paid to a critical analysis of modern scientific literature: the monographic study by A.Sh. Kaganov (2025) devoted to the theoretical foundations of forensic personality identification by voice and sounding speech, as well as publications by E.I. Galyashina, E.R. Rossinskaya, A.V. Gromova with co-authors (2023–2025). The work systematizes typical tactical errors made at the working stage: the lack of criteria for selecting assistants and reference phonograms, ignoring a phonoscopic specialist, formal application of audio recording, underestimation of the possibility of using software tools for voice modification to ensure the safety of the identifier. Based on the analysis of the Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.06.2025 No. 1800-О, as well as the current practice of the Sixth and Second Cassation Courts of General Jurisdiction (2023–2024), defects in the procedural formalization of identification results are revealed. Proposals are formulated for improving the criminal procedure law and departmental methodological recommendations, including the mandatory participation of a specialist, the introduction of criteria for the similarity of voice characteristics, the unification of requirements for technical recording, as well as the legalization of the possibility of using voice masking technologies in the presence of security threats. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive examination of the working stage of voice identification through the prism of integrating modern digital technologies (deepfakes, software speech synthesizers) and procedural guarantees of evidence reliability.

Keywords: criminalistics, investigative tactics, voice identification, phonoscopic examination, speech information, personal identification, working stage, judicial practice, audio recording.

For citation: Mirkhaydarova M.Yu. Some Issues of the Working Stage of Presenting a Person for Identification Based on the Voice and Speech Characteristics of the Identified Person // Law and statehood. 2026. № 1 (10). P. 82–88.

Предъявление лица для опознания по голосовым и речевым свойствам относится к числу следственных действий, сложность производства которых обусловлена не столько отсутствием законодательного запрета, сколько фрагментарностью процессуальной регламентации и отставанием ведомственных тактических рекомендаций от стремительно развивающихся цифровых технологий фиксации, обработки и синтеза устной речи. Как справедливо отмечает А.Ш. Каганов в фундаментальном монографическом исследовании 2025 г., посвященном теоретическим основаниям криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи, «современное состояние экспертной идентификации характеризуется переходом от сугубо перцептивных методик к интегративным акустико-лингвистическим моделям, однако правоприменительная практика в части собирания сравнительных образцов и процессуального оформления опознания продолжает оперировать категориями, сформировавшимися еще в эпоху аналоговой звукозаписи» [1, с. 57]. Данный разрыв между экспертно-криминалистическими возможностями и следственной тактикой наиболее остро проявляется именно на рабочем этапе – стадии непосредственного восприятия опознающим предъявляемых

фонограмм и вынесения идентификационного решения.

Вопреки распространенному в правоприменительной среде мнению, опознание по голосу не является исключительно «суррогатной» или «факультативной» формой визуальной идентификации. Как подчеркивается в статье Н.Н. Ильина, опубликованной в журнале «Российский следователь» в 2025 г., «в одном из своих решений Верховный Суд Российской Федерации признал правомерным опознание, проведенное по голосу, указав, что положения ст. 193 УПК РФ, на которые имеется ссылка в жалобе, не запрещают возможность опознания лица по голосу, который имеет индивидуальные признаки, позволяющие различить конкретных лиц по голосу» [2]. Более того, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2025 г. № 1800-О, вынесенном по жалобе гражданки О.Ф. Швецовой, оспаривавшей конституционность ст. 193 УПК РФ, высший орган конституционного контроля, хотя и отказал в принятии жалобы к рассмотрению по мотивам недопустимости, тем не менее не усомнился в самой возможности проведения данного следственного действия, косвенно подтвердив его соответствие конституционным стандартам доказывания [3]. Примечатель-

но, что заявительница среди прочего ссылалась на то, что «при проведении опознания вместе с ней для опознания предъявлялись лица другой национальности, имеющие другой цвет волос, являвшиеся сотрудниками полиции, и притом эти лица были значительно моложе ее» [3], что прямо указывает на дефекты рабочего этапа, выразившиеся в нарушении требования о сходности предъявляемых объектов. Указанная жалоба наглядно иллюстрирует системную проблему: правоприменитель, формально соблюдая процедуру, предусмотренную для визуального опознания, механически переносит ее на опознание по голосу, не адаптируя критерии сходства к специфике слухового восприятия.

Анализ современных научных источников свидетельствует о том, что в период 2023–2025 гг. произошла существенная актуализация исследований в области судебной фоноскопии и тактики опознания по голосу. В статье «Теоретические и практические вопросы назначения и производства судебной фоноскопической экспертизы», опубликованной в Вестнике Восточно-Сибирского института МВД России в апреле 2025 г., обстоятельно рассматриваются проблемы назначения и производства фоноскопических экспертиз, причем авторы особо акцентируют внимание на том, что «современные методы автоматической идентификации диктора, основанные на анализе формантных траекторий и мел-частотных кепстральных коэффициентов, предъявляют повышенные требования к качеству и репрезентативности сравнительных образцов, получаемых, в том числе, в ходе такого следственного действия, как предъявление для опознания» [4, с. 280]. Следовательно, рабочий этап опознания по голосу выступает не просто самостоятельным тактическим приемом, но и важнейшей стадией формирования будущего экспертного материала. В этой связи вызывает обоснованную тревогу позиция тех практических работников, которые рассматривают аудиопротоколирование опознания исключительно как формальную гарантию допустимости, игнорируя его идентификационный потенциал.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов рабочего этапа остается критерий подбора статистов и фонограмм-образцов. Действующая редакция ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), как верно указывается в публикациях С.С. Маевского и В.А. Дударева, не содержит упоминания об опознании по голосу и, соответственно, не раскрывает содержание понятия «сходные голосовые свойства» [5, с. 47]. Сравнительно-правовой анализ показывает, что законодательство ряда государств – участников СНГ (в частности, Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики) пошло по пути детальной регламентации процедуры опознания по голосу, включая требования к количеству статистов, содержанию речевого материала и порядку его воспроизведения [5, с. 49; 6, с. 127¹]. Российский законодатель, несмотря на неоднократные призывы процессуалистов и криминалистов, данную лаку до настоящего времени не восполнил, что порождает эклектичность правоприменительной практики: от полного игнорирования необходимости подбора статистов до формального привлечения двух любых лиц независимо от параметров их голоса.

Представляется, что восполнение указанного пробела не может быть осуществлено исключительно путем ведомственного нормотворчества, однако разработка унифицированных тактических рекомендаций на уровне методических рекомендаций Следственного комитета Российской Федерации и МВД России является насущной необходимостью. В основу таких рекомендаций, на наш взгляд, должен быть положен принцип принципиальной смешиваемости голосов статистов и опознаваемого в условиях ограниченного по времени слухового восприятия. При этом следователь, не обладающий специальными познаниями в области акустики и лингвистики, не в состоянии самостоятельно оценить такие параметры, как диапазон частоты основного тона, средняя длительность пауз, коэффициент varia-

¹ Примечание: источник сохраняет научную ценность как одна из первых постановок проблемы, несмотря на год публикации.

бельности темпа речи. Отсюда вытекает настоятельная необходимость обязательного участия специалиста-фоноскописта или лингвиста-криминалиста на этапе подбора фонограмм-образцов. Как справедливо отмечают П.В. Абрамова (2021) и И.Е. Куликова (2022), «особую важность приобретает взаимодействие следователя с оперативно-разыскными органами при проведении предъявления для опознания по голосу», поскольку именно оперативные подразделения располагают наиболее полными массивами фонограмм, полученными в результате оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности» [7; 8].

Не менее сложной проблемой рабочего этапа является определение содержательного наполнения фонограмм, предъявляемых опознающему. В учебно-методическом пособии для ординаторов, подготовленном сотрудниками кафедры судебной медицины Казанского государственного медицинского университета Л.Г. Александровой и В.А. Каляновым (2024), подчеркивается, что «идентификационно значимыми признаками устной речи выступают не только акустические, но и лингвистические маркеры: устойчивые лексические и грамматические конструкции, диалектные и социолектные особенности, специфика построения фраз» [9, с. 14]. Однако в ходе опознания, проводимого в рамках предварительного расследования, предъявление фонограмм, содержащих ярко выраженные лингвистические особенности, способные выступать в роли своеобразной «речевой подписи», недопустимо, поскольку это предопределяет узнавание не столько по голосу, сколько по содержанию речи. Парадокс заключается в том, что стремление следователя к максимальной объективизации – предъявлению наиболее продолжительных и информативных фрагментов речи – вступает в противоречие с тактическим требованием нейтральности речевого материала. В судебной практике встречаются случаи, когда защита обоснованно оспаривала результаты опознания, ссылаясь на то, что опознающий указал на лицо не столько по голосу, сколько по уникальным речевым оборотам, которые могли быть известны узкому кругу лиц [10]. Разрешение данного противопо-

речия видится в дифференцированном подходе: при подготовке фонограмм-образцов следует использовать нейтральные по содержанию, унифицированные тексты, аналогичные по лексико-грамматической структуре, но сохраняющие индивидуальные просодические и темпоральные характеристики речи.

Технологический вызов современному этапу развития тактики опознания по голосу связан с распространением систем искусственного интеллекта, генерирующих синтезированную речь (deepfake voice), а также программных продуктов, позволяющих модифицировать голос в режиме реального времени. В 2023 г. коллективом авторов под руководством А.В. Громовой было опубликовано значимое исследование «Выявление признаков применения специальных программных средств для изменения голоса», в котором на большом эмпирическом материале продемонстрирована принципиальная возможность диагностики факта модификации речевого сигнала, однако данная диагностика требует применения сложных инструментальных методов и недоступна в рамках перцептивного опознания [11, с. 23–25]. Следовательно, рабочий этап опознания по голосу должен предваряться технико-криминалистическим исследованием фонограмм на предмет аутентичности и отсутствия следов монтажа либо синтеза. Без такой предварительной проверки опознание по фонограмме, сгенерированной нейросетью, может привести к фатальным судебным ошибкам. К сожалению, ни УПК РФ, ни подзаконные акты не обязывают следователя удостовериться в подлинности предъявляемого речевого сигнала.

Существенным резервом повышения достоверности опознания по голосу выступает совершенствование практики аудиопротоколирования. Как явствует из материалов уголовных дел, аудиозапись хода следственного действия часто носит фрагментарный характер: фиксируются лишь заявления опознающего, но не процесс воспроизведения фонограмм, реплики статистов, вопросы и комментарии участников. Между тем в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2023 г. № 77-4521/2023 под-

черчивается, что суд, проверяя доводы жалобы, исследовал в том числе «протоколы осмотра и прослушивания дисков», и именно наличие надлежаще оформленных аудионосителей позволило суду признать доказательства допустимыми [12]. Обратная ситуация была зафиксирована в апелляционном постановлении Второго кассационного суда общей юрисдикции, где защите удалось добиться исключения протокола опознания, поскольку приложенный к нему компакт-диск не позволял идентифицировать, какой именно голос принадлежал опознаваемому, а какой – статистам, ввиду отсутствия на фонограмме объявления следователем порядка проведения следственного действия [13].

В контексте обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности и пределах применения технических средств маскировки голоса опознающего. Визуальное опознание в условиях, исключающих наблюдение опознаваемым опознающего, прямо предусмотрено ч. 8 ст. 193 УПК РФ. При опознании по голосу визуальный контакт, как правило, отсутствует, однако голос опознающего, дающего пояснения и заявляющего об узнавании, фиксируется на фонограмме и впоследствии может быть признан опознаваемым либо его окружением. Парадоксальность ситуации заключается в том, что законодатель, предусмотрев повышенные меры безопасности для визуального опознания, оставил без внимания аналогичные риски при опознании по голосу. Определенный позитивный опыт накоплен в зарубежных юрисдикциях, где допускается изменение частотных характеристик голоса опознающего в реальном времени при сохранении разборчивости речи и неизменности смыслового содержания высказываний. Представляется, что в условиях цифровой трансформации средств связи и звукозаписи включение в УПК РФ нормы, допускающей применение сертифицированных программно-аппаратных комплексов модификации голоса при наличии угрозы безопасности опознающего, является своевременным и обоснованным шагом.

Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного

Суда Российской Федерации за 2023–2025 гг. свидетельствует о том, что высшие судебные инстанции, не оспаривая саму допустимость опознания по голосу, последовательно формируют правовые позиции, ужесточающие требования к процедуре его проведения. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2024 г. № 81-УД24-2-К8 обращено внимание на то, что в материалах дела отсутствуют сведения о том, какими именно признаками голоса и речи опознаваемый отличается от иных лиц, предъявленных для опознания, а также не зафиксировано, на основании каких конкретно характеристик (тембр, темп, интонация, дефекты речи) опознающий пришел к выводу о тождестве [14]. Данная позиция имплицитно содержит требование о необходимости детализации в протоколе следственного действия не только факта узнавания, но и его содержательных оснований.

Таким образом, комплексный анализ теоретических источников, правоприменительной практики и экспертных позиций позволяет сформулировать следующие выводы. Рабочий этап предъявления лица для опознания по голосовым и речевым свойствам представляет собой сложное, многоаспектное образование, качество которого детерминировано четырьмя группами факторов: процессуальной регламентированностью (точнее, ее отсутствием), тактической компетентностью следователя, уровнем технико-криминалистического обеспечения и полнотой взаимодействия с оперативно-розыскными и экспертными подразделениями. Действующая редакция ст. 193 УПК РФ, допускающая опознание по голосу в силу доктринального толкования и судебного прецедента, но не содержащая специальных правил его производства, исчерпала свой регулятивный потенциал. Назрела необходимость в дополнении указанной статьи частями 9–12, регламентирующими: критерии подбора лиц, предъявляемых для опознания по голосу (с обязательным участием специалиста); требования к фонограммам-образцам (нейтральное содержание, сопоставимая продолжительность, отсутствие монтажа);

порядок аудиопротоколирования (непрерывность, полнота фиксации, возможность последующего экспертного исследования полученных фонограмм); а также основания и порядок применения средств маскировки голоса опознающего в целях обеспечения его безопасности. Одновременно требуется внесение изменений в ведомственные инструкции о порядке взаимодействия следователя с экспертно-криминалистическими подразделениями в части

обязательного предварительного исследования фонограмм на предмет подлинности до их предъявления для опознания. Только такая комплексная модернизация позволит преодолеть разрыв между современными возможностями судебной фоноскопии и архаичными тактическими схемами, а также обеспечит баланс между публичным интересом в раскрытии преступлений и конституционным правом личности на справедливое правосудие.

Список литературы

1. Каганов А. Ш. Теоретические основания и практические основы криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи : монография. М. : Юрлитинформ, 2025. 286 с.
2. Ильин Н. Н. Предъявление для опознания: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты // Российский следователь. 2025. № 4. С. 28–33.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Швецовой Ольги Федоровны на нарушение ее конституционных прав статьями 193, 234, 241 и 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 июня 2025 г. № 1800-О.
4. Theoretical and Practical Issues of Appointing and Conducting Forensic Phonoscopic Examination // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2 (105). С. 276–284.
5. Маевский С. С., Дударев В. А. Порядок предъявления для опознания по уголовно-процессуальному законодательству России и некоторых стран СНГ: сравнительный анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 1. С. 45–49.
6. Виды предъявления для опознания. Нужны ли изменения в УПК РФ? // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 125–131.
7. Абрамова П. В. К вопросу об особенностях взаимодействия следователя и оперативных сотрудников при расследовании преступлений, воспрепятствующих осуществлению правосудия // Российский следователь. 2021. № 3. С. 15–19.
8. Куликова И. Е. Особенности проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий при раскрытии мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и методов социальной инженерии // Российский следователь. 2022. № 7. С. 31–35.
9. Александрова Л. Г., Калянов В. А. Идентификация личности : учебно-методическое пособие для ординаторов, обучающихся по специальности 31.08.10 «Судебно-медицинская экспертиза». Казань : КГМУ, 2024. 31 с.
10. Уголовное дело № 1-128/2024. Приговор от 15 мая 2024 г. // Архив Ленинского районного суда г. Казани. Документ опубликован не был.
11. Выявление признаков применения специальных программных средств для изменения голоса : методические рекомендации / А.В. Громова, С. С. Ошкуков, И. А. Серебряков [и др.]. М. : ЭКЦ МВД России, 2023. 48 с.
12. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2023 г. № 77-4521/2023 (УИД 73RS0001-01-2022-004693-49). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Апелляционное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 февраля 2024 г. № 55-172/2024. Дело № 77-341/2024 // Архив Второго кассационного суда общей юрисдикции. Документ опубликован не был.
14. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2024 г. № 81-УД24-2-К8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 7. С. 22–25.

References

1. Kaganov A. Sh. Theoretical foundations and practical foundations of forensic identification of a person by voice and sounding speech: monograph. M.: Yurlitinform, 2025. 286 p.
2. Ilyin N. N. Presentation for identification: forensic and criminal procedural aspects // Russian investigator. 2025. № 4. P. 28-33.
3. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Olga Fedorovna Shvetsova about violation of her constitutional rights by Articles 193, 234, 241 and 259 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 26, 2025 № 1800-O.

4. Theoretical and Practical Issues of Appointing and Conducting Forensic Phonoscopic Examination // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (105). P. 276-284.
5. Mayevsky S. S., Dudarev V. A. Procedure for presentation for identification under the criminal procedure legislation of Russia and some CIS countries: comparative analysis // International criminal law and international justice. 2021. № 1. P. 45-49.
6. Types of presentation for identification. Are changes needed in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation ? // Problems of economics and legal practice. 2017. № 4. P. 125-131.
7. Abramova P. V. On the issue of the peculiarities of interaction between the investigator and operational officers in the investigation of crimes that obstruct the administration of justice // Russian investigator. 2021. № 3. P. 15-19.
8. Kulikova I. E. Features of some operational-search measures in the disclosure of frauds committed using mobile communications and social engineering methods // Russian investigator. 2022. № 7. P. 31-35.
9. Alexandrova L. G., Kalyanov V. A. Personality identification: educational and methodological manual for residents studying in the specialty 31.08.10 «Forensic medical examination.» Kazan: KSMU, 2024. 31 p.
10. Criminal case № 1-128/2024. Verdict of May 15, 2024 // Archive of the Leninsky District Court of Kazan. The document was not published.
11. Identification of signs of the use of special software for voice change: guidelines / A. V. Gromova, S. S. Oshkukov, I. A. Serebryakov [and others]. M.: ECC Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 48 p.
12. Determination of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated November 1, 2023 № 77-4521/2023 (UID 73RS0001-01-2022-004693-49). Access from the ConsultantPlus legal system.
13. Appeal ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of February 19, 2024 № 55-172/2024. Case № 77-341/2024 // Archive of the Second Cassation Court of General Jurisdiction. The document was not published.
14. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 14, 2024 № 81-UD24-2-K8 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2024. № 7. P. 22-25.

Информация об авторе (авторах): Мирхайдарова Мария Юрьевна, преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России (450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2)

Information about the author(s): Mirkhaydarova Maria Yurievna, Lecturer at the Department of Professional Training at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (450103, Russia, Ufa, Muksinova Street, 2)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 09.03.2026.

The article was submitted to the editorial office of the 12.01.2026; approved after 22.02.2026 review; accepted for publication 09.03.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Перед направлением материалов в редакцию научно-правового журнала «Право и государственность» просим Вас ознакомиться с правилами опубликования статей.

Все поступающие в редакцию материалы (научные статьи, рецензии и т. д.) проходят обязательное рецензирование, проверку системой «Антиплагиат» (уровень оригинальности статьи не должен быть менее 70%).

Автор (авторы) должны предоставлять в редакцию материалы, обладающие оригинальностью. К опубликованию не принимаются научные статьи, ранее публиковавшиеся в других изданиях или находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать выводы или предложения в рамках проведенного исследования. Статьи принимаются на русском языке.

Структура статьи.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру:

1. **Индекс УДК.** Для определения индекса УДК можно воспользоваться информационно-справочными системами, описывающими универсальную десятичную классификацию. Индекс УДК должен соответствовать специальности, по которой выполнена научная статья.

2. **Заглавие статьи:** заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю.

3. **Оформление сведений об авторе (авторах).** Ф.И.О. автора (авторов), степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, город, страна, e-mail (авторов). Сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. При оформлении указываются инициалы имени, отчества автора и фамилия (пример: И.А. Иванов).

4. **Аннотация и ключевые слова.** Аннотация должна быть не менее 100 слов, представлена на русском и английском языках. Ключевые слова также предоставляются на русском и английском языках, 5 – 10 слов или словосочетаний. Ключевые слова отделяются друг от друга запятой.

5. **Объем рукописи** должен составлять от 7 до 10 стр., формата А4, но не более 20 тыс. знаков.

6. **Список литературы.** На каждый источник, включенный в список литературы, должна быть дана ссылка в квадратных скобках в тексте статьи. При оформлении статьи необходимо указывать в квадратных скобках соответствующие нумерацию и страницу, на которую ссылается автор [1, с. 34–36]. При этом, в списке использованной литературы должны быть указаны все страницы источника на который ссылается автор, полные выходные данные источника.

Цитируемые в тексте нормативные правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от ...) или изменений (с изм. от ...), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования. Ссылки на справочные правовые системы СПС «Консультант», «Гарант» и др., не допускаются.

Обратите внимание! Если статья выполнена несколькими авторами, то на последней странице представленного материала должно быть указано об отсутствии у авторов научной статьи конфликта интересов. (Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).

7. **Требования к компьютерному набору:** формат А4; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал 1,5; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

- Заглавие статьи: кегль 16, заголовки записываются строчными буквами полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю;

- Сведения об авторе (авторах): кегль 12, инициалы и фамилия автора полужирным шрифтом; место работы и др. сведения обычным шрифтом с выделением курсива;

- Аннотация и ключевые слова: кегль 12, объем не менее 100 и не более 200 слов;

Текст статьи: кегль 14, объем не более 20 тыс. знаков.

Список литературы и транслитерация: кегль 12, оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

8. **Таблицы (рисунки)** должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: pravoigosudarstvennost@mail.ru

9. Все аспиранты дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя.

10. Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается. Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Научно-правовой журнал

№ 1 (10) 2026

Подписано в печать 12.03.2026.
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 6.08.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО МедиаПринт,
450005, Российская Федерация,
г. Уфа, ул. 50 лет Октября, д. 20.

ДЛЯ ЗАПИСИ
